ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Гр. А. К. Толстого.

ТОМЪ ВТОРОЙ

С.-Петербургъ.

1895.

ТОМЪ ВТОРОЙ

1866—1875.

ПОЭМЫ, ПОВѢСТИ, ДРАМЫ.

Посадникъ.

ТРИ ПЕРВЫЯ ДѢЙСТВІЯ ДРАМЫ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Бояринъ Глѣвъ Миронычъ, степенный посадникъ новгородскій.
Посадница, жена его.
Вѣра, дочь ихъ.
Боярыня Мамелфа Дмитревна, вдова прежняго посадника.
Вышата, Роговичъ, Жирохъ, Кривцевичъ — новгородскіе бояре.
Василько, женихъ Вѣры, дочери посадника.
Ставръ, Головня, Радько — товарищи его.
Бояринъ Ѳома Григорьичъ, бывшій новгородскій воевода.
Бояринъ Андрей Юрьевичъ Чермный, новый новгородскій воевода.
Наталья, полюбовница Чермнаго.
Рагуйло, братъ ея, изъ непріятельскаго стана.
Кондратьевна, няня ея.
Дѣвушка, прислужница ея.
Мечникъ.
Гридень.

Подвойскій.
Одинъ изъ бояръ.
Другой „
Третій „
Четвертый „
Одинъ изъ народа.
Другой „
Третій „
Четвертый „
Пятый „
Шестой „
Седьмой „
Восьмой „

Граждане. Бояре. Гридни. Огнищане.

Дѣйствіе въ Великомъ Новгородѣ, въ XIII столѣтіи.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

УЛИЦА.

Толпа народа возвращается съ площади.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Конецъ вѣчу. Договорились до дѣла!

ВТОРОЙ ИЗЪ НАРОДА.

По шеямъ боярина Ѳому'

ТРЕТІЙ ИЗЪ НАРОДА.

Давно бы такъ! Что̀ онъ былъ за воевода! Суздальцамъ хотѣлъ ворота отпереть! Не можемъ-де долѣ держаться!

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Къ чорту его! Бояринъ Чермный не отопретъ!

ТРЕТІЙ ИЗЪ НАРОДА.

Не таковскій!

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

А и у Ѳомы сильна сторона! Я какъ увидѣлъ, что Плотницкіе одинъ за другимъ въ доспѣхахъ подсѣдаютъ, ну, думаю, въ топоры пойдутъ!

ВТОРОЙ ИЗЪ НАРОДА.

И пошли бы въ топоры, когда бъ не посадникъ! Дай Богъ ему здоровья, Глѣбу Миронычу! Не рѣчистъ, да мѣтко его слово: «Не о томъ, говоритъ, споръ, кому воеводой быть, а о томъ, вольнымъ ли намъ городомъ оставаться! Хотите ли послушаться Ѳомы? Хотите ли Суздальскимъ пригородкомъ учиниться?»—Тутъ мы первые закричали: «Не хотимъ! Долой Ѳому!»

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

А Плотницкіе-то свое несутъ; какъ Ѳома ихъ училъ, такъ и долбятъ: «Не можемъ держаться! Приступомъ насъ возьмутъ!»

ВТОРОЙ ИЗЪ НАРОДА.

А какъ осерчалъ-это на нихъ Глѣбъ Миронычъ! «Неправда!» говоритъ, «три дня еще продержимся, пока Псковичи на выручку подойдутъ! Кто смѣлуетъ мнѣ, посаднику Глѣбу, не вѣрить?»—Такъ и сказалъ: «кто смѣлуетъ мнѣ, Глѣбу, не вѣрить?»

ТРЕТІЙ ИЗЪ НАРОДА.

Великъ его почетъ въ Новѣгородѣ! Какъ сказалъ: кто смѣлуетъ мнѣ не вѣрить?—такъ вся Добрынина улица въ одинъ голосъ: «Вѣримъ тебѣ, вѣримъ! Долой Ѳому! Тебѣ, Глѣбу, воеводой быть!»

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Нѣтъ, то не Добрынина, а наша Люгоша улица напередъ всѣхъ закричала: «Тебѣ воеводой быть!»

ВТОРОЙ ИЗЪ НАРОДА.

Обѣ улицы закричали. Да спасиба-то онъ никому не сказалъ. «Не мнѣ, говоритъ, а Чермному быть воеводой! Чермный лучше всѣхъ дѣло знаетъ, нѣтъ супротивъ Чермнаго во всемъ въ Новѣгородѣ!»

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

А молодые, молодые-то и обрадовались. Во всѣхъ концахъ заголосили: «Чермнаго! Чермнаго!» Они-то и перекричали Плотницкихъ!

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Не они одни, всѣ мы ихъ перекричали. Заставили языкъ прикусить!

ТРЕТІЙ ИЗЪ НАРОДА.

Куда одному концу противъ всѣхъ!

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

А въ кольчугахъ, было, подсѣли! Думали Новгородъ на-двое раздѣлить. Тутъ бы они и ударили за Ѳому, да не удалось, когда посадникъ сказалъ: «кто смѣлуетъ мнѣ, Глѣбу, не вѣрить?»

ВТОРОЙ ИЗЪ НАРОДА.

Даромъ ихъ, значитъ, Ѳома угощалъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Ни про что̀ исхарчился!

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Ну, не проститъ же онъ посаднику!

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Не проститъ!

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

А тому—какое горе! Когда Глѣбъ смотрѣлъ на кого!

ВТОРОЙ ИЗЪ НАРОДА.

Тѣмъ-то себѣ и недруговъ нажилъ!

ТРЕТІЙ ИЗЪ НАРОДА.

Правда, шеи гнуть не умѣетъ! А ужъ что̀ до порядковъ, не приведи Богъ!

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Спуску никому не дастъ. Говоритъ: «Я не просился въ посадники, а выбрали меня, такъ ужъ знайте кого выбрали!»

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

За то ему, видно, и Чермный по нраву. Этотъ также не гнётся.

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Ну, Чермный посаднику рознь. Въ ратномъ-то дѣлѣ нѣтъ супротивъ его, а дома ужъ больно до женскаго пола охочъ; отъ своей отъ Натальи души не чаетъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Кому до того нужда, коли онъ въ строю не бабится!

ЯВЛЕНІЕ II.

Другая толпа—(иные въ кольчугахъ).

ПЯТЫЙ—въ кольчугѣ.

Что̀ за оторопь на васъ нашла? Дали смѣнить Ѳому Григорьича, теперь напляшемся съ Чермнымъ! До осени миру не будетъ, до весны кораблей своихъ не увидимъ!

ШЕСТОЙ ИЗЪ НАРОДА.

Чего жъ вы, кольчужники, сложа руки сидѣли?

ПЯТЫЙ.

Какой сложа руки! Мы кричамши животы надсадили! А какъ побожился тотъ чортовъ посадникъ, что Чермный городъ отстоитъ, тутъ всѣ, какъ шальные, пошли ревѣть: Чермнаго! Чермнаго! Не со всѣмъ же Новымъ-городомъ на драку лѣзть!

СЕДЬМОЙ.

И подлинно шальные. Эка бѣда, что Ѳома за князя говорилъ! Не все ли равно торговать, что на своей ли, что на княжой ли волѣ? Безъ торгу-то, небось, лучше?

ВОСЬМОЙ.

А сталъ бы князь опять власть забирать, опять бы ему путь указали! Важно было время выиграть.

ПЯТЫЙ.

Разоритъ насъ этотъ Чермный!.. Не отстоимъ города. Суздальцы на щитъ возьмутъ!

Первая толпа.

ПЕРВЫЙ.

Какъ города не отстоимъ?

ВТОРОЙ.

Да развѣ намъ впервой низовыхъ бить?

Вторая толпа.

СЕДЬМОЙ.

Вамъ-то, чай, отъ войны не накладно, такъ вы и горланили за Чермнаго!

Первая толпа.

ВТОРОЙ.

А вамъ бы мошну набивать, а Новгородъ пропадай!

Вторая толпа.

ПЯТЫЙ.

Глѣбъ-то вамъ передъ вѣчемъ, чай, изъ своего погреба по стопѣ поднесъ?

Первая толпа.

ТРЕТІЙ.

А много вамъ князь заплатилъ за Ѳому стоять?

Вторая толпа.

ШЕСТОЙ.

Крысы подпольныя!

Первая толпа.

ВТОРОЙ.

Суздальскія собаки!

Обѣ толпы бросаются одна на другую. — Является Чермный въ сопровожденіи бояръ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ЧЕРМНЫЙ, ВАСИЛЬКО, бояре, СТАВРЪ, ГОЛОВНЯ, РАДЬКО и воины, потомъ ПОСАДНИКЪ.

ЧЕРМНЫЙ.

Что тутъ за шумъ? Кто смѣлъ затѣять ссору?
Забыли вы, что Новгородъ мнѣ далъ
На время облежанія расправу
На жизнь и смерть?

Говоръ въ народѣ.

ВТОРОЙ.

Вишь, этотъ не Ѳомѣ чета!

ТРЕТІЙ.

Съ нимъ не сдобровать!

ПЕРВЫЙ—увидѣвъ Посадника.

А вотъ и посадникъ идетъ.

ВТОРОЙ.

Отъ этого еще хуже будетъ.

ПОСАДНИКЪ—къ Чермному.

Что̀ тутъ опять горланили они?

ЧЕРМНЫЙ.

Повздорили маленько, Глѣбъ Миронычъ,
Да ничего, ужъ я имъ погрозилъ;
Самъ вѣдаешь, народъ вѣдь вольный!

ПОСАДНИКЪ.

Вольный!
Они вольны на вѣчѣ говорить,
А приговоръ когда постановили,
Онъ долженъ быть, какъ Божье слово, святъ!
Ты не грози тому, кто спорить станетъ,
А съ жерновомъ на шеѣ кинуть въ Волховъ
Его вели!

ЧЕРМНЫЙ.

Такъ имъ и будетъ, если
Опять начнутъ!

Народъ расходится по сценѣ.

ЧЕРМНЫЙ—къ боярамъ.

Великую отъ васъ
Я честь пріялъ сегодня, государи,
А съ ней отвѣтъ великій. Не должны
Мы забывать, какая угрожаетъ
Опасность намъ. Князь не съ одной своей
Дружиной для мщенья къ намъ вернулся;
Его дядьевъ дружины съ нимъ пришли,
Не пошлиной, на древлихъ Ярославлихъ
На грамотахъ, обратно столъ княжой
Онъ требуетъ, но вотчиной своею
Ужъ насъ зоветъ. Всѣ пригородки взялъ,
Посады сжёгъ. Ужъ турами бьетъ стѣны.
Отъ приступовъ его все болѣ наша
Рѣдѣетъ рать—и если Псковичи

На помощь къ намъ не подойдутъ, придется
И впрямь княжой намъ вотчиною стать,
Или, за вольность нашу, безъ остатка
Всѣмъ лечь костьми!

КРИКИ.

Всѣ, всѣ за вольность ляжемъ!

ЧЕРМНЫЙ.

Но если мы дня три лишь иль четыре
Продержимся, то Псковъ имъ въ тылъ ударитъ,
Мы жъ вылѣземъ—и правому тогда
Поможетъ Богъ!

Изъ толпы.

ТРЕТІЙ.

Съ тобой намъ Богъ поможетъ!

ВТОРОЙ.

Ты наша брань!

ВСѢ.

Живетъ бояринъ Чермный!

ЧЕРМНЫЙ.

А чтобы дать ихъ множеству отпоръ,
Всѣ за-одинъ теперь стоять должны мы.
Не для того вы сами воеводой
Поставили меня, чтобы сидѣнье
Держали мы, какъ было при Ѳомѣ!
На сонныхъ мухъ подъ нимъ мы походили!
Теперь не такъ! Теперь не оставайся
Никто въ дому! На стѣны старъ и младъ!
Кто годенъ въ строй, тотъ надѣвай кольчугу;
Кто нѣтъ, таскай тотъ землю и песокъ

На новый валъ! Передніе ли люди,
Иль младшіе—бояре или чадь—
Всякъ топоромъ, мечомъ или лопатой
Теперь служи—и еслибъ даже кто
И дьякомъ былъ, и было бъ ужъ гуменцо
Пострижено, всѣ винны за святую
Софію стать!

ВСѢ.

Всѣ станемъ за Софію!

ВТОРОЙ.

Измремъ съ тобой!

ПЕРВЫЙ.

За Новгородъ-Великій!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

За грамоты!

ТРЕТІЙ.

За волю!

ВСѢ.

Станемъ всѣ
Живой стѣной!

ЧЕРМНЫЙ.

Ступайте жъ, государи,
Къ своимъ мѣстамъ—вамъ вѣдомы они.
Всякъ знай свое, въ чужое не мѣшайся,
Перебѣгать не смѣй отъ мѣста къ мѣсту,
Какъ при Ѳомѣ. Не ваша то печаль,
Коль на какой обломъ, иль вежу, приступъ
Услышите. Отвѣтъ за все на мнѣ.
Простите же; сейчасъ приду на валъ
Осматривать работы.

Бояре уходятъ; народъ расході

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЧЕРМНЫЙ и ПОСАДНИКЪ.

ЧЕРМНЫЙ—къ Посаднику.

Глѣбъ Миронычъ!

ПОСАДНИКЪ.

Что̀, государь?

ЧЕРМНЫЙ.

Сей ночью, изъ тюрьмы
Одинъ изъ плѣнныхъ Суздальцевъ ушёлъ.
Вели его сыскать, во что̀ бъ ни стало,
Теперь опасность велика. Нельзя
Врага оставить въ городѣ. Поджогъ
Онъ учинитъ, или маякъ, пожалуй,
Своимъ подастъ. Сыскать его вели.

ПОСАДНИКЪ.

Велю сыскать. Еще что̀ мнѣ прикажешь?

ЧЕРМНЫЙ.

Ни въ ворота, ни изъ воротъ чтобъ стража
Не пропускала никого. Объѣзды
По улицамъ чините день и ночь.
Неслушливыхъ хватайте. Только, Глѣбъ
Мироновичъ, тебѣ не въ укоризну,
Пожалуй ты ужъ черезъ мѣру крутъ.
Остерегись, теперь такое время,
Другъ за̀ друга держаться всѣ должны.
Не возбудилъ бы строгостью излишней
Ты ропота. Ино—кто дѣломъ воръ,
Ино—кто только словомъ провинился:
Не всяко лыко въ строку!

ПОСАДНИКЪ.

Всяко въ строку!
Когда нашъ врагъ подъ городомъ стоитъ,
Когда его прихлѣбники безстыдно
Мутятъ народъ, когда Ѳома чуть-чуть
Уже воротъ ему не растворилъ —
Отъ слова тутъ до дѣла недалёко
И никому мирволить намъ нельзя!

ЧЕРМНЫЙ.

Чини жъ, какъ знаешь; вечеромъ тебя
Прошу къ совѣту; вмѣстѣ потолкуемъ
И подкрѣпимъ себя, чѣмъ Богъ послалъ.
Три дня, съ тобой, очей мы не смыкали,
И голова кружиться начала.
Пусть также зять придетъ твой нареченный,
Ему работу на́-ночь я задамъ.

ПОСАДНИКЪ.

Придемъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Постой, я было-позабылъ!
Въ монастырѣ, во Спасскомъ, со двора
Есть тайный ходъ; ведетъ онъ подъ землею
За городскую стѣну и выводитъ
Въ Свенельдовъ врагъ. Ключъ отъ дверцы желѣзной
Тамъ въ ризницѣ. Пожалуй, у игумна
Его возьми и принеси ко мнѣ.

ПОСАДНИКЪ.

Не слыхивалъ про этотъ ходъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Да врядъ-ли
Кто и слыхалъ. Случайно прошлымъ лѣтомъ,
Охотясь, я на устіе набрелъ.
Игуменъ говоритъ, что при Варягахъ
Онъ вырытъ былъ.

ПОСАДНИКЪ.

Засыпать бы его.

ЧЕРМНЫЙ.

Напротивъ, онъ теперь намъ пригодится:
Черезъ него лазутчика пошлю,
Иль самъ пойду, переодѣтый, ночью
Во вражій станъ.

ПОСАДНИКЪ.

Какъ знаешь. Принесу
Тебѣ тотъ ключъ. Еще чего сказать
Не вспомнишь ли?

ЧЕРМНЫЙ.

Одно сказать осталось:
Поклонъ тебѣ, бояринъ Глѣбъ Миронычъ,
Что воеводство мнѣ ты уступилъ,
Что, о себѣ не мысля, за меня
Стоялъ на вѣчѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Не-на-чемъ поклонъ.
Не за тебя, за Новгородъ стоялъ я.
Будь кто тебя получше, за того бы
Я и стоялъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Не въ гнѣвъ тебѣ я молвилъ,
Но отъ души. Въ твоихъ рукахъ, бояринъ,
Пусть будетъ городъ. Ты-жъ его блюди
По своему по разумѣнью.

ПОСАДНИКЪ.

Буду
Блюсти какъ знаю, государь.

ЧЕРМНЫЙ.

Прости-жъ,
Къ вечѐри до свиданья!

ПОСАДНИКЪ.

До свиданья.

Посадникъ уходитъ. Чермный хочетъ идти. Наталья бросается ему на встрѣчу.

ЯВЛЕНІЕ V.

ЧЕРМНЫЙ и НАТАЛЬЯ.

НАТАЛЬЯ.

Золотой ты мой! Ненаглядный мой! Насилу-то времячко вылучила!

ЧЕРМНЫЙ.

Наташа! Ты зачѣмъ здѣсь, сумасшедшая?

НАТАЛЬЯ.

Не втерпёжъ стало, свѣтъ Андрей Юрьичъ! Двое сутокъ домой не приходишь! Какъ ударили къ вѣчу, я выбѣжала на

площадь; все время позади народу съ бабами стояла. Слышала, какъ тебя въ воеводы поставили. Думаю: Господи! Теперь и того меньше придется видѣть его! Хоть на улицѣ на свѣта моего посмотрю!

ЧЕРМНЫЙ—ласково.

Сумасшедшая, право сумасшедшая!

НАТАЛЬЯ.

Издали все шла за тобой, а тутъ къ воротамъ прижалась, покуда ты съ посадникомъ говорилъ. Насилу-то онъ ушелъ! И чтó это ты затѣялъ! Одинъ во вражій станъ идти! Я все слышала!

ЧЕРМНЫЙ.

А тебѣ нужно знать! Ступай домой, я о вечерни приду. Приготовь ужинать, Наташа, гости будутъ.

НАТАЛЬЯ.

Да не гони же меня, успѣю приготовить!

ЧЕРМНЫЙ.

Непригоже намъ на улицѣ вмѣстѣ быть.

НАТАЛЬЯ.

Иду, иду. Да вѣдь уже и нѣтъ никого, всѣ разошлись; а мнѣ бы только еще посмотрѣть на тебя; вѣдь двое сутокъ не видѣла!

ЧЕРМНЫЙ.

Увидимся вечеромъ, а теперь ступай; мнѣ самому идти надо.

НАТАЛЬЯ.

Да скажи мнѣ хоть словечко-то ласковое!

ЧЕРМНЫЙ.

Вѣдь знаешь, что люблю тебя. Чего-жъ тебѣ еще?

НАТАЛЬЯ.

Тяжело уходить-то мнѣ нонѣ: вѣдь ты цѣлый день все подъ стрѣлами! Долго ли до бѣды, до вѣчной разлуки съ тобой. Охъ, ты, болѣзный мой! Дай же мнѣ хоть обнять тебя—вѣдь кто знаетъ?—можетъ быть, въ послѣдній разъ! Свѣтъ ты мой! Голубчикъ ты мой!

Бросается ему на шею и уходитъ. Черный идетъ въ другую сторону. Является бояринъ Ѳома съ Кривцевичемъ и Жирохомъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ѲОМА, ЖИРОХЪ и КРИВЦЕВИЧЪ.

ѲОМА.

Вы видѣли?

ЖИРОХЪ.

Какъ не видать!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Каковъ!

ЖИРОХЪ.

Ай-да бояринъ! Ай-да воевода!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Знай, времени не тратитъ.

ЖИРОХЪ.

Цѣловаться
Нашелъ съ своей Наталкой мѣсто!

ѳома.

Что̀ жъ?
Такого, видно, надо воеводу!
Чай, государь-то Новгородъ-Великій
На то его и выбралъ. Исполать!
Мы съ бабами не зналися; о томъ лишь
Заботились, какъ городъ бы сберечь,
До грабежа бъ не довести; хотѣли,
Чѣмъ Суздальцамъ на щитъ себя отдать,
Добромъ отдаться князю; такъ вотъ нѣтъ!
Посаднику, вишь, стали неугодны!
А что̀ велитъ посадникъ, то̀ у насъ
И дѣется, и свято!

жирохъ.

Эхъ, Ѳома
Григорьевичъ! Эхъ, если-бы тебя
Послушались! Смотри, коль не возьмутъ
Насъ приступомъ. Вѣдь силы-то такой
Не видано доселѣ.

ѳома.

Ничего!
Бояринъ Чермный справится.

кривцевичъ.

Хорошъ!
Еще принять и гридьбы не успѣлъ,
А съ нимъ ужъ и Наталка!

ѳома.

Человѣкъ,
Вишь, молодой. Оттоль и порубиться,
И показать хотѣлось бы себя.

Мы на своемъ рубилися вѣку,
За новыми не гонимся рубцами;
Ну, а ему въ диковину.

ЖИРОХЪ.

Ужъ будутъ
Ему рубцы! И Новгороду будутъ!
Не скоро мы залечимъ ихъ.

ѲОМА.

Поди ты!
А вотъ посадникъ говоритъ, что Чермный
Все отстоитъ; Ѳома-де не умѣлъ,
А мы съумѣемъ съ Чермнымъ; ото Пскова,
Вишь, рать придетъ, осаду сыметъ! Знаемъ
Мы Псковичей! Чай, пьяны напилися
Отъ радости, что плохо намъ пришлось.
Ну, да посадникъ обѣщаетъ—значитъ,
Оно и такъ. И Новгородъ за нимъ
Твердитъ: побьемъ, побьемъ низовыхъ! Нутка!
Посмотримъ, какъ побьете ихъ!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Хорошъ
И Новгородъ! Баранье стадо, право!
Давно ли былъ имъ хуже горькой рѣдьки
Посадникъ Глѣбъ! Боярамъ не давалъ
Созванивать народъ, помимо вѣча;
А безземельныхъ съ площади гонялъ:
«Не вѣчники вы, дескать!» И стоялъ
Всѣмъ поперекъ. А стоило сказать,
Что грамоты похерятъ—и пошли
Кричать за нимъ. Вотъ приступомъ возьмутъ,
Тогда увидятъ грамоты!

ЖИРОХЪ.

Смотри,
Когда и тутъ не выйдетъ правъ онъ!

ѲОМА.

Выйдетъ,
Коли молчать мы будемъ. Смирны очень
Ужъ стали мы.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Да мы, Ѳома Григорьичъ,
На вѣчѣ не молчали-то!

ѲОМА.

Эхъ вы!
Богатыри! Да развѣ въ крикѣ дѣло?
Иное, такъ, словечко, мимоходомъ,
Какъ невзначай, проронишь, а оно
И вò-сто кратъ сильнѣй, чѣмъ еслибъ горло
Ватага цѣлая драла. А вы
Наладили себѣ одно: не можно
Держаться намъ! Не можно да не можно!

ЖИРОХЪ.

А чтò жъ намъ было говорить?

ѲОМА.

Про Глѣба
Про самого сказать вамъ было, вотъ чтò!
Свою-де онъ, Глѣбъ, выгоду блюдетъ!
Догадливъ, чай, онъ знаетъ, что не правятъ
Долговъ въ войну. Вѣдь отъ войны кому
Живетъ накладъ? Тѣмъ, у кого въ подвалахъ
Товаръ лежитъ! А много у него
Товару есть? А? много ли товару?

ЖИРОХЪ.

Такъ, такъ, Ѳома Григорьичъ, всѣ его
Разбило въ морѣ корабли!

ѲОМА.

Вотъ то-то!
Одной святой Софіи тысячъ тридцать
Стоитъ должонъ. А съ любскими купцами
И до ста наберется.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Будетъ до ста.

ѲОМА.

Такъ мира-то зачѣмъ ему хотѣть?
Онъ не дуракъ. Теперь, небось, не правятъ
Съ него долговъ; а Новгородъ возьмутъ—
Такъ что ему? Съ него-то взятки гладки!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Вѣстимо такъ.

ѲОМА.

Вотъ мы—другое дѣло.
Что день, то намъ убытокъ отъ войны.
Ты, напримѣръ: на сколько у тебя
Лежитъ парчи?

КРИВЦЕВИЧЪ.

На сорокъ будетъ тысячъ.

ѲОМА—къ Жироху.

А у тебя скатного жемчугу?

ЖИРОХЪ.

На столько же, пожалуй.

ѲОМА.

Такъ смотрите жъ:
По малому вамъ счету, по сту въ мѣсяцъ
На каждаго червонцевъ изъ мошны!
А приступомъ коль Новгородъ возьмутъ,
Такъ ты и вовсе безъ парчи, а ты
Безъ жемчугу! Въ Софійскіе подвалы,
Чай, Суздальцы найдутъ дорогу! Какъ
По вашему?

КРИВЦЕВИЧЪ.

Что̀ тутъ и говорить!
По нашему, такъ поскорѣй бы дѣло
Помимо тѣхъ двоихъ поладить. Князь бы
За то спасибо̀ намъ сказалъ.

ѲОМА.

Смекнули?

ЖИРОХЪ.

Оно бы можно, еслибъ этотъ Чермный
Тутъ былъ одинъ, да стараго-то пса
Не проведешь, глазастъ ужъ больно!

ѲОМА.

Гмъ!
Большой тебѣ пріятель онъ?

ЖИРОХЪ.

Пріятель?
Кто? Глѣбъ? Да я бъ туда его послалъ,
Куда крятунъ костей не заносилъ!

ѳома.

Ахъ да, бишь, помню! То никакъ вѣдь онъ
Въ голодный годъ тебѣ нажиться не далъ,
Скупилъ весь хлѣбъ?

жирохъ.

Когда бъ одно лишь это!
Ужъ перехватъ ему бы я простилъ;
Бери себѣ да подавися—дѣло
Торговое. Но онъ не для себя,
А на̀-зло мнѣ! Скупилъ запасъ да тотчасъ
За полъ-цѣны спустилъ его въ народъ.
Смотрите-молъ: Жирохъ хотѣлъ нажиться,
А я, молъ, вамъ задаромъ отдаю!

ѳома.

Вишь, старый чортъ!

жирохъ.

И вѣче созвонилъ:
Тяжелый-де насталъ для смердовъ годъ,
Отъ глада мрутъ. Велите, государь
Великій-Новгородъ, чтобы по прошлымъ
У насъ запасъ по цѣнамъ продавался,
А то ужъ вотъ хотѣлъ-было Жирохъ
Повысить хлѣбъ!

ѳома.

Эхъ, удружилъ тебѣ!

жирохъ.

Проклятый во̀ронъ! Такъ меня ославилъ,
Хоть выходи изъ сотни. Ужъ ему бы
Припомнилъ я!

КРИВЦЕВИЧЪ

Да что̀, не одного
Тебя онъ, чай, ославилъ. Ужъ кому
Досадчикомъ онъ не былъ!

ѲОМА.

Такъ зачѣмъ же
Его жалѣть?

ЖИРОХЪ.

Да кто жъ его жалѣетъ?

ѲОМА.

А коли такъ, то слушайте вы оба:
Покуда Глѣбъ посадникомъ, а Чермный
Дѣтинецъ держитъ, нечего о сдачѣ
И думать намъ. А можно это дѣло
Такъ повести, что Новгородъ и самъ
Ихъ отрѣшитъ. Вѣдь если правду молвить,
Не съ-разу князь насъ приступомъ возьметъ;
А до того могли бы мы проруху
На нихъ найти. Старикъ ужъ больно крутъ,
Онъ и своихъ не милуетъ; какъ разъ
Обидитъ городъ; ну а молодой —
Вы видѣли каковъ: опричь сидѣнья,
Бабьё на мысли у него; такъ вотъ
Подвесть бы ихъ; когда жъ одинъ слетитъ,
Такъ и другой удержится не долго.

ЖИРОХЪ.

Пусть только Глѣбъ слетитъ, а съ Чермнымъ нам:
Полегче сладить будетъ!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Все едино:
Пусть только промахъ Чермный дастъ, сейчасъ
Начнемъ кричать: кто посадилъ его?
Никто какъ Глѣбъ! Тащить къ отвѣту Глѣба!
На вѣчѣ-то расправа не долга —
Не усидитъ!

ЖИРОХЪ.

А коль обоихъ ссадимъ,
Кому жъ тогда и воеводой быть,
Коль не тебѣ жъ опять, Ѳома Григорьичъ!

ѲОМА.

Ты думаешь? Гмъ! Дай хоть на часокъ
Дѣтинецъ мнѣ, теперь ужъ не на вѣчѣ
Я толковать о мирѣ буду. Настежъ
Всѣ ворота! Князь-батюшка, пожалуй!
Челомъ тебѣ на вотчинѣ твоей!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Держись тогда и Глѣбъ, и Чермный! Праздникъ
На нашей будетъ улицѣ! Услугъ
Князь не забудетъ нашихъ!

ЖИРОХЪ.

И тогда
Съ тобою, Глѣбъ Миронычъ, мы свои
Покончимъ счеты!

ѲОМА.

Такъ-то, государи.
Ну, а теперь поклонную пока
Намъ голову приходится держать.

Пойдемъ приказъ принять отъ воеводы,
Отъ новаго; авось еще удастся
И на его Наталку поглядѣть!

Уходятъ

ДОМЪ ПОСАДНИКА.

ПОСАДНИЦА и БОЯРЫНЯ МАМЕЛФА ДМИТРЕВН

БОЯРЫНЯ.

Что̀ жъ это значитъ, матушка? Чай, вѣче
Ужъ отошло, а Глѣба твоего
Мироныча доселѣ нѣту! Полно,
Ужъ вѣдомо ль ему, что у тебя
Сижу я?

ПОСАДНИЦА.

Какъ же, матушка, Мамелфа
Дмитревна! Передъ его уходомъ
Твой посланный намъ повѣстилъ, что ты
Пожаловать изволишь.

БОЯРЫНЯ.

Дивно мнѣ,
Что онъ не поторопится; чай, знаетъ —
О вѣчевомъ услышать приговорѣ
И мы хотимъ! Ну, а невѣста гдѣ жъ?

ПОСАДНИЦА.

Вишь, у ея кормилицы вчера
Убили мужа; утѣшать вдову
Она пошла, сударыня.

БОЯРЫНЯ.

Да; много
Теперя есть въ Новѣгородѣ вдовъ,
Да и сиротъ не мало. И затѣмъ-то
Совѣтовалъ Ѳома Григорьичъ миръ
Намъ учинить. Онъ дѣло говорилъ.
Его же вздумали смѣнять. Пустое
Затѣяли!

ПОСАДНИЦА.

Да, говорятъ, онъ городъ
Собирался сдать?

БОЯРЫНЯ.

Кто это говоритъ?
Не вѣрь тому! На всей новогородской
На волѣ онъ хотѣлъ мириться съ княземъ!
Отъ самого слыхала.

ПОСАДНИЦА.

Статься можетъ.
Его-то, чай, ты лучше знаешь.

БОЯРЫНЯ.

Знаю,
Сударыня: благочестивъ и вѣжливъ;
Почтителенъ и скроменъ; вхожъ ко мнѣ
Не первый годъ; а я вѣдь не со всякимъ
Вожу хлѣбъ-соль.

ПОСАДНИЦА.

Кто жъ этого не знаетъ!
Кого къ себѣ примаешь ты, того
Весь городъ чтитъ.

БОЯРЫНЯ.

Да, матушка; на деньги
Да на породу не смотрю. Кто прямъ,
Боится Бога да живетъ по правдѣ,
Хоть черный будь онъ—милости прошу!
Кто жъ въ чемъ не чистъ, такъ будь онъ хоть самъ кн
Не прогнѣвись, ворота на запорѣ!
Боярину намедни Аввакуму
Дверь указала.

ПОСАДНИЦА.

Право? А за что?

БОЯРЫНЯ.

Провѣдалъ, вишь, что корабли разбило
Путятины, да съ долговымъ листомъ
Присталъ къ нему; притиснулъ такъ Путяту,
Что тотъ ему за полъ-цѣны товары
Свои отдалъ; а Аввакумъ возьми ихъ,
Перепродай, да ссуду ровно вдвое
И выручи!

ПОСАДНИЦА.

Ахъ, стыдъ какой!

БОЯРЫНЯ.

И послѣ
Безсовѣстнаго дѣла своего,
Онъ, скаредный, еще не побоялся
Ко мнѣ придти; да я ему при всѣхъ:
Пей, батюшка, свою сегодня чару
И помни вкусъ—впередъ не поднесутъ!

ПОСАДНИЦА.

Что-жъ? И ушелъ?

БОЯРЫНЯ.

Небось, не засидѣлся.

ПОСАДНИЦА.

Жена-то, бѣдная!

БОЯРЫНЯ.

Та ни при чемъ;
Я въ тотъ же день сказать велѣла ей:
По прежнему ко мнѣ пускай-де ходитъ,
Ей рада-де!

ПОСАДНИЦА.

Да какъ же ей теперь-то
Ходить къ тебѣ?

БОЯРЫНЯ.

А держится за мужа,
Ино вольна и не ходить. Одно
Могу сказать: Варуху моему
Буслаичу покойному жена
Покорная и добрая была я;
Но еслибъ онъ, Господь меня прости,
Чтó студное бы учинилъ, я съ нимъ бы
Не стала жить, пошла бы въ монастырь!

ПОСАДНИЦА.

Такъ, матушка; но вѣдь сама же ты
Пускать къ себѣ, кажися, перестала —
Какъ бишь ее?.. Что съ мужемъ-то не ходитъ?

БОЯРЫНЯ.

Якуниху? Я выгнала ее
За то, что стыдъ и обыкъ позабыла:
Пока Якунъ въ Новѣгородѣ былъ,

Они ни разу съ Чермнымъ не видались;
А только лишь уѣхалъ мужъ въ Торжокъ,
Что̀ день, то къ ней таскаться началъ Чермный!
По-моему жена по разумѣнью
Должна предъ мужемъ голову держать
Поклонную: хранить не только вѣрность,
Но такъ вести себя, чтобъ про нее
Никто не смѣлъ худого и подумать.
Но если мужъ безчестный—брось его,
Вернись къ роднымъ, не то—вселися въ пустынь,
Иль постригись!

ПОСАДНИЦА.

Такъ, матушка, вѣстимо...

БОЯРЫНЯ.

И матерямъ твержу, для дочерей
Чтобъ жениховъ богатыхъ не искали;
Напредъ всего, чтобъ зять боялся Бога,
И правду блюлъ!

ПОСАДНИЦА.

Вѣстимо...

БОЯРЫНЯ.

А не то
Пусть лучше въ дѣвкахъ дочери сидятъ!

ПОСАДНИЦА.

Вѣстимо такъ; да гдѣ жъ найти такого,
Чтобъ не было на немъ укору?

БОЯРЫНЯ.

Значитъ,
Есть и на вашемъ?

ПОСАДНИЦА.

Грѣхъ его винить,
А посмирнѣй, конечно бы, хотѣлось
Для нашей Вѣры.

БОЯРЫНЯ.

Значитъ, сорванецъ?
Зачѣмъ же ты дала согласье?

ПОСАДНИЦА.

Я-то?
И, матушка! Да мнѣ ль со Глѣбомъ спорить
Съ Миронычемъ? Согласья моего
Не спроситъ онъ. Къ тому жъ и полюбились
Другъ другу молодые...

БОЯРЫНЯ.

Не причина!
Опричь тебя тутъ некому рѣшать:
Коль матери не пò-сердцу женихъ,
Такъ прочь его! Тебѣ, чай, лучше вѣдать,
Чтó дочери пригодно. Не хочу —
И кончено!

ПОСАДНИЦА.

Да не-за-что его
Корить-то, матушка.

БОЯРЫНЯ.

Благочестивъ?

ПОСАДНИЦА.

Благочестивъ, сударыня.

БОЯРЫНЯ.

И вѣжливъ?
Почтителенъ, какъ слѣдуетъ, къ тебѣ?

ПОСАДНИЦА.

Ужъ какъ же зятю къ тещѣ нареченной
Почтительну не быть!

БОЯРЫНЯ.

Одно мнѣ въ немъ
Не нравится: въ повольникахъ бывалъ.

ПОСАДНИЦА.

Чтò жъ дѣлать, матушка! Мужъ говоритъ:
Не удержать боярамъ молодежи;
Коль нѣтъ войны, гдѣ жъ удаль показать?

БОЯРЫНЯ.

Да удаль-то безбожная. На Волгу
Твой, что-ль, ходилъ?

ПОСАДНИЦА.

На Чудскую, кажись,
Ходилъ на Емь, аль на Студено море.

БОЯРЫНЯ.

А то походъ затѣяли на Волгу
Повольники при мужѣ. Въ Костромѣ
Урвали дѣвокъ, отвезли въ Сарай,
Да тамъ и продали татарамъ. Чтò?
Чай, добрая повольница?

ПОСАДНИЦА.

Помилуй,
Какіе же повольники тò были!
Тò воры, матушка!

БОЯРЫНЯ.

Не велика
Межъ ними рознь. Повольнику до вора
Рукой подать. И Чермный вотъ, что нонѣ
Толкается по женамъ по чужимъ,
Онъ также былъ въ повольникахъ: на Пермь
Никакъ ходилъ.

Вѣра вбѣгаетъ, испуганная, и бросается на лавку.

ПОСАДНИЦА.

Что, Вѣрушка, съ тобой?
Чего дрожишь ты?

БОЯРЫНЯ.

Что-те приключилось,
Сударыня? Не видишь, что-ль, меня?

ВѢРА—вставая.

Прости, прости, боярыня Мамелфа
Димитревна! съ испугу я... прости!
На улицахъ такая давка, крикъ,
Бѣгутъ, шумятъ, толкаются, чуть съ ногъ
Не сшибли...

БОЯРЫНЯ.

Только? Больно ты труслива,
Сударыня. Всегда бываетъ такъ,
Когда народъ отъ вѣча по домамъ
Расходится.

ПОСАДНИЦА.

Хлебни водицы, Вѣра,
Да разскажи, не слышала ль чего?
Чѣмъ кончилось?

ВѢРА.

Поставленъ воеводой
Бояринъ Чермный.

БОЯРЫНЯ.

Чермный? Воевода?
На Ѳомино на мѣсто?

ВѢРА.

Межъ собой
Такъ говорили встрѣчные; о томъ-то
У нихъ и споръ.

БОЯРЫНЯ.

Ну, нечего сказать!
Ну, признаюсь! Не чаяла того!
Еще бъ кого другого—пусть бы такъ!
Но Чермнаго!

ПОСАДНИЦА.

Я, матушка, слыхала,
И Глѣбъ Миронычъ также говоритъ,
Что доблестнѣй нѣтъ Чермнаго во всей
Землѣ Новогородской.

БОЯРЫНЯ.

Сорванецъ!
Прихвостникъ бабій! Человѣкъ безъ страху
Безъ Божьяго!

ПОСАДНИЦА.

Но, кажется, его
И рать, и городъ любитъ...

БОЯРЫНЯ.

А за что?
За то, что лихъ вертѣться на конѣ,
Да каждый день на площадь въ новомъ корзнѣ
Выходитъ къ нимъ! Да медомъ угощаетъ
Всѣ пять Концовъ! Да уличанъ своихъ,
Знай, кормитъ до отвалу! Вотъ за что̀
Ему любовь! А чтобъ онъ смогъ сидѣть,
Когда Ѳома не можетъ—нѣтъ, не вѣрю!
Онъ сгубитъ насъ! То Глѣбъ Миронычъ кашу
Твой заварилъ! Ужъ не взыщи, а я
Въ глаза ему скажу!

ПОСАДНИЦА.

Но можетъ статься,
Оно не такъ, сударыня; быть можетъ,
Ослышалася Вѣра...

БОЯРЫНЯ.

Чермный! Вотъ ужъ
Сокровище нашли! И водитъ имъ
Всегда не та, другая баба. Нонѣ
Какая-то Наталья завелась;
Что̀ вздумаетъ, то и чинитъ; казну
Его, піявка, высосала всю!
Прогнать ее, безстыжую, велѣла бъ
Я метлами изъ города!

ВѢРА.

Наталью?
Нѣтъ, матушка, боярыня, должно быть,
Тебѣ не такъ сказали: не такая
Она совсѣмъ! Неправду про нее
Тебѣ сказали!

БОЯРЫНЯ.

Что ты, что ты, мать!
Отколѣ знать тебѣ? Да про нее
И говорить тебѣ не слѣдъ, ни даже
Упоминать! Не дѣвичье то дѣло,
Сударыня!

ВѢРА.

Я видѣла ее...

БОЯРЫНЯ.

Что-о? Ее? Ослышалась никакъ я?

ПОСАДНИЦА.

Гдѣ видѣла ее ты, Вѣра?

ВѢРА.

Въ церкви,
На той недѣлѣ, матушка. Стояла
Она одна, прижавшись въ уголку,
Молилась такъ усердно, и на ней
Была одежда бѣдная, простая;
Когда же служба кончилась, тихонько
И робко такъ къ иконѣ подошла,
Украдкою жемчужное монисто
Повѣсила на вѣнчикъ, и скорѣй
Изъ церкви вонъ. Отца Захарья кто-то
О ней спросилъ; вздохнулъ отецъ Захарій
И говоритъ: Наталья это, та,
Которую бояринъ Чермный любитъ;
Все, что̀ бъ онъ ей ни подарилъ, на церковь
Она несетъ; казну жъ, какая есть,
Межъ нищихъ дѣлитъ; духомъ, вишь, сама
Есть нищая, и многое за то
Простится ей!

ПОСАДНИЦА.

Пусть такъ, но все жъ тебѣ
Знать про нее не гоже...

БОЯРЫНЯ.

Что подарки
Она свои на церковь отдаетъ
И нищую жалѣетъ братью—это
Зачтется ей, на томъ свѣту зачтется;
Ты жъ неразумна, дитятко, еще;
Не вѣдаешь, о чемъ бываетъ вмѣстно
Боярышнѣ, о чемъ невмѣстно знать.
Коль при тебѣ впередъ о той Натальѣ
Заговорятъ, ты, дитятко, молчи.

Звонъ струнъ и пѣсня за сценой.

ГОЛОСЪ.

Какъ ушкуйники по морю
Славить Новгородъ пошли,
Они, славя, проходили
Ажъ до Мурманской земли!

ХОРЪ.

Ай люли, люли, люли,
Ажъ до Мурманской земли.

БОЯРЫНЯ—къ Посадницѣ.

Кто это тамъ въ сѣняхъ твоихъ горланитъ?

ВАСИЛЬКО—входитъ съ товарищами.

Опускайте стягъ, мурмане!
Выдавайте корабли...

Увидя боярыню, прерываютъ пѣсню.

Боярыня, прости! Не чаялъ я,
Что здѣсь ты...

БОЯРЫНЯ.

А еслибы меня
И не было, все-жъ, государь, не входятъ
Такъ въ честный домъ. На приступъ, что-ль, ты лѣзешь
Аль думаешь, что съ вражьимъ кораблемъ
Ты сбàгрился?

ВАСИЛЬКО.

Боярыня, прости!
Съ разбѣгу мы, на радости, вошли,
Что по боку спровадили Ѳому,
А Чермный сталъ надъ нами воеводой!
Къ товарищамъ.
Ступайте, братцы! Тестя лишь дождусь
И тотчасъ къ вамъ!

РАДЬКО.

Смотри жъ, не заживайся!

ГОЛОВНЯ.

Заклада не забудь!

ВАСИЛЬКО.

Небось!

СТАВРЪ.

Простите,
Боярыни!

РАДЬКО.

Обычай нашъ веселый
Въ вину намъ не поставьте!

ГОЛОВНЯ.

Бьемъ челомъ!

Всѣ трое уходятъ. За сценой слыш удаляющаяся пѣсня.

Мы, ушкуйники, съ баграми
Славить Новгородъ пришли...

БОЯРЫНЯ.

Ну, хороши вы, батюшка! И впрямь
Повольницкая шайка!

ВАСИЛЬКО.

Виноваты,
Сударыня!

Подходитъ къ Вѣрѣ.

Дай на тебя скорѣй
Полюбоваться, радость ты моя,
Безцѣнная!..

БОЯРЫНЯ.

Постой-ка, государь,
Пожалуй-ка сюда! Съ тобой, кажись,
Я говорю, такъ ты сперва постой
Да выслушай меня, а ужъ потомъ,
Когда я кончу да скажу: ступай!
Тогда иди къ невѣстѣ.

ВАСИЛЬКО.

Виноватъ!
Что̀, матушка, прикажешь?

БОЯРЫНЯ.

А чтобъ ты
Обычай помнилъ, батюшка. Съ чего

У васъ сегодня головы вскружились?
Нашли чему обрадоваться! Чермный
Сталъ воеводой новгородскимъ! Шутъ онъ
Гороховый, твой Чермный!

ВАСИЛЬКО.

Ужъ на этомъ
Насъ извини, боярыня! Позволь,
Тебѣ не въ гнѣвъ...

БОЯРЫНЯ.

Да ты меня, отецъ,
Перебивать-то не моги! Тебя
Я разуму учу, такъ стой да слушай;
Авось умнѣе будешь. И не только
Тебѣ скажу, безумному повѣсѣ,
А всѣмъ скажу, и наперво твому
Скажу я тестю...

Входитъ Посадникъ.

Лёгокъ на поминѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Поклонъ тебѣ, боярыня Мамелфа
Димитревна! Какъ, матушка, живешь?

БОЯРЫНЯ.

Съ находкой поздравляю, Глѣбъ Миронычъ!
Ну, батюшка, ужъ есть чѣмъ похвалиться!
Убилъ бобра!

ПОСАДНИКЪ.

Ты это про кого,
Сударыня? Про Чермнаго? Онъ вѣчемъ
Поставленъ есть. Объ этомъ толковать
Ужъ нечего.

БОЯРЫНЯ.

А кто мнѣ запретитъ?
Я съ той поры, какъ помню лишь себя,
Всѣмъ въ очи правду рѣзала; и нонѣ
Скажу тебѣ: гдѣ былъ у васъ разсудокъ
Ѳому смѣнить?

ПОСАДНИКЪ.

Про то тебѣ отвѣтъ
Я послѣ дамъ, сударыня. Теперь
Дозволь мнѣ дѣло кончить.

Къ Васильку.

Тамъ подвойскій
Ждетъ у дверей. Проси его войти.

Василько уходитъ.

БОЯРЫНЯ.

Смотри, пожалуй! Вѣчемъ, вишь, поставленъ!
Да развѣ все апостолы сидятъ
На вѣчѣ-то? Чай, сторона твоя
Перекричала тѣхъ, кто былъ разумнѣй!
Да, слава Богу, Новгородъ не весь
По дудкѣ пляшетъ по твоей! Доселѣ,
Слышь, спорятъ какъ! Опомнятся, дастъ Богъ,
Еще до завтра!

Входитъ подвойскій.

ПОСАДНИКЪ.

Государь подвойскій!
Дай знать Кончанскимъ старостамъ, что я
Прошу ихъ всѣхъ пожаловать, приказъ
По городу услышать, да вели,
Чтобъ бирючи по улицамъ кричали:
Боярину-де Чермному дана

Отъ вѣча власть на жизнь и смерть, а онъ
Смерть положилъ отъ нынѣшняго дня
Всѣмъ, кто ему нарушитъ послушанье.
Коль дѣломъ кто, иль словомъ провинится —
Хватать строптивыхъ!

БОЯРЫНЯ.

Отъчасу не легче!
Съ которыхъ поръ въ Новѣгородѣ слово
Ужъ не вольно? Не въ Ироды ль цари
Вы Чермнаго поставили?

ПОСАДНИКЪ—къ подвойскому.

Сей ночью
Бѣжалъ одинъ изъ плѣнныхъ. Повѣстить
По всѣмъ Концамъ, чтобы, во что̀ бъ ни стало,
Его нашли.

БОЯРЫНЯ.

Да долго ли ты будешь
Еще свои приказы раздавать?
Я все ему толкую, онъ же словно
Меня и нѣтъ!

ПОСАДНИКЪ—отпустивъ подвойскаг

Что̀, матушка, тебѣ
Угодно отъ меня?

БОЯРЫНЯ.

Ушамъ не вѣрю!
На жизнь и смерть судить насъ будетъ Чермный!
Приказано на улицахъ хватать,
Кто Чермнаго не хвалитъ! Да вѣдь этакъ
Ты, государь, пожалуй и меня
Схватить велишь?

ПОСАДНИКЪ.

Нѣтъ, матушка, мы бабъ
Не трогаемъ. Кричи себѣ, коль хочешь,
Во здравіе!

БОЯРЫНЯ.

И буду, государь!
Кому вы городъ отдали-то въ руки?
Безпутному, шальному сорванцу!
Да не ему--его Натальѣ городъ
Вы отдали! Не знаемъ развѣ мы,
Кто держитъ верхъ надъ кѣмъ? Не воеводу,
А воеводшу, Господи прости,
Вы надъ собой поставили!

ПОСАДНИКЪ.

Ты все ли,
Сударыня, сказала?

БОЯРЫНЯ.

Нѣтъ, не все!
За что́ Ѳому смѣнили вы? За то ли,
Что миръ хотѣлъ онъ учинить? Чай, лучше,
Чтобъ приступомъ насъ взяли? Изъ церквей
Иконы потащили бъ? Да на щитъ
Дружиннику бъ досталась дочь твоя?
Вотъ до чего не допустить хотѣлъ
Ѳома, а вы его же очернили,
Іудой обозвали! Да пока
Я, батюшка, жива, пока языкъ мой
Еще къ гортани не присохъ, дотоль
Кричать не перестану, что напрасно
Отставленъ онъ! Ужъ не взыщи, а кто

Безвинно терпитъ, да къ тому жъ мнѣ другъ,
Ужъ за того до самой смерти буду
Горой стоять!

ПОСАДНИКЪ.

Ты кончила ль теперь,
Сударыня?

БОЯРЫНЯ.

Могу еще и болѣ
Тебѣ сказать, отецъ мой...

ПОСАДНИКЪ.

Не трудися.
Хотя Великій-Новгородъ тебѣ
Отвѣта и не держитъ, но за то,
Что вдовью честь твою онъ уважаетъ
И по дѣлòмъ тебя за правду чтитъ,
Я, такъ и быть, тебѣ отвѣчу. Слушай,
Боярыня: Ѳому смѣнили мы
За то, что сдать совѣтовалъ онъ городъ,
Когда еще держаться можно намъ.
Который же верховный воевода
Не вѣритъ самъ, что онъ побьетъ врага —
Ужъ тотъ побитъ заранѣ. Чермный вѣритъ
Въ себя и въ насъ, въ него же вѣритъ рать.
Неправда то, что имъ Наталья водитъ,
Никто еще досель имъ не водилъ.
А что живетъ онъ въ Новгородѣ веселъ —
То до поры, пока отвѣта нé взялъ
Онъ на себя. Ты, матушка, пойми:
Онъ словно шолкъ блестящій, шамаханскій,
Чтò и цвѣтистъ, и гибокъ; поглядѣть —
Ужъ ничего нѣтъ мягче; а попробуй
Его порвать — лишь руки натрудишь!

БОЯРЫНЯ.

Хвали, хвали его, отецъ, а я
Скажу тебѣ: нѣтъ Божьяго на томъ
Благословенья, кто не вѣритъ въ Бога!
Не ходитъ въ церковь, батюшка, твой Чермный,
Второе воскресенье не видала
Его въ соборѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Некогда ему
Въ соборѣ быть. Ужъ двѣ недѣли съ валу
Онъ не сходилъ. Подъ прыскомъ вражьихъ стрѣлъ,
Отъ приступовъ спасая городъ, служитъ
Онъ Господу!

БОЯРЫНЯ.

Что? Некогда быть въ церкви?
Нѣтъ времени молиться? Стало быть,
Намъ не нужна молитва?

ПОСАДНИКЪ.

Не криви
Моихъ рѣчей, боярыня. Молитва
Всегда нужна. Но если волѣ нашей
Грозитъ бѣда, ее одной молитвой
Не изживешь. Защитникъ нуженъ намъ!
И не о томъ мы спрашивать должны:
Онъ часто ли, не часто ль ходитъ въ церковь,
А какъ онъ въ бой полки свои ведетъ!

БОЯРЫНЯ.

Сударыня-посадница, ты слышишь?
О тѣлѣ онъ велитъ лишь помышлять,
А душу ставитъ ни во что̀! Ступай

Въ свою свѣтлицу, Вѣра, уходи!
Отца не слушай, уходи сейчасъ!
Безбожницей тебя онъ сдѣлать хочетъ!
Сударыня-посадница, скорѣй
Дочь уведи!

ПОСАДНИКЪ.

Боярыня! Тебѣ
Корить меня, кажися, и порочить
Я вдоволь далъ. Но при себѣ учить
Мою жену и дочь я не позволю.
Не прогнѣвись, а въ домѣ я своемъ
Самъ господинъ!

БОЯРЫНЯ—вставая.

Здѣсь долѣ оставаться
Невмѣстно мнѣ. Другимъ давать уроки,
А не себѣ ихъ слышать отъ другихъ
Привыкла я. Учиться благочестью
И вѣжеству сбирается ко мнѣ
Весь Новгородъ. Самой же научаться,
Какъ мнѣ вестись—на это я стара,
И отвыкать молиться Богу также!
Я, матушка-посадница, тебя
За мужнины за рѣчи не виню.
Одно тебѣ на память только слово
Еще скажу: дочь отъ него держи
Подалѣ, матушка, подалѣ—слышишь?
Теперь прости—прошу не провожать!

Уходитъ.

ПОСАДНИКЪ—слѣдитъ за ней глазами.

Тьфу, взбалмошная баба!!

ПОСАДНИЦА.

Глѣбъ Миронычъ!
Свѣтъ мой, голубчикъ! Что́ бъ тебѣ пойти
Догнать ее, предъ ней бы извиниться?
Намъ, право, съ нею ссориться не слѣдъ,
Она въ великомъ гнѣвѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Какъ? Еще
Предъ ней мнѣ извиняться?

ПОСАДНИЦА.

Свѣтъ, подумай:
Всѣ на тебя подымутся теперь!

ПОСАДНИКЪ.

А мнѣ какое дѣло?

ПОСАДНИЦА.

И слова
Твои перетолкуютъ!

ПОСАДНИКЪ.

Мнѣ-то что жъ?
Иль въ самомъ дѣлѣ я безбожникъ?

ПОСАДНИЦА.

Сила
Святая съ нами! Но тебя, мой свѣтъ,
Осудятъ всѣ! Отъ недруговъ твоихъ
Богъ-вѣсть теперь пойдутъ какіе толки!

ПОСАДНИКЪ.

Бояться толковъ – шагу не ступить!

ПОСАДНИЦА.

Вѣдь чтилъ же ты и самъ ее доселѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Я чту ее, но гнуться передъ ней —
Ужъ не взыщи! Нашла коса на камень!

ВАСИЛЬКО.

И подлинно! Такого не встрѣчала
Она отпора!

ПОСАДНИКЪ.

Новгородъ старуху
Избаловалъ!

ВАСИЛЬКО.

А выплыла какимъ
Въ дверь кораблемъ!

ПОСАДНИКЪ.

Шабашъ о ней—довольно!
О чемъ вы тутъ шептались межъ собой?

ВАСИЛЬКО.

Мы, государь...

ВѢРА.

Они хотятъ...

ПОСАДНИКЪ.

Въ чемъ дѣло!

ВѢРА.

Вишь, вылазку затѣяли они!

ПОСАДНИКЪ.

Какъ вылазку? Кто вылазку затѣялъ?

ВАСИЛЬКО.

Мы, государь, Словенскіе ребята,
Съ Гончарскими побились объ закладъ.
Тѣ говорятъ: не пуститъ воевода!
Мы жъ говоримъ: зачѣмъ его спрошать?
Мы вылѣземъ въ полуночь о себѣ,
А послѣ скажемъ воеводѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Кто
Вамъ отопретъ ворота?

ВАСИЛЬКО.

Не въ ворота —
Мы по веревкамъ, государь. За нами
Ихъ приберутъ; когда жъ вернемся, снова
Намъ выкинутъ!

ПОСАДНИКЪ.

Изрядно! И могли
Подумать вы, что я, и съ воеводой,
Позволимъ то?

ВАСИЛЬКО.

Пожалуй, государь,
Намъ не мѣшай; у насъ уже все дѣло
Улажено.

ПОСАДНИКЪ.

Съ ума вы, что-ль, сошли,
Когда нашъ князь готовитъ новый приступъ —
Тутъ каждый дорогъ человѣкъ, а вы
Ребячиться затѣяли? Брось дурь!

ВАСИЛЬКО.

Не можемъ, Глѣбъ Миронычъ! Объ закладъ
Побились мы!

ПОСАДНИКЪ.

Такъ я перевязать
Васъ прикажу.

ВАСИЛЬКО.

Не въ гнѣвъ тебѣ, а насъ
Вязать не слѣдъ. Въ Новѣгородѣ было
Такъ искони, что молодежь могла
Всегда какъ хочетъ тѣшиться, и воля
У насъ на то отъ прадѣдовъ идетъ!

ПОСАДНИКЪ.

Великое ты выговорилъ слово;
А знаешь ли какой его есть толкъ?
Въ чемъ воля-то? Въ томъ, что чужой мы власти
Не терпимъ надъ собой! Что мы съ князьями
По старинѣ ведемъ свой уговоръ:
Се будь твое, а се будь наше. Въ наше жъ
Ты, княже, не вступайся! А когда
Тотъ уговоръ забудетъ князь, ему
Мы кажемъ путь, другого жъ промышляемъ
Себѣ на столъ. Вотъ наша воля въ чемъ.
И за нее съ Низовыми мы нонѣ
Ведемъ войну, и за нее, коль надо,
Поляжемъ всѣ! И чтобы воля эта
Была крѣпка, и чтобъ никто не могъ
Надъ нами государемъ называться —
Мы Новгородъ Великій государемъ
Поставили, и головы послушно,
Свободныя, склонили передъ нимъ.

Вотъ наша воля! Правъ своихъ держаться,
Чужія чтить, блюсти законъ и правду,
Не прихоти княжія исполнять,
Но то чинить безропотно и свято,
Чтò государь нашъ Новгородъ велитъ —
Вотъ воля въ чемъ! А чтобы всякій дѣлать
Воленъ былъ то, чтò въ голову взбредетъ —
Нѣтъ, то была бъ не воля—неурядье
То было бы! Когда бъ такую волю
Терпѣли мы, давно княжой бы стали
Мы вотчиной, иль раздѣлили бъ насъ
Между собой сосѣди! Выкинь дурь
Изъ головы!

ВАСИЛЬКО.

Самъ вижу, Глѣбъ Миронычъ,
Что виноватъ, и если только прежде
Подумалъ бы, заклада бъ не держалъ.
Но посуди: Словенскіе меня
Начнутъ корить; Гончарскіе же нá смѣхъ
Меня подымутъ!

ПОСАДНИКЪ.

Что тебѣ за дѣло?

ВАСИЛЬКО.

Какъ что за дѣло? Трусомъ обзовутъ!
Стыдъ будетъ мнѣ, безчестье понесу я!

ПОСАДНИКЪ.

Ты развѣ трусъ?

ВАСИЛЬКО.

Ты знаешь самъ, что нѣтъ!

ПОСАДНИКЪ.

А коль не трусъ, о чемъ твоя забота?
Не предъ людьми—передъ собой будь чистъ.

ВАСИЛЬКО.

Такъ, государь, да не легко же...

ПОСАДНИКЪ.

Что?
Чужіе толки слышать? Своего,
А не чужого бойся нареканья —
Чужое вздоръ!

ВАСИЛЬКО.

Тебѣ-то благо, Глѣбъ
Миронычъ, такъ говорить! Высоко
У каждаго стоишь ты въ мысли. Твой
Великъ почётъ. Но что̀ бы сдѣлалъ ты,
Коль на тебя бы студное что-либо
Взвалили люди?

ПОСАДНИКЪ.

Плюнулъ бы на нихъ!
Вотъ что̀ бы сдѣлалъ. Иль ужъ самъ себѣ
Невѣдомъ я? Себя я, благо, знаю,
Самъ чту себя. Довольно мнѣ того.

ПОСАДНИЦА.

Ахъ, свѣтъ мой Глѣбъ! Вотъ этимъ-то и нажилъ
Ты недруговъ! Ни за̀ что никому
Не сдѣлаешь уступки! Ни другихъ,
Ни самого себя, вишь, не жалѣешь!
А такъ нельзя! Живемъ вѣдь не одни,

Съ людьми живемъ. Ужели жъ на людей
И не смотрѣть? Когда бъ ты захотѣлъ,
Иной бы разъ друзей себѣ словечкомъ
Нажить бы могъ!

ПОСАДНИКЪ.

Не въ норовѣ моемъ
За дружбою гоняться. Еслибъ я
Пошелъ на то, чтобъ людямъ угождать,
Не стало бы меня на угожденья,
Все мало бъ имъ казалося. Людей
По шерсти ль гладь, иль противъ шерсти—то же
Тебѣ отъ нихъ спасибо! Я жъ хочу
Не слыть, а быть. Для собственной своей
Чинить хочу для совѣсти, и самъ
Свое себѣ спасибо говорить.
А что̀ болтать они про это будутъ,
То для меня равно, какъ если дождь
По крышѣ бьетъ!

Къ Васильку.

Поди къ своимъ, скажи:
Посадникъ Глѣбъ вамъ запретилъ и думать
О вылазкѣ. А къ вечеру вернись;
Съ тобой пойдемъ мы вмѣстѣ къ воеводѣ,
Укажетъ онъ, какъ у̀даль показать!

Идетъ къ двери.

ВАСИЛЬКО—топнувъ ногой.

Хоть утопиться—право въ ту же пору!

ПОСАДНИКЪ—услышавъ его, оборачивае

Топись, когда враговъ отъ нашихъ стѣнъ
Прогонимъ мы,—теперь же и топиться
Ты не воленъ! Ты Новгороду держишь
Теперь отвѣтъ! Какъ смѣешь ты имѣть

Хотѣніе свое, когда я самъ,
Я, Глѣбъ, себя другому подчинилъ,
Изъ рукъ Ѳомы мной вырванную власть
Тому вручилъ, кто лучше всѣхъ защиту
Умѣетъ весть? Какъ смѣешь о стыдѣ
Ты помышлять, когда у насъ свобода
Шатается? Что̀ значитъ честь твоя
Предъ Новгородской честью? Двадцать лѣтъ
Посадничью мою храню я честь —
Но еслибъ только ей спасенье наше
Я могъ купить—какъ святъ Господь, я бъ отдалъ
Ее сейчасъ! Все нынѣ позабудь —
Одну бѣду грозящую намъ помни!
А стыдъ тому, чья подлая душа
Иное бъ что̀, чѣмъ Новгородъ, вмѣщала,
Пока бѣда надъ нимъ не миновала!

Уходитъ.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ДОМЪ БОЯРИНА ЧЕРМНАГО.

НАТАЛЬЯ прибираетъ горницу и ставитъ посуду на столъ.

НАТАЛЬЯ.

Ужъ эти мнѣ гости! Не дадутъ и часочка съ нимъ посидѣть! Вернется усталый: чѣмъ бы отдохнуть, а тутъ разговоры пойдутъ, а тамъ, глядишь, опять приспѣло время на валъ идти.

ДѢВУШКА.

А много ль будетъ гостей?

НАТАЛЬЯ.

И сама не знаю.

ДѢВУШКА.

Ты что жъ не спросила?

НАТАЛЬЯ.

До того ли мнѣ было, какъ послѣ двухъ сутокъ его увидала.

КОНДРАТЬЕВНА.

Что жъ ты, государыня, сама-то на столъ ставишь? Дай, мы и безъ тебя соберемъ.

ДѢВУШКА.

Кто же сегодня прислуживать будетъ? Челядь вѣдь вся брони надѣла, на завалы ушла, а намъ съ Кондратьевной въ кухнѣ быть.

НАТАЛЬЯ.

А я развѣ не съумѣю?

ДѢВУШКА.

Сама, нешто, будешь посуду носить?

НАТАЛЬЯ.

А почему же не сама? Что я за боярыня такая?

ДѢВУШКА.

Вѣстимо — боярыня! Не сегодня, такъ завтра будешь боярыней. Пора Андрею Юрьичу въ законъ вступить.

НАТАЛЬЯ.

Просила я тебя не говорить мнѣ о томъ. Сколько разъ просила. Коли опять начнешь, ей-Богу, осерчаю.

ДѢВУШКА.

Ну, да! Таковская.

КОНДРАТЬЕВНА.

Молчи ты, пострѣленокъ! Ей слово, а она тебѣ два! Пошла въ кухню, смотри пирогъ—не пригорѣлъ бы.

Дѣвушка уходитъ.

КОНДРАТЬЕВНА.

Охъ, охъ, дитятко! Избаловала ты насъ, страху-то нѣтъ къ тебѣ, къ государынѣ къ нашей.

НАТАЛЬЯ.

И ты туда же! Этакія вы, право.

КОНДРАТЬЕВНА.

По душѣ говорю, голубонька; по любви своей, не по одному приказу боярскому. Всѣ мы любимъ тебя за милостивость твою.

НАТАЛЬЯ.

А я-то и въ глаза смотрѣть вамъ не смѣю. Сама вѣдь кружевницей въ Новгородъ пришла, думала черезъ годъ домой вернуться, да навсегда и осталась; хожу себѣ въ золотѣ, а какъ подумаю, что и мать, и отецъ плачутъ теперь по мнѣ, такъ иной разъ сама себѣ противна стану, что руки бы на себя наложила. Всѣхъ я васъ хуже, а вы же меня государыней величаете.

КОНДРАТЬЕВНА.

Родимая ты наша! Служить-то тебѣ не въ трудъ, а въ радость. Ужъ кротче тебя и не видывали.

НАТАЛЬЯ.

А иной разъ какъ вспомню, что вѣдь это для него я своихъ бросила, просвѣтлѣетъ у меня снова на сердцѣ и опять все кажется трынъ-трава!

КОНДРАТЬЕВНА.

Кто Богу не грѣшенъ, дитятко! Господь помилуетъ тебя за простоту за твою.

НАТАЛЬЯ.

Вишь, какъ я нарядилась сегодня. Вѣдь это онъ такъ велитъ, а мнѣ и самой совѣстно.

КОНДРАТЬЕВНА.

Ужъ горазда ты наряжаться, нечего сказать! Лучшія окруты по церквамъ пораздала. Вишь, и повязки-то новой не надѣла.

Надѣнь, дитятко, повязку,—краше будетъ, а я въ кухню сбѣгаю, не то эта егоза, пожалуй, пирогъ просмотритъ.

Уходитъ. Наталья садится къ окну, задумывается и напѣваетъ пѣсню.

ГОЛОСЪ—подъ окномъ.

Подайте, Христа-ради! Подайте убогому! Подайте каликѣ перехожему, Христа-ради!

НАТАЛЬЯ—въ окно.

Войди, Божій человѣкъ! Вотъ тутъ направо, по крылечку!

Беретъ со стола хлѣбъ и наливаетъ кружку. Входитъ нищій.

НАТАЛЬЯ.

На́ тебѣ, дядюшка, присядь на лавку, отдохни себѣ...

Вглядывается въ него.

Господи! Что́ это?

НИЩІЙ.

Узнаешь меня, Наталья?

НАТАЛЬЯ—бросаясь къ нему.

Рагуйло! Братъ!

РАГУЙЛО—отталкивая ее.

Прочь, негодная! Развѣ ты сестра мнѣ? Развѣ ты не отреклась отъ родни? Развѣ ты не полюбовница воеводы Новгородскаго?

НАТАЛЬЯ.

Братъ, братъ—дай въ себя придти! Послѣ кори меня—скажи скорѣй про отца, про мать... Живы ли они?

РАГУЙЛО.

Такъ вотъ гдѣ ты, безстыдная, отыскалась! Что жъ, хорошо тебѣ жить у боярина?

НАТАЛЬЯ.

Ругай меня, бей меня, но скажи мнѣ про отца, про мать! Скажи, какъ ты самъ попалъ сюда?

РАГУЙЛО.

Какъ попалъ? На той недѣлѣ въ полонъ твои Новгородцы взяли меня; сею ночью изъ тюрьмы вылѣзъ, нищимъ нарядился, пришелъ на сестру свою посмотрѣть, на честь ея великую порадоваться.

НАТАЛЬЯ.

Господи, если увидятъ тебя!

РАГУЙЛО.

Что-жъ, выдай меня своему полюбовнику.

НАТАЛЬЯ.

Спрячься, спрячься скорѣй! Пойдемъ со мной!

РАГУЙЛО.

Куда?

НАТАЛЬЯ.

Сама не знаю—на сѣновалъ, въ кладовую, въ амбаръ!

РАГУЙЛО.

А потомъ?

НАТАЛЬЯ.

Потомъ? Ты ночью изъ города выйдешь.

РАГУЙЛО.

Ай да бабій умъ! Какъ я выйду, когда всѣ ворота заняты?

НАТАЛЬЯ.

Нищаго, можетъ, пропустятъ...

РАГУЙЛО.

Ай да сестрица! При Ѳомѣ еще, пожалуй, пропустили бы, а я слыхалъ, каковъ онъ, твой полюбовникъ, есть! И поставленъ въ воеводы за то, что не дремлетъ. Въ тюрьмѣ, чай, спохватилися меня, ищутъ теперь по городу.

НАТАЛЬЯ.

Пресвятая Богородица! Какъ же быть намъ?

РАГУЙЛО.

Выдумай! Найди! Ты стала теперь Новгородской, — чай, знаешь свой городъ. Можно ли гдѣ черезъ стѣну перелѣзть? Нѣтъ ли гдѣ выхода какого мимо сторожей?

НАТАЛЬЯ.

Выхода? Постой — да! есть выходъ! Въ Спасскомъ монастырѣ, со двора, ходъ подземный.

РАГУЙЛО.

Куда ходъ?

НАТАЛЬЯ.

На стѣну, въ оврагъ какой-то...

РАГУЙЛО.

Что жъ тамъ? Дверь? Рѣшетка? Какъ мнѣ найти этотъ ходъ?

НАТАЛЬЯ.

Не знаю, Боже мой! Ничего не знаю, а ключъ сегодня посадникъ принесетъ...

РАГУЙЛО.

Кому принесетъ?

НАТАЛЬЯ.

Боярину Чермному...

РАГУЙЛО.

Полюбовнику-то?.. Достань мнѣ ключъ.

НАТАЛЬЯ.

Какъ я его достану?

РАГУЙЛО.

Украдь!

НАТАЛЬЯ.

Да я не видала его, не знаю, какой онъ.

РАГУЙЛО.

Узнай! Провѣдай! Напой своего полюбовника. Задуши его. Зарѣжь его, а ключъ достань.

НАТАЛЬЯ.

Да еслибъ и достала я, какъ же тотъ выходъ найдешь?

РАГУЙЛО.

Въ монастырь пустятъ нищаго. На погостѣ ночевать останусь, тамъ какъ-нибудь провѣдаю.

НАТАЛЬЯ.

Ну, а онъ-то?

РАГУЙЛО.

Что онъ!

НАТАЛЬЯ.

Коли на него отвѣтъ падетъ? Коли неравно... черезъ тотъ ходъ вороги ворвутся?

РАГУЙЛО.

А и въ самомъ дѣлѣ! Вотъ надоумила! Да кого жъ ты это ворогами зовешь? Нашихъ, что-ли!

НАТАЛЬЯ.

Братъ, я не могу дать тебѣ ключа.

РАГУЙЛО.

Такъ ты хочешь, чтобы меня смертью казнили?

НАТАЛЬЯ.

Я тебя иначе спасу—иначе; а этого я не могу—не проси, пожалѣй меня!

РАГУЙЛО.

А развѣ сама ты жалѣла насъ, негодная? Мать свою ты уморила! Съ горя она померла!

НАТАЛЬЯ.

Господи!

РАГУЙЛО.

Проклинаючи тебя, померла. Отецъ твой помѣшанный ходитъ, сестры твои безъ пристанища, а ты съ Новгородскимъ воеводою заурядной боярыней живешь. Сторонятся, чай, отъ тебя, плюютъ на тебя люди. Да тебѣ все равно, миловалъ бы тебя воевода Новгородскій.

НАТАЛЬЯ.

Что̀ же мнѣ дѣлать? Боже мой, что̀ мнѣ дѣлать?

РАГУЙЛО.

А какъ надоѣшь ты ему, да прогонитъ онъ тебя изъ дому, сорòмъ одинъ на тебѣ останется, блудница, отщепенница! Женище боярское!

НАТАЛЬЯ.

Да скажи же самъ, чтó дѣлать мнѣ? Научи самъ меня. Чтò мнѣ дѣлать?

РАГУЙЛО.

Какъ чтó дѣлать? Ключъ достать! Брата спасти! Грѣхъ свой искупить передъ Богомъ!

НАТАЛЬЯ.

Не могу, видитъ Богъ, не могу! Приказывай, чтò хочешь, но этого не могу.

РАГУЙЛО.

Такъ будь же ты проклята и въ этомъ свѣтѣ, и въ будущемъ! Погуби еще брата, какъ ты мать и отца погубила! Живи себѣ въ срамѣ и стыдѣ на землѣ, а по смерти ступай на муки вѣчныя, гдѣ блудницы и убійцы въ àдовомъ огнѣ горятъ!

НАТАЛЬЯ.

Постой... Да не кляни же меня!.. не кляни... Дай духъ перевести...

РАГУЙЛО.

Полюбуйся завтра на мою голову, какъ она будетъ надъ городскими зубцами на копьѣ торчать!

НАТАЛЬЯ.

Да пожалѣй же меня... дай опомниться... голова кру́гомъ идетъ...

РАГУЙЛО.

Зови свою челядь! Выдай меня, и будь надъ тобой анаѳема Божья!

НАТАЛЬЯ.

Братъ, братъ, — не кляни! Все, что̀ хочешь, сдѣлаю, все сдѣлаю—достану тебѣ ключъ!

РАГУЙЛО.

Побожись!

НАТАЛЬЯ.

Божусь, божусь! Только и ты побожись, что Суздальцевъ не впустишь—побожись и ты!

РАГУЙЛО.

Добро, побожусь!

НАТАЛЬЯ.

Постой!—слышишь?

РАГУЙЛО.

Что̀?

НАТАЛЬЯ.

Конскій топъ на улицѣ—это онъ!

РАГУЙЛО.

Куда спрятаться?

НАТАЛЬЯ.

Иди за мной!

Подходитъ къ двери и останавливается, прислушиваясь.

НАТАЛЬЯ.

Нельзя! Онъ ужъ на крыльцѣ!

РАГУЙЛО.

Куда же?

НАТАЛЬЯ.

Сюда! Скорѣй сюда! Отсюда лѣсенка на вышку.

Толкаетъ его въ боковую дверь. Входитъ Чермный.

ЧЕРМНЫЙ.

Здравствуй, Наташа! Вотъ, теперь поцѣлуемся! Да что съ тобой? Что ты такъ дрожишь? Ты на ногахъ еле держишься.

Наталья, рыдая, бросается къ нему на шею.

ЧЕРМНЫЙ.

Что съ тобой? Съ безпокойства ты это, что-ли? Али съ радости, что я не убитъ?

НАТАЛЬЯ.

Съ радости, съ радости, дорогой мой!

ЧЕРМНЫЙ.

Экая ты неразумная! Съ радости плачетъ! Да пусти же меня, я изъ силъ выбился; дай мнѣ вина, Наташа, горло засохло.

Садится. Наталья подаетъ ему стопу.

ЧЕРМНЫЙ—выпивъ.

Ну, что? Успокоилась?

НАТАЛЬЯ—рыдая.

Не могу! Прости меня, не могу, силы нѣтъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Экой же ты ребенокъ! Да быть не можетъ, чтобъ ты съ радости такъ плакала. Тутъ что-нибудь другое. Обидѣлъ тебя кто, что-ли?

НАТАЛЬЯ.

Свѣтъ ты мой, развѣ можно меня обидѣть?

ЧЕРМНЫЙ.

Такъ, стало, горе у тебя?

НАТАЛЬЯ.

Да! Горе, горе! Да что̀ я сказала! Сама не знаю, что̀ говорю. Неправда, нѣтъ у меня горя! Такъ, по глупости, плачу.

ЧЕРМНЫЙ.

Не вѣрю, Наташа, ты проговорилась. Что́ у тебя на душѣ? Скажи мнѣ, авось помочь можно.

НАТАЛЬЯ.

Нѣтъ, мой родимый, нѣтъ! Никто, никто мнѣ не поможетъ!

ЧЕРМНЫЙ.

Такъ есть же оно у тебя, горе-то! Скажи, не бойся, ты знаешь меня, я ни въ чемъ тебѣ не отказываю.

НАТАЛЬЯ.

Ни въ чемъ, ни въ чемъ, свѣтъ мой, никогда не отказывалъ ты мнѣ! Ты ужъ такъ добръ, такъ жалостливъ ко мнѣ,— а я-то, я-то!

ЧЕРМНЫЙ.

Не о родныхъ же ты плачешь? Вѣдь ты сказала, нѣтъ у тебя родныхъ? Да говори же, Наташа, боленъ ли кто? убитъ ли кто? Есть у тебя кто близкій въ городѣ?

НАТАЛЬЯ.

Да, свѣтъ мой, прости меня,—я солгала тебѣ—я не одна на свѣтѣ; есть у меня...

ЧЕРМНЫЙ.

Ну, говори же! Кто у тебя? Отецъ? Мать? Братъ?

НАТАЛЬЯ.

Нѣтъ, нѣтъ, не думай, нѣтъ! Тетка есть—только тетка одна—при смерти больна!

ЧЕРМНЫЙ.

Ну, выговорила, наконецъ; въ бѣдности она, твоя тетка?

НАТАЛЬЯ.

Въ бѣдности, государь, да, въ бѣдности!

ЧЕРМНЫЙ.

Что жъ ты сразу не сказала? Глупая жъ ты, глупая! Или не знаешь меня?

Отворяетъ поставецъ.

На́, возьми, отнеси своей теткѣ, купи для нея все, что̀ надо. Что̀ хочешь въ домѣ возьми, отнеси больной, да и сама останься съ ней на ночь, тебѣ спокойнѣе на душѣ будетъ!.. Ну, что̀ опять съ тобою?

НАТАЛЬЯ.

Государь ты мой! Дорогой мой! Ты какъ Господь-Богъ—какъ Господь-Богъ ко мнѣ,—а я-то, я-то, негодная, окаянная! Да какъ ты меня не убьешь, окаянную, негодную меня!

ЧЕРМНЫЙ.

Съ ума ты сошла, право! Ужъ черезъ-чуръ ты совѣстлива! Перестань же плакать, у меня и безъ того голова кру́гомъ идетъ. Дай-ка еще вина, надо быть пободрѣе, сейчасъ гости придутъ.

Выпиваетъ стопу. Входитъ посадникъ.

А, вотъ ужъ и одинъ! Оправься, Наташа!

Къ посаднику.

Здорово, Глѣбъ Миронычъ! Милости просимъ!

ПОСАДНИКЪ.

Здравствуй, Андрей Юрьичъ!

Наталья подаетъ ему чару.

Спасибо, матушка. Во здравіе твое, Андрей Юрьичъ. А самъ-то что же ты?

ЧЕРМНЫЙ.

Дай мнѣ чарку, Наташа. Во твое, Глѣбъ Миронычъ! Все благополучно въ городѣ?

ПОСАДНИКЪ.

Слава Богу. Бѣглаго того только не отыскали, словно сквозь землю провалился.

ЧЕРМНЫЙ.

Вели еще искать. Такъ оставить нельзя. Надо надъ нимъ примѣръ показать.

ПОСАДНИКЪ.

Ужъ велѣлъ. По всѣмъ домамъ ищутъ. Вотъ тебѣ ключъ отъ монастыря, отъ тайнаго хода.

ЧЕРМНЫЙ.

Спасибо.

Вздѣваетъ ключъ на поясъ.

Такъ будетъ вѣрнѣе. Ступай же, Наташа, ступай къ своей больной, завтра увидимся.

Наталья уходитъ.

ПОСАДНИКЪ.

Что́ съ ней?

ЧЕРМНЫЙ.

Тетка у нея захворала, такъ вотъ и кручинится. А иной разъ и такъ себѣ плачетъ. Чудна́я такая! То словно пташка— поетъ, заливается, то вдругъ плакать начнетъ.

ПОСАДНИКЪ.

Дурь бабья. Избаловалъ ты ее.

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ, она не то, что̀ другая; и не проситъ никогда ни о чемъ, скромная такая.

ПОСАДНИКЪ.

А все-жъ не слѣдъ тебѣ няньчится съ ней. Поискалъ бы себѣ ровни, въ законъ бы вступилъ.

ЧЕРМНЫЙ.

И самъ иной разъ такъ думаю, и сказать ей даже собирался, да посмотришь на нее—жалость беретъ, языкъ не поворотится.

ПОСАДНИКЪ.

Ну, это твое дѣло.

ЧЕРМНЫЙ.

А гдѣ жъ Василько?

ПОСАДНИКЪ.

Сейчасъ придетъ. Чуть-было бѣды не накурилъ, вылазку съ своими затѣялъ. Я пригрозилъ имъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Хорошо сдѣлалъ, Глѣбъ Миронычъ, а то пришлось бы ихъ смертію казнить.

Входитъ Василько и кланяется молча.

ЧЕРМНЫЙ.

Здравствуй, Василько! Съ повинной пришелъ? Благодари тестя, что блажить не пустилъ, а то бы я васъ въ Волховъ кинуть велѣлъ. Дружба дружбой, а дѣло дѣломъ. Ты знаешь, я съ дѣломъ не шучу.

ВАСИЛЬКО.

Прости нашу дурость, Андрей Юрьичъ!

ЧЕРМНЫЙ.

Жаль было бы тебя, а не пощадилъ бы. На́, выпей чару не кручинься, безъ дѣла не останешься.

Входятъ Вышата и Роговичъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Поклонъ,
Бояре, вамъ! Что́ видно съ валу?

ВЫШАТА.

Смирно
Покамѣстъ все; съ моей лишь стороны
Огней у нихъ прибавилось какъ будто.

РОГОВИЧЪ.

Съ моей убавилось огней.

ПОСАДНИКЪ.

Должно быть,
Къ Словенскому-Концу хотятъ стянуться,
Подъ Городище.

ЧЕРМНЫЙ.

Тамъ у нихъ стоятъ
Владимірцы. Туда же перешли
И Костромцы сегодня.

ВЫШАТА.

По всему
Должно смекать, они готовятъ приступъ.

Входитъ Жирохъ.

ЖИРОХЪ.

Боярину Андрею бью челомъ!
Всѣмъ по поклону! Я никакъ послѣдній?
Не осудите—путь мнѣ далѣ всѣхъ!

ЧЕРМНЫЙ.

Какія вѣсти?

ЖИРОХЪ.

Все благополучно.

ЧЕРМНЫЙ.

Движенья нѣтъ?

ЖИРОХЪ.

Не видно ничего;
Костры зажгли на старыхъ на мѣстахъ,
По прежнему.

ЧЕРМНЫЙ.

Садитесь, государи!
Во здравье вамъ!

Всѣ садятся за столъ.

ВСѢ.

Во здравіе тебѣ!

Пьютъ.

ЖИРОХЪ.

Тобой, Андрей, мы, Юрьевичъ, изъ мертвыхъ
Воскрешены.

Кондратьевна съ дѣвушкой ставятъ блюда на столъ и уходятъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Простите за прислугу,
Моя вся челядь на валу.

ЖИРОХЪ.

Да чья же
Теперь въ дому? Вѣдь мы ужъ, слава-Богу,
Не при Ѳомѣ! Кишитъ какъ муравейникъ
Весь Новгородъ!

ПОСАДНИКЪ.

Кажися, ты на вѣчѣ
Былъ за Ѳому? Такъ отчего жъ теперь
Не то ты говоришь?

ЖИРОХЪ.

Былъ—не таюсь;
Да, вижу, обманулся. Видитъ то
И самъ Ѳома. Когда при немъ бы гридьба
Держалась такъ, какъ держится теперь,
Не говорилъ бы онъ о мирѣ.

ПОСАДНИКЪ.

Гридьбу
Винить грѣшно. То не она, а онъ
Отходную намъ затянулъ.

РОГОВИЧЪ.

На комъ
Прорухи не бываетъ, Глѣбъ Миронычъ!
А благо то, что подняли вы насъ
Съ Андреемъ Юрьичемъ.

ВЫШАТА.

До псковичей
Продержимся, дастъ Богъ!

ЖИРОХЪ.

Я жъ говорю:
Мы и безъ нихъ продержимся. Вѣдь каждый
Десятерыхъ сталъ стоить, словно рубль
Въ ростъ пущенный.

ПОСАДНИКЪ.

Ты въ ростѣ знаешь толкъ.

ЖИРОХЪ.

Куда ужъ мнѣ! Лишь не нажить долговъ бы!
Ни у кого въ долгу мнѣ оставаться
Не пò-сердцу.

ЧЕРМНЫЙ.

Откуда, государи,
По вашему ждать приступа?

ВЫШАТА.

Послѣднiй
Отъ Прусскихъ мы воротъ отбили. Вновь
Тамъ не начнутъ. Чай, кинутся къ Торговой,
Затѣмъ они, должно-быть, къ Городищу
Стянулися.

РОГОВИЧЪ.

Глаза хотятъ отвесть.
Тамъ топь кругомъ; не провезти имъ туровъ.

ВЫШАТА.

Настелютъ путь. За Волховымъ весь день
Владимiрцы рубили лѣсъ. Намъ слышенъ
Стукъ топоровъ былъ и деревъ паденье.

РОГОВИЧЪ.

По мнѣ скорѣй къ Баянимъ воротамъ
Ихъ надо ждать.

ЖИРОХЪ.

По мнѣ жъ, не будетъ вовсе
И приступа. Чай, колоколъ былъ слышенъ
Имъ вѣчевой! Чай, видѣли они,
Какъ закипѣлъ Дѣтинецъ, и смекнули,
Что новый воевода нонѣ въ руки
Сидѣнье взялъ. Теперь одна осада
Отъ нихъ пойдетъ, морить насъ будутъ гладомъ,
А приступа не будетъ.

ЧЕРМНЫЙ—къ Посаднику.

Глѣбъ Миронычъ,
Какъ мыслишь ты?

ПОСАДНИКЪ.

Спроси-ка Василька;
Пусть скажетъ онъ, а я отвѣчу послѣ.

ЧЕРМНЫЙ.

Какъ, Василько, по-твоему?

ВАСИЛЬКО.

Когда
Ты, государь, мнѣ говорить велишь,
То мнѣ сдается: вѣдомо имъ вправду,
Что новый избранъ воевода, онъ же
Не кто, какъ ты, котораго нѣтъ лучше;
Но вѣдомо имъ также, что идетъ
На выручку намъ Псковъ; когда жъ доспѣетъ,
Плохая имъ останется надежда
Взять Новгородъ. Теперь, иль никогда!
Затѣмъ они, не дожидаясь Пскова,
На приступъ завтра же полѣзутъ.

ПОСАДНИКЪ—къ Жироху.

Слышалъ?
Не старый то и не бывалый молвитъ,
А молодой. То ясно есть какъ день,
То всякая понять съумѣетъ баба.
Зачѣмъ же ты, бывалый, говоришь,
Что приступа не будетъ?

ВЫШАТА.

Нѣтъ, теперь-то
Намъ ихъ и ждать.

РОГОВИЧЪ.

Теперь-то и начнутъ.

ЧЕРМНЫЙ.

О томъ и рѣчи нѣтъ!

ЖИРОХЪ.

Пусть, государи,
По вашему. Я что̀ же? Я сказалъ:
Коль при Ѳомѣ нахрапомъ насъ не взяли,
То при Андреѣ Юрьичѣ подавно
Насъ не возьмутъ. Они, чай, сами знаютъ.
А захотятъ попробовать—пожалуй,
Пусть сунутся!

ВЫШАТА.

Вопросъ: откуда намъ
Ихъ ожидать? Урону слишкомъ много
Мы понесли. Не хватитъ нашей рати
Всѣ стороны успѣшно боронить.

РОГОВИЧЪ.

Великая была бъ намъ льгота, еслибъ
Развѣдчика послать.

ЖИРОХЪ.

Ужъ сколько было
Посылано! Перехватали всѣхъ.
Небось, они не дремлютъ: днемъ и ночью
Объѣзды ихъ кругъ города кружатъ:
Чтò ни увидятъ, все хватаютъ; пса бы
Не пропустили. Гдѣ жъ тутъ посылать
Развѣдчика.

ЧЕРМНЫЙ.

Авось намъ Богъ поможетъ
Объѣзды ихъ сей ночью миновать.

ВЫШАТА.

Какъ такъ, бояринъ?

ЧЕРМНЫЙ.

Есть подземный ходъ
Ко самому ихъ стану...

Прислужницы вносятъ блюда.

ПОСАДНИКЪ—къ Чермному.

Отошли-ка,
Ты лучше бабъ: чтó слушать имъ!

ЧЕРМНЫЙ.

И то!

Къ прислужницамъ.

Возьмите по корзинѣ, отнесите
Вина и хлѣба челяди. Безъ васъ
Мы справимся.

КОНДРАТЬЕВНА.

Кто жъ, батюшка-то, въ домѣ
Останется? Окромѣ насъ двоихъ,
Всѣ на валу; и бабы наши землю
Таскаютъ, вишь!

ЧЕРМНЫЙ.

Не бойтесь, не украдутъ
Меня безъ васъ. Ступайте!

Прислужницы уход

РОГОВИЧЪ.

О какомъ
Ты это ходѣ говорилъ?

ЧЕРМНЫЙ.

Въ оврагъ
Свенельдовъ онъ, подъ городской стѣною,
Изъ Спасскаго ведетъ монастыря;
Кустарникомъ густымъ оброс вкругъ устья,
И непримѣтенъ даже днемъ. А станъ ихъ
Стоитъ къ оврагу тыломъ.

ВЫШАТА, РОГОВИЧЪ И ЖИРОХЪ.

Не слыхали
Про этотъ ходъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Я самъ узналъ случайно.

ВЫШАТА.

Его бъ засыпать лучше. Неравно
Провѣдаютъ они.

ЧЕРМНЫЙ.

Какъ имъ провѣдать?
Искать его нарочно—и тогда
Дня три оврагъ обшаривать бы надо;
А еслибъ кто случайно и набрелъ,
То все-жъ ему пройти не можно въ городъ:
Ключъ у меня—вотъ онъ!

ЖИРОХЪ.

Позволь спросить:
Давно ль тебѣ тотъ ходъ, бояринъ, вѣдомъ?

ЧЕРМНЫЙ.

Съ той осени. А что?

ЖИРОХЪ.

Да такъ; я только
Подумалъ: жаль, прежде не сказалъ ты.

ЧЕРМНЫЙ.

Изъ головы онъ вышелъ у меня:
То было до войны.

ЖИРОХЪ.

Оно и лучше,
Что ты въ свое лишь вспомнилъ воеводство.
А то Ѳома, пожалуй, только дѣло
Испортилъ бы.

РОГОВИЧЪ.

Кого жъ послать ты хочешь
Развѣдчикомъ сей ночью?

ЧЕРМНЫЙ.

Самъ пойду,
Дождуся только, чтобъ темнѣе стало.

ВЫШАТА.

Часъ неровёнъ; пошли другого лучше.

ЧЕРМНЫЙ.

Нельзя! Себѣ могу лишь одному
Довѣриться.

РОГОВИЧЪ.

Но вотъ ужъ третьи сутки
Ты на ногахъ; ты отдохнуть бы долженъ;
Хоть на часокъ прилягъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Избави Богъ!
Когда теперь прилягу, то мертвецки
Сейчасъ засну; а надо до зари
Навѣрно знать, откуда будетъ приступъ,
Чтобъ силы всѣ въ ту сторону собрать;
У насъ и впрямь осталось мало рати.

ВЫШАТА.

Самъ о себѣ пойдешь?

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ, одного бы
Товарища взять надо.

Къ Васильку.

Василько!
Что̀ дѣлаетъ твоя сей ночью сотня?

ВАСИЛЬКО.

Наряжены къ дозору, государь.

ЧЕРМНЫЙ.

Поставь надъ ней другого, напередъ же
Всѣмъ сдѣлай перекличку; обойди
Сперва свои притины, а потомъ
Ко Спасскому ступай монастырю.
Тамъ жди меня. Тебя беру съ собой
Ко вражьему я стану.

ВАСИЛЬКО.

Государь,
Воздай Господь тебѣ за эту честь!

Уходитъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Послѣднюю теперь, бояре, чару —
И по мѣстамъ! За Новгородъ Великій!

Всѣ встаютъ и пьют

ЖИРОХЪ.

За Новгородъ—и добраго успѣха
Тебѣ, Андрею Юрьевичу! Любо
Смотрѣть, какъ все кипитъ въ твоихъ рукахъ!
Вездѣ ты самъ, на все тебя хватаетъ!

ВЫШАТА И РОГОВИЧЪ.

Прости, бояринъ,—добраго успѣха!

ЧЕРМНЫЙ.

Простите всѣ— и помните приказъ:
Очередной никто чтобъ не помыслилъ
Очей сомкнуть; чтобы глядѣли въ оба,
О каждомъ бы движеніи во станѣ
Сказали мнѣ, какъ только я вернусь —
Мы на валу увидимся зарею.

ВЫШАТА, РОГОВИЧЪ И ЖИРОХЪ.

Спокоенъ будь, мы знаемъ наше дѣло.

Направляются къ двери.

ВЫШАТА—уходя, къ посаднику.

Ты что же, Глѣбъ Мироновичъ?

ПОСАДНИКЪ.

Идите.

Я догоню васъ.

Вышата, Роговичъ и Жирохъ уходятъ.

ПОСАДНИКЪ—проводивъ ихъ глазами.

Надо бы Жироха

Смѣнить.

ЧЕРМНЫЙ.

А что?

ПОСАДНИКЪ.

Сдается, ненадеженъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Мнѣ самому сдается.

ПОСАДНИКЪ.

Злобы онъ

Не можетъ скрыть — съ Ѳомою за-одно.

ЧЕРМНЫЙ.

Перемѣстить его могу я завтра.

ПОСАДНИКЪ.

Перемѣсти; поставь его туда,
Гдѣ приступа не будетъ; ты замѣтилъ,
Какъ онъ искалъ, какую бъ на тебѣ
Найти вину? Они съ Ѳомой бы рады
Тебя подвесть.

ЧЕРМНЫЙ.

Беречься буду ихъ.

ПОСАДНИКЪ.

Еще одинъ совѣтъ: бояринъ Чермный!
На волоскѣ повисла воля наша.
Тобой однимъ лишь Новгородъ стоитъ:
Когда тебя убьютъ или захватятъ —
Въ разбродъ какъ разъ сидѣніе пойдетъ,
И легкая добыча будетъ князю!
Не зыбывай, что ты святой Софіи
И щитъ, и стягъ, и что друзья княжіе
Въ самихъ стѣнахъ новогородскихъ ищутъ
Тебя избыть. Въ опасность не хоти
Соваться даромъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Милостивъ Господь!
Но не идти въ развѣдку не могу я
Отъ этого отпоръ успѣшный завтра
Зависитъ нашъ.

ПОСАДНИКЪ.

Не лучше ль Василька
Отправить одного?

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ. Молодъ слишкомъ;
Удерживать приходится его;
Мнѣ жъ не впервые: Суздальцемъ одѣнусь
И, отъ костра переходя къ костру,
Узнаю все.

ПОСАДНИКЪ.

Блюди жъ тебя Господь!

ЧЕРМНЫЙ.

Ты самъ куда?

ПОСАДНИКЪ.

Прилягу до разсвѣта,
А то совсѣмъ не чую ногъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Прости жъ,
Чѣмъ свѣтъ съ тобою свидимся.

ПОСАДНИКЪ.

Блюди
Тебя Господь!

Уходитъ.

ЧЕРМНЫЙ—одинъ.

Да, надобно Жироха
Перемѣстить. Предвидѣть надо все!
Ему съ Ѳомой я какъ бѣльмо на око.
Правъ старый Глѣбъ! Проклятая дремота!
Вино, и то сегодня не бодритъ.
Сейчасъ пойду...

Задумывается, потомъ подходитъ къ столу и выпиваетъ чару.

Чтó, бишь, ему сказалъ я?
Да! Суздальцемъ одѣнусь... а Жироха
Перемѣщу... не надо позабыть
Перемѣстить Жироха... надо помнить...
Двѣ вещи помнить... Суздальцемъ одѣться...
И чтó еще? Вотъ такъ ко сну и клонитъ...
Смѣнить Жироха... Суздальцемъ одѣться...
Сейчасъ пойду... На мигъ присяду только...
Сейчасъ пойду...

Садится за столъ; голова его опускается на руки, онъ засыпаетъ. Двѣ двери медленно отворяются: изъ одной показывается Наталья, изъ другой Рагуйло. Разговоръ ихъ идетъ шопотомъ.

РАГУЙЛО.

Ну что-жъ ты?

НАТАЛЬЯ.

Не могу!

РАГУЙЛО.

Бери же ключъ. Отвязывай!

НАТАЛЬЯ.

Братъ, руки
Мои дрожатъ!...

РАГУЙЛО—вынимая ножъ и дѣлая шагъ впередъ.

Иль мнѣ ужъ самому?

НАТАЛЬЯ.

Сейчасъ, сейчасъ!

Подходитъ осторожно къ Чермному и снимаетъ съ его пояса ключъ.

РАГУЙЛО.

Давай.

Наталья подаетъ ему ключъ, падаетъ на колѣни и закрываетъ лицо руками.

РАГУЙЛО.

Нѣтъ, шутишь! Встань!
Остаться съ нимъ тебѣ не дамъ—разбудишь.
Пускай онъ спитъ! Ты проводи меня—

Поднимаетъ ее насильно.

Иди со мной!

Къ Чермному.

А ты—спокойной ночи!

Уходитъ, уводя за собой сестру.

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

ДОМЪ БОЯРИНА ѲОМЫ.

Ночь. ѲОМА, ЖИРОХЪ и КРИВЦЕВИЧЪ разговариваютъ

ѲОМА—ходитъ по комнатѣ.

Подземный ходъ! И этого не зналъ я!
Какъ онъ его провѣдалъ?

ЖИРОХЪ.

Говоритъ,
Случайно будто.

ѲОМА.

А съ которыхъ поръ?

ЖИРОХЪ.

Съ той осени; и будто онъ о немъ
Совсѣмъ забылъ, сегодня только вспомнилъ

ѲОМА.

Повѣрю я!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Хитеръ! Молчалъ, небось,
Да про свое припасъ про воеводство.

ѲОМА.

Хотя бъ однимъ денькомъ мнѣ ранѣ знать!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Хоть утромъ бы намъ знать, Ѳома Григорьичъ,
Успѣли бъ князю вѣсточку подать,
Какъ приступъ весть.

ѲОМА—къ Жироху.

И на развѣдку хочетъ
Онъ самъ идти?

ЖИРОХЪ.

Такъ намъ сказалъ.

ѲОМА.

Одинъ?

ЖИРОХЪ.

Нѣтъ, съ Василькомъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Кабы на той развѣдкѣ
Ухлопали его!

ЖИРОХЪ.

Не уповаю:
Вернется здравъ!

ѲОМА.

О чемъ еще шла рѣчь?

ЖИРОХЪ.

Все объ одномъ: откуда князя ждать?
Кто говоритъ: пойдетъ на Городище,
Кто — къ воротамъ Баянимъ. Я пытался
Ихъ съ толку сбить, да срѣзалъ старый чортъ!
Я, правда, тожъ ввернулъ загвоздку:
Его долгами здорово кольнулъ.

ѲОМА.

Съ ума сошелъ? Какія тутъ загвоздки!
Ты долженъ былъ поддакивать ему,
Ласкать его, быть мягче шолка съ нимъ,
Кадить ему!

ЖИРОХЪ.

Что жъ дѣлать — сорвалось,
Не вытерпѣлъ. Когда бъ ты только видѣлъ,
Какъ на меня смотрѣлъ онъ! Вспомнишь — сердце
Такъ и вскипитъ!

ѲОМА.

А ты его разсудкомъ
Придерживай. Взгляни хоть на меня:
Ко Глѣбу развѣ менѣ сердце злобой
Во мнѣ кипитъ? А развѣ волю я
Даю ему? Нѣтъ, злобу приглушать
Умѣю я! Боярыня Мамелфа
Сегодня вотъ мнѣ говоритъ про Глѣба:
Онъ то и то! И въ Бога-то не вѣритъ,
И въ церковь то заказывалъ ходить,
И даромъ-то безвиннаго меня
Оклеветалъ! Я что жъ? Небось помогъ ей
Чернить его? Нѣтъ, я не такъ-то простъ!
Горою всталъ за Глѣба! Онъ-де мнѣ

Хотя и врагъ, хоть вправду благочестья
Немного въ немъ, а все-жъ его я чту
За то, что онъ душою не кривитъ,
По-своему, вишь, Новгородъ онъ любитъ,
Невѣдѣньемъ меня лишь оскорбилъ,
И прочее, и прочее! Старуху
Такъ умилилъ — чуть-чуть не прослезилась,
А Глѣбъ чрезъ то и вдвое сталъ чернѣй!
Вотъ надо какъ!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Съ тобой кому тягаться,
Ѳома Григорьичъ! Богъ тебя сподобилъ,
А мы себѣ по простотѣ!

ѲОМА.

Вотъ то-то,
По простотѣ!

Къ Жироху.

Ругалъ ли ты меня,
Какъ я тебѣ наказывалъ?

ЖИРОХЪ.

Ругать-то
Неловко было; за тебя на вѣчѣ
Вѣдь я стоялъ; а я сказалъ: Ѳома, молъ,
И самъ смекнулъ, что былъ неправъ.

ѲОМА.

Не то!
Ругать меня ты долженъ былъ; звать бабой,
Звать дуракомъ, звать воромъ, трусомъ звать!
Ѳома, молъ, трусъ! Ѳома — княжой прихлѣбникъ.
Ѳома, молъ, воръ! Ѳома — христопродавецъ!
Онъ и меня лукавствомъ обошелъ!

ЖИРОХЪ.

Пересолилъ бы такъ, Ѳома Григорьичъ,
Замѣтили бъ разсчетъ!

ѲОМА.

Эхъ, простота!
Пересолишь, когда щепотку соли
Ты передашь; когда же опрокинешь
Солонку всю, тогда ошеломишь.
Чтò нужно намъ? Чтò бъ мнили бы они,
Что сторону мою ты бросилъ. Такъ ли?
А изъ чего ты имъ передался —
Вопроса нѣтъ—вѣстимо изъ разсчета!
Своимъ ты ихъ усердьемъ не обманешь,
Ни у кого святымъ не прослывешь;
Не чистотой ты въ Новгородѣ вѣдомъ,
Такъ чистаго не корчи изъ себя.
Всякъ долженъ знать, о немъ чтò мыслятъ люди,
Въ чемъ можно ихъ увѣрить, въ чемъ нельзя.
А съ Чермнымъ Глѣбъ тебѣ лишь въ томъ повѣрятъ,
Что ты меня изъ выгодъ продаешь.
Такъ продавай! И чѣмъ наглѣй, тѣмъ лучше!
Не очищай—черни меня предъ ними,
Черни сплеча.

ЖИРОХЪ.

Я думалъ понемногу
Въ ихъ мнѣніи отречься отъ тебя.

ѲОМА.

Нѣтъ времени намъ дѣлать понемногу —
Желѣзо куй, пока красно! У насъ
Псковъ на носу! Мы пень черезъ колоду
Валить должны! Мы Чермнаго подсѣчь

Должны теперь, покуда Псковичи
Не подошли, и для того теперь же
Намъ за-одинъ работать, а наружно
Врозь надо быть.

Къ Кривцевичу.

Такъ, иль не такъ?

КРИВЦЕВИЧЪ.

Ѳома
Григорьевичъ! царь Соломонъ глаголетъ
Изъ устъ твоихъ; придай же намъ ума:
Какъ Чермнаго подсѣчь!

ѲОМА.

Рыбакъ, закинувъ
Свою уду, глядитъ на поплавокъ;
А не клюетъ его наживы щука —
За лодкою волочитъ онъ лесу,
Иль съ берега нахлесткой дразнитъ рыбу.
Такъ или такъ—подъ промахъ подведемъ
Мы Чермнаго; иль улучу я случай,
Иль самъ рожу́. Вы жъ помните одно:
Наружно врозь, на дѣлѣ жъ тѣсно вмѣстѣ;
Что̀ ни скажу—навстрѣчу говорить;
А между тѣмъ смекать изъ полуслова,
Куда я гну, и спорить такъ, чтобъ я
Всегда былъ правъ...

Звонъ въ колоколъ.

ЖИРОХЪ.

Позволь—никакъ набатъ!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Набатъ и есть!

ЖИРОХЪ—отворяя окно.

И зарево пожара!

Крики на улицѣ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Съ оружіемъ по улицѣ бѣгутъ!
Не ворвались ли Суздальцы?

ЖИРОХЪ.

Безъ боя?
Не можетъ быть!

ѲОМА.

Пойдемте посмотрѣть!
Нежданное намъ что-то приключилось —
Пригодное, пожалуй, что-нибудь!

Всѣ трое поспѣшно уходятъ.

ПЛОЩАДЬ СЪ ЛОБНЫМЪ МѢСТОМЪ.

Ночь. Зарево пожара. Набатъ и стукъ сѣчи. Граждане съ оружіемъ бѣгутъ черезъ сцену.

КРИКИ.

Суздальцы! Суздальцы! Измѣна! Новгородъ взяли! Рѣжутъ! Гдѣ Суздальцы? Бей ихъ!

Пробѣгаютъ. Изъ боковой улицы выходитъ Василько, въ схваткѣ съ Рагуйломъ, одѣтымъ въ кольчугу. Набатъ умолкаетъ, зарево гаснетъ.

ВАСИЛЬКО—наступая на Рагуйло.

Сдайся! Всѣ твои перебиты!

РАГУЙЛО.

Не таковскій чтобъ сдаться! Кому Богъ поможетъ!

Дерутся. Рагуйло падаетъ. Изъ той же улицы выбѣгаютъ Ставръ и Головня.

СТАВРЪ.

Ай да Василько! Послѣдняго растянулъ!

ВАСИЛЬКО.

Гдѣ наши?

ГОЛОВНЯ.

Пожаръ гасятъ.

РАДЬКО—подходя.

Уже погасили.

Указываетъ на нѣсколькихъ людей, выходящихъ изъ той же улицы.

Вотъ эти намъ помогли!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Да что это за притча была? Откуда они взялись?

ДРУГОЙ.

Словно съ неба упали!

ГОЛОВНЯ.

Изъ земли словно выросли.

СТАВРЪ.

Нѣтъ, они изъ монастыря выскочили, какъ разъ когда мы дозоромъ шли.

ВАСИЛЬКО.

Да точно ли всѣ перебиты?

РАДЬКО.

Всѣхъ положили! Немного ихъ и было, человѣкъ пятьдесятъ!

ТРЕТІЙ.

А поджечь-таки успѣли!

СТАВРЪ.

Кабы не нашъ дозоръ, они съ разныхъ концовъ подожгли бы: у каждаго связка смоленаго хворосту была.

ГОЛОВНЯ.

А тѣмъ часомъ и приступъ начался бы. Внутри пожаръ гаси, а снаружи враговъ отбивай!

РАДЬКО—къ Васильку, указывая на Рагуйло.

Смотри, твой живъ еще!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Пришибить его, что-ли?

РАГУЙЛО—приподнимаясь.

Православные... Дайте по-христіански умереть.. Отнесите въ церковь, али попа позовите...

ПЯТЫЙ—замахиваясь.

Я тебѣ попъ! Благословлю какъ разъ!

ВАСИЛЬКО—отталкивая его.

Прочь, звѣрь! Лежачаго не бьютъ! Спросимъ его, какъ они въ городъ вошли?

Къ Рагуйло.

Эй, молодецъ!

СТАВРЪ.

Обмеръ, должно быть, али ужъ кончился?

ВАСИЛЬКО.

Нѣтъ, живъ еще, да говорить не можетъ! Отнесите его въ монастырь.

Радько и Головня уносятъ Рагуйло. Народъ шумно собирается на площадь. Съ одной стороны входитъ посадникъ, съ другой—Ѳома съ Жирохомъ и Кривцевичемъ.

ПОСАДНИКЪ.

Что̀ это было? Что̀ случилось!

ВАСИЛЬКО.

Толпа Суздальцевъ ворвалась, государь. Да уже всѣ перебиты.

ПОСАДНИКЪ.

Ты какъ здѣсь? Отчего не съ воеводой?

ВАСИЛЬКО.

Я по его указу сдѣлалъ: послѣ переклички, сотню по дорогамъ раздѣлилъ, а самъ пришелъ къ монастырю дожидаться его. Часа три у воротъ стоялъ, какъ изъ нихъ ратники показались; я ихъ окликнулъ, а они на меня съ мечами бросились. Тутъ нашъ дозоръ подошелъ, и мы вмѣстѣ перебили ихъ.

ПОСАДНИКЪ.

А воевода? Воевода?

ВАСИЛЬКО.

Не видали его, не приходилъ.

ѲОМА—къ Жироху и Кривцевичу.

Смекайте! Тутъ что-нибудь для насъ! Вѣдь это его ходомъ Суздальцы пролѣзли.

Чермный вбѣгаетъ съ мечомъ въ рукѣ.

ЧЕРМНЫЙ.

Не можетъ быть! Не вѣрю! Гдѣ они? Гдѣ Суздальцы?

ГОЛОСА.

Безъ тебя справились!

ЧЕРМНЫЙ.

Какъ они вошли? Быть не можетъ!

Радько и Головня, отнесшіе Рагуйло, возвращаются.

РАДЬКО.

Ходъ подземный въ монастырѣ есть. Мы видѣли — монахи его заваливаютъ.

ѲОМА.

Ходъ подземный? Какой это ходъ?

ЖИРОХЪ.

Да не тотъ ли, про который воевода вчера говорилъ? Отъ котораго ключъ у него?

Чермный хватается за поясъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Ловко прикинулся!

ГОЛОВНЯ.

Вотъ ключъ! Онъ въ дверцѣ снутри торчалъ.

Ропотъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Господи!—что́ это? Онъ у меня на поясѣ былъ!

ѲОМА.

А теперь въ дверцѣ очутился? Гмъ! Странное дѣло!

ЖИРОХЪ.

Что́ странное дѣло? Ужъ ты, прости Господи, не держишь ли подозрѣнія на воеводу?

КРИВЦЕВИЧЪ.

Ты, чай, золъ на него за то, что онъ на твое мѣсто сѣлъ?

ЖИРОХЪ.

Радъ безвиннаго чернить!

ѲОМА.

Что вы, что вы, побойтесь Бога, съ чего вы накинулись? Я не черню его, а надо бы спросить, какъ съ его пояса ключъ въ дверцу попалъ и вороговъ въ городъ впустилъ?

КРИКИ.

Къ отвѣту воеводу! Къ отвѣту!

ПОСАДНИКЪ.

Постойте, люди! Развѣ можно такъ спрашивать? Подождемъ утра, соберемъ вѣче; воевода Новугороду отвѣтъ дастъ.

ГОЛОСА.

Дѣло, дѣло! Подождемъ утра, на вѣчѣ спросимъ.

ПОСАДНИКЪ—къ Чермному.

Кто это учинилъ? На кого ты мыслишь?

ЧЕРМНЫЙ.

Ума не приложу!

ПОСАДНИКЪ.

Голову отдамъ, чтобъ вора найти!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Да зачѣмъ же воеводу къ отвѣту ставить? Воевода никому не держитъ отвѣта. Это не простой воевода; онъ и смертную казнь наложилъ всѣмъ, кто не слушаетъ его: какой же на немъ отвѣтъ?

КРИКИ ВЪ НАРОДѢ.

Что жъ онъ князь надъ нами, что-ли? Мы и князей судимъ, а его и подавно! Говори! Отвѣчай!—У тебя былъ ключъ?—Кому ключъ отдалъ?—Зачѣмъ вороговъ впустилъ?—Къ отвѣту! Къ отвѣту!

ПОСАДНИКЪ.

Молчите, смерды! Воевода одному вѣчу повиненъ!

КРИКИ.

Такъ соберемъ вѣче! Чего тутъ ждать! Бѣгите на колокольню!—Ударьте въ колоколъ!—Вѣче! Вѣче!

Крики и возрастающее смятеніе. Разсвѣтаетъ.

ѲОМА—къ Кривцевичу.

На ловцовъ звѣрь набѣжалъ! Станемъ въ разбивку, чтобъ не сказали: стачка! И держать ухо востро!

Расходятся.

Ударъ въ колоколъ. Площадь наполняется все болѣе. Впереди чернаго народа становятся бояре и огнищане. Каждая улица подъ своимъ стягомъ. Колоколъ умолкаетъ. Посадникъ всходитъ на лобное мѣсто. Молчаніе.

ПОСАДНИКЪ.

Государь Великій Новгородъ! Повелите ли вѣчу быть?

ОБЩІЙ КРИКЪ.

Вѣче! вѣче! вѣче!

ПОСАДНИКЪ.

Великій Новгородъ! Открыто вѣче!
Горсть Суздальцевъ сей ночью ворвалась
Чрезъ тайный ходъ подземный, отъ него же
У воеводы Чермнаго былъ ключъ.

Тотъ ходъ уже заваленъ, и враги
Побиты всѣ. А кто у воеводы
Похитилъ ключъ—не вѣдаемъ. Велите ль
Ему отвѣтъ держать?

КРИКИ.

Пусть говоритъ!

ПОСАДНИКЪ.

Кому вести прикажете допросъ?
По грамотамъ держалъ по Ярославлимъ
Доселѣ князь въ Новѣгородѣ судъ;
Въ безкняжіе жъ и въ смутныя годины
Всегда судилъ посадникъ.

КРИКИ.

И теперь
По-старинѣ! По пошлинѣ! Посадникъ,
Допрашивай

ЖИРОХЪ.

Кому же, государи,
Какъ не ему? И кто же лучше Глѣба
Мироныча очиститъ воеводу?
Ему онъ другъ; его жъ на воеводство
Онъ посадилъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Такъ какъ же правду мы
Черезъ него узнаемъ? Онъ не можетъ
Допрашивать—онъ будетъ выручать!

КРИКИ.

Нельзя ему! Нельзя! Ѳома пусть будетъ
Допрашивать!

ѳома.

Увольте, государи!
Когда посадникъ Чермному есть другъ —
Я не таюсь: ему я другомъ не былъ;
Я говорилъ, что молодъ слишкомъ онъ,
И довѣрять нельзя ему сидѣнье.
Коль онъ себя, не дай Богъ, не очиститъ,
Подумаютъ, пожалуй, на меня:
Нарочно-де я недруга запуталъ.
Кривцевичу вы лучше прикажите —
Онъ сторона!

ПОСАДНИКЪ.

Придумалъ бы хитрѣе!
Съ Кривцевичемъ вы словно два перста.
Онъ или ты—едино! Государь
Великій Новгородъ! Коли не мнѣ —
Вышатѣ прикажите—этотъ чистъ!

ОБЩІЙ КРИКЪ.

Вышатѣ! Да! Вышатѣ весть допросъ!
Сойди долой, а Чермный стань къ отвѣту!

Посадникъ сходитъ со ступеней. Чермный всходитъ.

ВЫШАТА.

Бояринъ Чермный! Новгородъ знать хочетъ:
Какъ Суздальцы сей ночію вошли
Чрезъ тайный ходъ, отъ коего былъ ключъ
Въ твоихъ рукахъ?

ЧЕРМНЫЙ.

Какъ святъ Господь, не знаю!

ВЫШАТА.

Кого-нибудь подозрѣваешь ты?

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ,—никого!

ВЫШАТА.

Чрезъ этотъ самый ходъ
Вчера идти хотѣлъ ты на развѣдку —
Ходилъ ли ты?

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ.

ВЫШАТА.

Отчего?

ЧЕРМНЫЙ.

Судите,
Какъ знаете меня! Не помню самъ,
Чтó сдѣлалось со мной, когда ушли вы;
Стыдъ вѣчный мнѣ! Одинъ на лавкѣ сидя,
Забылся я,—забылся и заснулъ; —
Очнулся лишь, когда набатъ услышалъ!
Сильный ропотъ

ВЫШАТА.

И не нашелъ на поясѣ ключа?..

ЧЕРМНЫЙ.

Я, не глядя, бѣжать сюда пустился —
Лишь здѣсь увидѣлъ, что съ меня онъ снятъ.

ВЫШАТА.

Съ кѣмъ видѣлся по нашемъ ты уходѣ?

ЧЕРМНЫЙ.

Ни съ кѣмъ.

ВЫШАТА.

Кто былъ изъ челяди въ дому?

ЧЕРМНЫЙ.

Никто. При васъ я отослалъ прислужницъ,
А прочіе съ утра ушли на валъ.

ВЫШАТА.

Бояринъ Чермный—дома ли Наталья
Твоя была, когда ты намъ тотъ ключъ
Показывалъ?

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ. Къ теткѣ ночевать
Предъ тѣмъ ушла. Посадникъ слышалъ, какъ
Я самъ ее отправилъ.

ПОСАДНИКЪ.

Слышалъ, точно —
Но вправду ли она ушла—Богъ-вѣсть!
Никто ее не видѣлъ.

ГОЛОСЪ.

Видѣлъ я!

ВЫШАТА.

Кто говоритъ? Коль послухъ—выступай!

Выходитъ изъ толпы мечникъ.

Повѣдай все, что̀ знаешь о Натальѣ!

МЕЧНИКЪ.

Отъ смѣны я во Спасскій монастырь
Вчера пришелъ ко всенощной. Тамъ, вижу,
Стоитъ она межъ нищихъ, горько плачетъ
И молится. И говорю я ей:

О чемъ ты, горемычная душа,
Такъ горько плачешь?—Къ теткѣ, говоритъ
Иду къ больной, путемъ же помолиться
Сюда зашла.

ѲОМА.

Ну, значитъ, не Наталья!

ВЫШАТА.

Кого другого не было ль въ дому?

ЧЕРМНЫЙ.

Я былъ одинъ.

ѲОМА.

Одинъ, въ пустыхъ покояхъ—
На поясѣ съ ключомъ! Ключъ, стало, самъ
Съ него снялся и отперъ супостату
Тотъ самый ходъ, о коемъ ни душа,
Опричь его, не вѣдала!

Возрастающій ропотъ.

ЖИРОХЪ.

Постой,
Не радуйся, Ѳома Григорьичъ! Было
Насъ пятеро вчера у воеводы;
Намъ пятерымъ показывалъ онъ ключъ.
Когда судить доводится измѣну,
Въ допросѣ нѣтъ обиды никому.
Пусть спросятъ насъ: всѣ ль вмѣстѣ мы ушли,
Иль съ Чермнымъ кто послѣдній оставался?

ПОСАДНИКЪ.

Послѣдній я остался. Что жъ съ того?

ЖИРОХЪ.

Гмъ! Ничего! Я только такъ!

КРИКИ.

На Глѣба
Онъ говоритъ! Каменьями его!
Воръ! Клеветникъ!

ПОСАДНИКЪ.

Оставьте, государи!
Я не изъ тѣхъ, до коихъ клевета
Могла бъ достичь!

ѲОМА.

Еще бъ! Иль мы не знаемъ
Посадника? На Чермномъ на одномъ
Лежитъ отвѣтъ!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Тогда измѣнникъ Чермный!

КРИКИ.

Измѣнникъ онъ! Измѣнникъ! Смерть ему!

ПОСАДНИКЪ.

Въ умѣ ли вы! Когда бъ онъ замышлялъ
Намъ измѣнить, не сталъ бы намъ онъ ключъ
Показывать. Онъ не сказалъ бы намъ
О ходѣ томъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Зачѣмъ о немъ онъ прежде
Намъ не сказалъ? Онъ зналъ его давно.

ВЫШАТА.

Бояринъ Чермный!—отвѣчай на это!

ЧЕРМНЫЙ.

Что̀ вамъ отвѣтить? Лѣтомъ, на охотѣ,
Я на него набрелъ случайно; было
То до войны; не показался важнымъ
Онъ мнѣ тогда—и я о немъ забылъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Въ свое жъ опять припомнилъ воеводство?

ЧЕРМНЫЙ.

Когда отвѣтъ я принялъ на себя,
Къ сидѣнью все пригодное мнѣ ясно
Представилось.

ѲОМА.

Свидѣтельствуюсь Богомъ,
Когда бы я объ этомъ ходѣ зналъ —
Все, что̀ враги на насъ ни замышляли бъ,
Я бъ вѣдалъ все! Мнѣ бъ не было нужды
Со княземъ миръ для нашего спасенья
Совѣтовать.

ЖИРОХЪ.

Вишь, хвастается чѣмъ!
Да развѣ самъ не собирался Чермный
Сей ночью на развѣдку?

КРИВЦЕВИЧЪ.

И заснулъ!
И кстати жъ сонъ напалъ на воеводу:
Какъ разъ когда всѣ изъ дому ушли!
И кстати воръ нашелся въ самый мигъ,
Какъ онъ заснулъ! И кто же этотъ воръ?
Какъ онъ о томъ о потаенномъ ходѣ
Провѣдать могъ, когда никто изъ насъ

О немъ не зналъ? И какъ онъ догадался,
Что самый ключъ на поясѣ виситъ
У воеводы? Новгородъ Великій!
Боярина Ѳому вы отрѣшили
За то, что мира съ княземъ онъ хотѣлъ —
Что жъ Чермному вы за его измѣну
Положите?

ВЗРЫВЪ КРИКОВЪ.

Смерть за измѣну! Смерть!

ПОСАДНИКЪ—входитъ на ступени.

По грамотамъ! По пошлинѣ! Во имя
Святой Софіи! Дайте, государи,
Посаднику къ вамъ слово молвить!

ГОВОРЪ.

Тише!
Глѣбъ говоритъ! Молчите! Слушать Глѣба!

ПОСАДНИКЪ.

Великій Новгородъ! Нельзя казнить
Безъ обыска! Намъ надо сдѣлать обыскъ,
Его домашнихъ надо допросить.
Воръ сыщется! Какъ вору не сыскаться?
За Чермнаго жъ я головой стою.
Я за него ручаюсь честью! Я,
Посадникъ Глѣбъ! Коль смѣните его —
Все пропадетъ! Одинъ онъ держитъ городъ.
Лишь одному ему послушна рать!
Лишь имъ однимъ—лишь имъ свобода наша
Теперь жива!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Вишь, голосъ какъ трясется
У старика!

ДРУГОЙ.

Слеза на бородѣ
Скатилася! Диковина! Никто
Не видывалъ, чтобъ плакалъ старый Глѣбъ!

ПОСАДНИКЪ.

Хоть на два дня оставьте воеводство
Вы Чермному! Хоть до прихода Пскова!
Когда жъ дотоль мы вора не найдемъ —
Казните насъ обоихъ!

КРИВЦЕВИЧЪ.

А межъ тѣмъ
Онъ насъ продастъ? Какой еще тутъ обыскъ?
Оконченъ судъ!

ѲОМА—тихо къ Жироху, который къ нему непримѣтно подошелъ.

Шепни скорѣе нашимъ,
Чтобъ за меня кричали!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Пусть онъ вора
Намъ назоветъ—не то на казнь его!

КРИКИ.

Пусть назоветъ! Пусть назоветъ! Не то
Смерть Чермному!

КРИКИ СЪ ДРУГОЙ СТОРОНЫ.

Ѳому на воеводство!
Ѳому! Ѳому! Хотимъ Ѳому опять!

КРИКИ СЪ РАЗНЫХЪ СТОРОНЪ.

Живетъ Ѳома! Ѳому на воеводство!

ПОСАДНИКЪ.

Дозвольте слово, Новгородъ Великій,
Послѣднее!

КРИКИ.

Ну, что̀ еще? Скажи!

ПОСАДНИКЪ.

Я Господомъ Спасителемъ Христомъ
Молю того, кто ключъ у воеводы
Уворовалъ—святой молю Софіей—
И собственной души его спасеньемъ
Его молю—и страхомъ вѣчныхъ мукъ
Грожу ему—пусть самъ онъ назовется!

Молчаніе.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Не такъ-то простъ, чай, воевода Чермный,
Самъ на себя не скажетъ!

КРИКЪ.

Смерть ему!

Смятеніе и шумъ; черный народъ протѣсняется сквозь бояръ.

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Что̀ долго съ нимъ чиниться? Въ Волховъ пса!

ДРУГОЙ—стаскиваетъ Чермнаго со ступеней.

Веревку, братцы! И на шею камень!

ТРЕТІЙ.

Во дворъ къ нему! Разграбимъ домъ его!

КРИКИ.

Живетъ Ѳома! Ѳому на воеводство!

ѲОМА—торжествуя, къ посаднику.

Что̀ взялъ теперь? Мой городъ!

ПОСАДНИКЪ.

Нѣтъ еще!

Къ толпѣ.

Вамъ нуженъ воръ? Вы вора знать хотите!
Добро жъ! Такъ я вамъ вора назову!

ОБЩІЕ КРИКИ.

Кто? Назови! Скажи, кто воръ?

ПОСАДНИКЪ.

Я воръ!

Молчаніе. Потомъ продолжительный ропот

ЖИРОХЪ.

Такъ вотъ оно! Вѣдь говорилъ же я!
Вѣдь изо всѣхъ вчера послѣдній съ Чермнымъ
Остался онъ.

ѲОМА—тихо къ Жироху.

Молчи! Его сгубить —
То Чермнаго очистить! Городъ этакъ
Въ его рукахъ останется!

Къ толпѣ.

Вы, вящшіе, и вы, простые люди!
Ужели вы повѣрите ему?
Вы видите, онъ на себя клевещетъ.
Измѣнникомъ ужели можетъ быть
Посадникъ Глѣбъ?

Ропотъ.

ОТДѢЛЬНЫЕ ГОЛОСА.

Нѣтъ, нѣтъ! То быть не можетъ!
Не вѣримъ! Нѣтъ!

ВЫШАТА—къ посаднику.

Что́ взводишь, Глѣбъ Миронычъ,
Ты на себя? Никто изъ насъ тебѣ
Не хочетъ въ томъ, не можетъ вѣры дать.

ПОСАДНИКЪ.

Съ которыхъ поръ мнѣ Новгородъ не вѣритъ?

ЧЕРМНЫЙ.

Бояринъ Глѣбъ, не дамъ тебѣ губиться,
Твою я правду докажу!

ПОСАДНИКЪ—тихо.

Не смѣй!
Не за тебя, за Новгородъ гублюсь!

Къ собранію.

Великій Новгородъ! Я—Глѣбъ Миронычъ!—
У соннаго вчера у воеводы
Ключъ отвязалъ отъ пояса.

ЧЕРМНЫЙ.

Неправда!
Лишь по его уходѣ я заснулъ.

ПОСАДНИКЪ.

А развѣ я не могъ вернуться?

ВАСИЛЬКО.

Люди!
Бояре! Братцы! не дадимъ ему
Себя сгубить! Кричите, что неправда!

КРИКИ.

Неправда! Нѣтъ! Не вѣримъ!

ЖИРОХЪ.

Почему же,
Коль Чермный могъ, посаднику не мочь!

ѲОМА—тихо къ Жироху.

Не то! не то! Ты только портишь дѣло!
Молчи совсѣмъ, иль говори за мной.

ЖИРОХЪ.

Нѣтъ, ужъ позволь мнѣ въ петлю супостату
Влѣзть пособить! Долгъ платежемъ красёнъ!

ѲОМА.

Да ты съ ума никакъ сошелъ? Намъ надо
Такъ говорить, чтобъ воеводство вновь
Досталось мнѣ. Ты Чермнаго—не Глѣба
Должòнъ винить.

ЖИРОХЪ.

Съ тобою спорить мнѣ
Ты самъ велѣлъ—такъ не мѣшай!

ѲОМА.

Іуда!
Ты выручаешь Чермнаго!

ЖИРОХЪ.

За то ужъ
Мироныча я выручить не дамъ!

ѳома.

Злодѣй! Дай срокъ, съ тобою мы сочтемся!
Бояре! Земцы! Гриди! Огнищане!
Ужели тотъ, чья доблесть, правда, честь —
Всѣмъ вѣдомы—на комъ никто не могъ бы
Ни пятнышка единаго найти —
Ужели бы тотъ самый человѣкъ
Могъ Новгородъ продать?

жирохъ.

Еще бъ не могъ,
Коль дорого ему за это дали.

ѳома.

Типунъ тебѣ на лживый твой языкъ!
На свой погонъ посадника ты мѣришь!

жирохъ.

А что жъ? Съ тобой высчитывали мы
Его долги: довольно есть на немъ.
Неужто жъ онъ продешевилъ Софію?
Нѣтъ, онъ не глупъ! Ему досталось чѣмъ
И Новгородцамъ, и Любчанамъ все
Отдать сполна.

вышата.

Бояринъ Глѣбъ! Зачѣмъ бы
Ты продалъ насъ?

посадникъ.

Жирохъ ужъ вамъ сказалъ:
Чтобъ заплатить долги.

вышата.

Тогда зачѣмъ бы
Ты признавался въ томъ *теперь?*

ПОСАДНИКЪ.

Затѣмъ,
Что съ княземъ торгъ не удался—придется
Мнѣ въ кабалу идти; такъ пусть одинъ
Я пропаду, безвиннаго жъ очищу.

ѲОМА.

Нѣтъ, въ этомъ насъ ты не увѣришь! Нѣтъ,
Бояринъ Глѣбъ! Изъ насъ бы кто охотно
Твоихъ долговъ не заплатилъ? Не нужно
Тебѣ отъ князя было брать. Нѣтъ, нѣтъ!
Я самъ моихъ достатковъ половину
Тебѣ бы съ радостію далъ. Тяжелѣ,
Я чай, врагу продаться, чѣмъ услугу
Отъ своего въ бѣдѣ принять.

ПОСАДНИКЪ.

Отъ чорта
Скорѣе бы услугу принялъ я,
Чѣмъ отъ мерзящей гадины такой,
Отъ гнуснаго такого подлеца,
Продажнаго предателя и вора,
Каковъ есть ты!

ЖИРОХЪ.

Вы слышите его?
Вы слышите? Во истину, къ лицу
Ему еще предателемъ ругаться!

ГОВОРЪ МЕЖДУ БОЯРАМИ.

— Чрезъ мѣру гордъ!—Таковъ онъ былъ всегда!
— А совѣсть въ немъ таки-заговорила!
— Самъ назвался!—Что̀ вы, побойтесь Бога,
Онъ чистъ какъ день! Не онъ, не онъ насъ продалъ!

— Не можетъ быть!—А почему жъ и нѣтъ?
— Долги кого на грѣхъ не наводили?
— Чѣмъ чортъ не шутитъ!

ЧЕРМНЫЙ.

Новгородъ-Великій!
Когда вы мнѣ не вѣрите, когда
Вы вашими не видите глазами,
Что на себя наклёпъ посадникъ держитъ —
Велите крестъ ему поцѣловать
Въ своихъ словахъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Ну, что-жъ, и поцѣлуетъ!
Чтó крестъ ему? Чтобъ выручить тебя,
Побочнаго, что-ль, сына своего,
Не морщася, онъ поцѣлуетъ крестъ.
Извѣстно намъ, не вѣруетъ онъ въ Бога!
Вчера еще боярынѣ Мамелфѣ
Онъ говорилъ...

ОДИНЪ ИЗЪ БОЯРЪ.

Тò правда—отъ нея
Я слышалъ самъ.

ДРУГОЙ.

Я также.

ТРЕТІЙ.

Тожъ и я!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Слышь, братцы? Глѣбъ не вѣритъ въ Бога!

ДРУГОЙ.

Стало,
Измѣнщикъ онъ?

ТРЕТІЙ.

Измѣнщикъ, стало быть!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Такъ, значитъ, намъ не Чермнаго, а Глѣба
Теперь топить?

ПЯТЫЙ.

А то кого жъ еще?
Хватай его—иди!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Ступай ты прежде,
Я за тобой!

ПЯТЫЙ.

Что-жъ ты? Небось, полѣзъ
На Чермнаго?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Тò Чермный былъ, а этотъ,
Вишь, какъ глядитъ.

ПЯТЫЙ.

Такъ кинемся всѣ вмѣстѣ!
Ребята! Глѣбъ не вѣритъ въ Бога! Глѣбъ
У воеводы ключъ стащилъ! Низовымъ
За деньги продалъ Новгородъ! Пойдемъ
Его топить!

КРИКИ.

Да! Въ Волховъ, въ Волховъ Глѣба!

Топить его! А послѣ грабить домъ!
Ну, навались!

Народъ бросается къ лобному мѣсту; бояре его оттѣсняютъ.

КРИКИ ВЪ ГЛУБИНѢ ПЛОЩАДИ.

Свѣтъ, Глѣбъ Миронычъ!
Небось! Тебя въ обиду не дадимъ!
Твои мы уличане! За тебя
Одни на цѣлый Новгородъ полѣземъ
Отецъ ты нашъ!

ЖИРОХЪ.

Гоните этихъ прочь!
То уличане подошли его,
Редятинцы, которыхъ онъ кормилъ;
То улица одна кричитъ, а мы
Всѣ говоримъ: онъ воръ!

Народъ вторично напираетъ.

ВЫШАТА.

Назадъ! не вамъ, а вѣчу
Его судить.

ЖИРОХЪ.

Такъ что-жъ не судитъ вѣче?
Грѣхъ на лицо! Умора, право. Онъ
Самъ говоритъ: я воръ. Они жъ ему:
Не вѣримъ, да не вѣримъ. Еслибъ я
То на себя сказалъ, небось, вѣдь мнѣ бы
Повѣрили.

ОДИНЪ ИЗЪ БОЯРЪ—подходитъ изъ глубины сцены.

Не удержать намъ черныхъ.
Вотъ такъ и прутъ. Хотятъ суда надъ Глѣбомъ.
Сбиваютъ съ ногъ. Пойдемъ на голоса.

ДРУГОЙ.

Начнется судъ, тогда они уймутся.
По улицамъ, бояре, по концамъ!

ТРЕТІЙ.

На голоса!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

На голоса!

Раздѣляются на кучи. Шумъ утихаетъ. Чермный и Василько ходятъ отъ одного стяга къ другому и увѣщаютъ каждый. То же дѣлаетъ и Жирохъ.

ГОВОРЪ ВЪ РАЗНЫХЪ КУЧАХЪ.

За это
Одинъ отвѣтъ.—Когда онъ продалъ насъ,
Такъ смерть ему.—Самъ никого на свѣтѣ
Онъ не жалѣлъ.—Въ падежный годъ меня
Въ пухъ разорилъ! Гурты остановилъ
За Волховомъ; скотъ даромъ передохъ!
— Съ меня три виры взялъ!—Меня два раза
Послалъ въ тюрьму!—А сборы-то какъ правилъ?
— Въ срокъ не отдашь—опишетъ животы!
Нѣтъ, жалости въ немъ не было!

ЧЕРМНЫЙ—въ одномъ концѣ площади.

Бояре!
За волю онъ себя не пожалѣлъ,
Чужой взялъ грѣхъ, чтобъ не достался городъ
Измѣнникамъ!

ВАСИЛЬКО—въ другомъ концѣ.

Коль обѣлить его
Не сможемъ мы—бѣгите поскорѣй
За гридьбою!

ГОВОРЪ.

— Одно изъ двухъ: иль воръ —
Иль Чермнаго онъ ложно очищаетъ!
— Посадникомъ его уже намъ долѣ
Не слѣдъ держать! Напрасно на себя
Показывать никто не станетъ!—Онъ же
Не вѣритъ въ Бога!—Отъ такого ждать
Чего нельзя?—Безбожникъ, такъ и воръ!
— А коль не воръ, то все же намъ досадчикъ!
— Досадчикъ всѣмъ!—Пора его долой!
— Давно пора!—Пусть онъ и чистъ, пожалуй,
Да намъ онъ не угоденъ!—Благо, случай
Самъ подаетъ! Не мы его чернимъ,
Не нашъ и грѣхъ тò будетъ.

ЧЕРМНЫЙ—подходитъ къ посаднику.

Еще пора—мы все поправить можемъ —
Скажи имъ, что не ты.

ПОСАДНИКЪ.

Иди на валъ,
Новогородскій воевода! Приступъ
Въ сей самый мигъ, быть можетъ, не далекъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Послушай насъ...

ПОСАДНИКЪ.

О Новгородѣ думай,
Не обо мнѣ.

ЧЕРМНЫЙ.

Бояринъ Глѣбъ Миронычъ,
Молю тебя!...

ПОСАДНИКЪ.

Ну, что же, государи?
Я все сказалъ — кончайте приговоръ!

Волненіе. Изъ среды бояръ выступаетъ Вышата и подходитъ къ лобному мѣсту.

ВЫШАТА.

Бояринъ Глѣбъ Миронычъ!—тяжело
Мнѣ говорить и больно...

ПОСАДНИКЪ.

Къ дѣлу!
Обиняковъ не нужно! Говори,
Какъ велѣно тебѣ отъ вѣча!

ВЫШАТА.

Бывшій
Посадникъ Глѣбъ! На явную измѣну,
Въ которой ты сейчасъ сознался самъ, —
Кладется смерть. Но Новгородъ-Великій,
Прошедшія твои заслуги помня,
Тебя отъ казни милуетъ, и только
Изъ города и волости своей
По жизнь тебѣ указываетъ путь.
Съ закатомъ солнца Новгородъ оставить
Сегодня жъ долженъ ты.

ЧЕРМНЫЙ.

Не признаю
Такого приговора! Я со гридьбой
Его заставлю отмѣнить!

ПОСАДНИКЪ.

Не смѣй!
Святъ приговоръ! Чти вѣчевое слово,
Какъ Божіе!

ЧЕРМНЫЙ.

Не чту неправды я!
Гей, Василько! Бѣги скорѣй съ своими —
Зовите рать!

ГРИДЕНЬ—вбѣгаетъ.

Гдѣ воевода Чермный?
Враги идутъ на приступъ съ двухъ сторонъ!

ПОСАДНИКЪ.

Ты слышишь? Прочь! Твое въ раскатахъ мѣсто!

ЧЕРМНЫЙ.

Иду—но правду покажу твою —
Иль въ Божью правду вѣрить перестану!
За мной, на валъ!

Уходитъ.

ПОСАДНИКЪ—съ поклономъ.

Я Новгородъ-Великій
Благодарю за милостивый судъ!

Сходитъ съ лобнаго мѣста. Толпа передъ нимъ раздается.—Занавѣсъ опускается.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Портретъ.

ПОВѢСТЬ ВЪ СТИХАХЪ.

1.

Воспоминаній рой, какъ мошекъ туча,
Вокругъ меня снуетъ съ недавнихъ поръ.
Изъ нихъ толпы, цвѣтистой и летучей,
Составить могъ бы цѣлый я обзоръ,
Но приведу пока одинъ лишь случай;
Разсудку онъ имѣлъ наперекоръ
На жизнь мою немалое вліянье —
Такъ пусть другимъ послужитъ въ назиданье...

2.

Извѣстно, нѣтъ событій безъ слѣда:
Прошедшее, прискорбно или мило,
Ни личностямъ доселѣ никогда,
Ни націямъ съ рукъ даромъ не сходило.
Тому теперь,—но вычислять года
Я не гораздъ—я думаю, мнѣ было
Одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ —
Съ тѣхъ поръ успѣлъ перемѣниться свѣтъ.

3.

Подумать можно: протекло лѣтъ со̀-сто,
Такъ повернулось старое вверхъ днемъ;
А въ сущности все совершилось просто,
Такъ просто, что—но дѣло не о томъ!
У самаго Аничковскаго моста
Большой тогда мы занимали домъ:
Онъ былъ—никто не усомнится въ этомъ —
Какъ прочіе, окрашенъ желтымъ цвѣтомъ.

4.

Замѣтилъ я, что желтый этотъ цвѣтъ
Особенно льститъ сердцу патріота;
Обмазать вохрой домъ, иль лазаретъ,
Неодолима русскаго охота;
Начальство также въ этомъ съ давнихъ лѣтъ
Благонамѣренное видитъ что-то,
И вохрятся въ губерніяхъ сплеча
Палаты, храмъ, острогъ и каланча.

5.

Ревенный цвѣтъ и линія прямая —
Вотъ идеалъ изящества для насъ.
Наслѣдники Батыя и Мамая,
Командовать мы пріучили глазъ,
И площади за степи принимая,
Хотимъ глядѣть изъ Тулы въ Арзамасъ.
Прекрасное искать мы любимъ въ пошломъ —
Не такъ о томъ судили въ вѣкѣ прошломъ.

6.

Въ своемъ дому любилъ аристократъ
Капризные изгибы и уступы,
Убранный медальонами фасадъ,
Съ гирляндами колоннъ ненужныхъ купы,

На крышѣ вазъ или амуровъ рядъ,
На воротахъ причудливыя группы.
Перенимать съ недавнихъ стали поръ
У дѣдовъ мы весь этотъ милый вздоръ.

7.

Въ мои жъ года хорошимъ было тономъ
Казарменному вкусу подражать,
И четыремъ или восьми колоннамъ
Вмѣнялось въ долгъ шеренгою торчать
Подъ неизбѣжнымъ греческимъ фронтономъ.
Во Франціи такую благодать
Завелъ, въ свой вѣкъ воинственныхъ плебеевъ.
Наполеонъ,—въ Россіи жъ Аракчеевъ.

8.

Таковъ и нашъ фасадъ былъ; но внутри
Характеръ свой прошедшаго столѣтья
Домъ сохранилъ. Покоя два иль три
Могли бъ восторга вызвать междометье
У знатока. Изъ бронзы фонари
Въ сѣняхъ висѣли, и любилъ смотрѣть я,
Хоть былъ тогда въ искусствѣ не толковъ,
На лѣпку стѣнъ и форму потолковъ.

9.

Родителей своихъ я видѣлъ мало;
Отецъ былъ занятъ; братьевъ и сестёръ
Я не знавалъ; мать много выѣзжала;
Ворчали вѣчно тётки; съ раннихъ поръ
Привыкъ одинъ бродить я въ залъ изъ зала
И населять мечтами ихъ просторъ.
Такъ подвиги, достойные романа,
Воображать себѣ я началъ рано.

10.

Дѣйствительность, напротивъ, мнѣ была
Отъ малыхъ лѣтъ несносна и противна;
Жизнь, какъ она вокругъ меня текла,
Все въ той же прозѣ движась безпрерывно,
Все, что̀ зовутъ серьёзныя дѣла —
Я ненавидѣлъ съ дѣтства инстинктивно.
Не говорю, чтобъ въ этомъ былъ я правъ,
Но, видно, такъ ужъ мой сложился нравъ.

11.

Цвѣты у насъ стояли въ разныхъ залахъ:
Желтофіолей много золотыхъ,
И много гіацинтовъ, синихъ, алыхъ,
И палевыхъ, и блѣдно-голубыхъ;
И я, міровъ искатель небывалыхъ,
Любилъ вникать въ благоуханье ихъ,
И въ каждомъ запахъ индивидуальный
Мнѣ музыкой какъ будто вѣялъ дальной.

12.

Въ иные жъ дни, прервавъ мечтаній сонъ,
Случалось мнѣ очнуться въ удивленьи,
Съ цвѣткомъ въ рукѣ. Какъ мной былъ сорванъ онъ —
Не помнилъ я; но въ чудныя видѣнья
Былъ запахомъ его я погружёнъ,
Такъ превращало мнѣ воображенье
Въ волшебный міръ нашъ скучный старый домъ —
А жизнь межъ тѣмъ шла прежнимъ чередомъ.

13.

Предметы тѣ-жъ, зимою какъ и лѣтомъ,
Реальный міръ являлъ моимъ глазамъ:
Учители ходили по билетамъ
Все тѣ-жъ ко мнѣ; порхалъ по четвергамъ

Танцмейстеръ, весь пропитаный балетомъ,
Со скрипкою пискливой, и мнѣ самъ
Мой гувернёръ, въ назначенные сроки,
Преподавалъ латинскіе уроки.

14.

Онъ нѣмецъ былъ отъ головы до ногъ,
Ученъ, серьёзенъ, очень аккуратенъ,
Всегда къ себѣ неумолимо-строгъ,
И не терпѣлъ на мнѣ чернильныхъ пятенъ.
Но, признаюсь, его глубокій слогъ
Былъ для меня отчасти непонятенъ,
Особенно когда онъ объяснялъ,
Что̀ разумѣть подъ словомъ «идеалъ».

15.

Любезенъ былъ ему Страбонъ и Плиній,
Горація онъ зналъ до тошноты,
И, что̀ у насъ такъ рѣдко видишь нынѣ,
Высоко чтилъ художества цвѣты,
Причемъ законъ волнообразныхъ линій
Мнѣ поставлялъ условьемъ красоты;
А чтобъ система не пропала праздно,
Онъ самъ и ѣлъ, и пилъ волнообразно.

16.

Достоинствомъ проникнутый всегда,
Онъ формою былъ много озабоченъ.
«Das Formlose»—о, это есть бѣда!»
Онъ повторялъ, и обижался очень,
Когда себѣ кто не давалъ труда
Иль не умѣлъ въ формальностяхъ быть точенъ;
А красоты классической печать
Наглядно мнѣ давалъ онъ изучать.

17.

Онъ говорилъ:—Смотрите, для примѣра,
Я нѣсколько приму античныхъ позъ:
Вотъ такъ стоитъ Милосская Венера;
Такъ очертанье Вакха создалось;
Вотъ этакъ Зевсъ описанъ у Гомера;
Вотъ понятъ какъ Праксителемъ Эросъ.
А вотъ теперь я Аполлономъ стану!—
И походилъ тогда на обезьяну.

18.

Я думаю, поймешь, читатель, ты,
Что врядъ ли могъ я этимъ быть доволенъ,
Тѣмъ болѣе, что чувствомъ красоты
Я отъ природы нѐ былъ обездоленъ;
Но у кого всѣ средства отняты,
Тотъ слышитъ звонъ, не видя колоколенъ;
А слòва я хотя не понималъ,
Но чуялся иной мнѣ «идеалъ».

19.

И я душой искалъ его пытливо —
Но чтò найти вокругъ себя я могъ?
Старухи-тётки нѐ были красивы,
Величественъ мой нѐ былъ педагогъ —
И потому, мнѣ кажется, не диво,
Что типами ихъ лицъ я пренебрёгъ,
И на одной изъ стѣнъ большого зала
Типъ красоты мечта моя сыскала:

20.

То молодой былъ женщины портретъ,
Въ грацьозной позѣ. Нѣсколько поблёкъ онъ,
Иль, можетъ быть, показывалъ такъ свѣтъ
Сквозь кружевныя занавѣсы оконъ.

Грудь украшалъ ей розовый букетъ,
Напудренный на плечи падалъ локонъ,
И, полный розъ, передникъ изъ тафты
За кончики несли ея персты.

21.

Иные скажутъ: живопись упадка!
Условная, пустая красота!
Быть можетъ, такъ; но каждая въ ней складка
Мнѣ нравилась, а тонкая черта
Мой юный умъ дразнила какъ загадка.
Казалось мнѣ: лукавыя уста,
На зло глазамъ, исполненнымъ печали,
Свои края чуть-чуть приподымали.

22.

И странно то, что было въ каждый часъ
Въ ея лицѣ иное выраженье;
Такихъ оттѣнковъ множество не разъ
Подсматривалъ въ одинъ и тотъ же день я.
Мѣнялся цвѣтъ неуловимый глазъ,
Мѣнялось устъ неясное значенье,
И выражалъ поочередно взоръ:
Кокетство, ласку, просьбу иль укоръ.

23.

Ея судьбы не знаю я понынѣ:
Была ль маркиза юная она,
Погибшая, увы, на гильотинѣ?
Иль въ Питерѣ блестящемъ рождена,
При матушкѣ цвѣла Екатеринѣ,
Играла въ ломбръ, привѣтна и умна,
И средь огней Потемкинскаго бала
Какъ солнце всѣхъ красою побѣждала?

24.

Объ этомъ я не спрашивалъ тогда,
И важную на то̀ имѣлъ причину:
Преодолѣть я тайнаго стыда
Никакъ не могъ—теперь его откину;
Могу, увы, признаться безъ труда,
Что по̀-уши влюбился я въ картину,
Такъ, что страдала нѣсколько латынь;
Ужъ кто влюбленъ, тотъ мудрость лучше кинь!

25.

Наставникъ мой былъ мною недоволенъ,
Его чело сталъ омрачать туманъ;
Онъ говорилъ, что я ничѣмъ не боленъ.
Что это лѣнь, и что—«wer will, der kann!»
На этотъ счетъ онъ былъ многоглаголенъ
И повторялъ, что намъ разсудокъ данъ,
Дабы собой мы все владѣли болѣ
И управлять учились нашей волей.

26.

Былъ, кажется, поклонникъ Канта онъ.
Но этотъ разъ забылъ его ученье,
Что «Ding an sich», лишь только воплощёнъ,
Лишается свободнаго хотѣнья;
Я жъ скоро былъ къ той вѣрѣ приведёнъ,
Что наша воля—плодъ предназначенья,
Занѐ я тщетно, сколько ни потѣлъ,
Хотѣлъ хотѣть иное, чѣмъ хотѣлъ.

27.

Въ грамматикѣ, на мѣсто скучныхъ правилъ,
Мнѣ видѣлся все тотъ же милый ликъ;
Безъ счету мнѣ нули наставникъ ставилъ,—
Ихъ получать я наконецъ привыкъ,

Прилежностью себя я не прославилъ,
И лишь позднѣй добился и постигъ,
Въ чемъ состоятъ спряженія красоты.
О, классицизмъ, даешься не легко ты!

28.

Все-жъ изъ меня не вышелъ реалистъ —
Да извинитъ мнѣ Стасюлевичъ это!
Не даромъ свой мнѣ посвящала свистъ
Ужъ не одна реальная газета.
Я жъ не злобивъ: пусть виноградный листъ
Прикроетъ имъ небрежность туалета,
И пусть Зевесъ, чья сила велика,
Ихъ русскаго сподобитъ языка!

29.

Да, классикъ я—но до извѣстной мѣры:
Я бъ не хотѣлъ, чтобъ почеркомъ пера
Присуждены всѣ были землемѣры,
Механики, купцы, кондуктора
Виргилія долбить или Гомера —
Избави Богъ! Не та теперь пора!
Для разныхъ нуждъ и выгодъ матерьяльныхъ,
Желаю намъ поболѣ школъ реальныхъ.

30.

Но я скажу: не паровозовъ дымъ
И не реторты движутъ просвѣщенье:
Свою къ нему способность изощримъ
Лишь строгой мы гимнастикой мышленья;
И мнѣ сдается: правъ мой омонимъ,
Что классицизму далъ онъ предпочтенье,
Котораго такъ прочно тяжкій плугъ
Взрываетъ новь подъ сѣмена наукъ.

31.

Все дѣло въ мѣрѣ... Впрочемъ, отъ предмета
Отвлёкся я—вернусь къ нему опять:
Тѣ колебанья въ линіяхъ портрета
Потребностью мнѣ стало изучать.
Ребячество, конечно, было это,
Но всякій вечеръ я, ложася спать,
Все думалъ: какъ, по минованьи ночи,
Мой встрѣтятъ взоръ измѣнчивыя очи!

32.

Меня влекла ихъ странная краса,
Какъ путника студёный ключъ въ пустынѣ.
Вставалъ я въ семь, а ровно въ два часа,
Отдавъ сполна дань скукѣ и латынѣ,
Благословлялъ усердно небеса.
Обѣдали въ то время въ половинѣ
Четвертаго. Въ часъ этотъ, въ январѣ,
Ужъ сумерки бываютъ на дворѣ.

33.

И всякій день, собравъ мои тетради,
Умывши руки, пыль съ воротничка
Смахнувъ платкомъ, вихры свои пригладя
И совершивъ два или три прыжка,
Я шелъ къ портрету наблюденій ради;
Само собой, я шелъ исподтишка,
Какъ будто вовсе не было мнѣ дѣла,
Какъ на меня красавица глядѣла.

34.

Тогда пустой, почти былъ тёменъ залъ
Но бѣглый свѣтъ горящаго камина
На потолкѣ расписанномъ дрожалъ
И на стѣнѣ, гдѣ видѣлась картина;

Ручной органъ на улицѣ игралъ;
Тò, кажется, Моцарта каватина
Всегда въ ту пору пѣла свой мотивъ,
И слушалъ я, взоръ въ живопись вперивъ.

35.

Мнѣ чудилось въ тѣхъ звукахъ толкованье
И тайный ключъ къ загадочнымъ чертамъ;
Росло души неясное желанье,
Со счастьемъ грусть мѣшалась пополамъ;
То юности платилъ, должно быть, дань я;
Чего хотѣлъ, не понималъ я самъ,
Но что-то вслухъ уста мои шептáли,
Пока меня къ столу не призывали.

36.

И впечатлѣнья думъ моихъ храня,
Я нé-хотя глоталъ тарелку супа;
Съ усмѣшкой всѣ глядѣли на меня,
Мое лицо, должно быть, было глупо.
Застѣнчивѣй сталъ день я ото-дня,
Смотрѣлъ на всѣхъ разсѣянно и тупо,
И на себя родителей упрёкъ
Не разъ своей неловкостью навлёкъ.

37.

Но было мнѣ страшнѣй всего на свѣтѣ,
Чтобъ изъ большихъ случайно кто-нибудь
Заговорить не вздумалъ о портретѣ,
Иль, хоть слегка, при мнѣ упомянуть.
Отъ мысли той (смѣшны бываютъ дѣти!)
Ужъ я краснѣлъ, моя сжималась грудь,
И казни бъ я подвергся уголовной,
Чтобъ не открыть любви моей грѣховной.

38.

Мнѣ памятно еще до этихъ поръ,
Какія я выдумывалъ уловки,
Чтобъ измѣнить искусно разговоръ,
Когда предметы дѣлались неловки;
А прошлый вѣкъ, Екатерининъ дворъ,
Роброны, пудра, фижмы иль шнуровки,
И даже самъ Державинъ, авторъ одъ,
Ужъ издали меня бросали въ потъ.

39.

Читатель мой, скажи, ты былъ ли молодъ?
Не всякому извѣстенъ сей недугъ.
Пора, когда любви насъ мучитъ голодъ,
Для многихъ есть не болѣе какъ звукъ!
Намъ на Руси любить мѣшаетъ холодъ,
И, сверхъ того, за службой недосугъ:
Не многіе у насъ родятся наги —
Большая часть въ мундирѣ и при шпагѣ.

40.

Но если, свѣтъ увидя между насъ,
Ты рѣдкое являешь исключенье,
И не совсѣмъ огонь въ тебѣ погасъ
Тѣхъ дней, когда намъ новы впечатлѣнья,
Быть можетъ, ты поймешь, какъ въ первый разъ
Онъ озарилъ мое уединенье,
Какъ съ каждымъ днёмъ онъ разгорался вновь,
И какъ свою лелѣялъ я любовь.

41.

Была пора то дерзостныхъ догадокъ,
Когда кипитъ вопросами нашъ умъ;
Когда для насъ мучителенъ и сладокъ
Бываетъ платья шолковаго шумъ;

Когда души смущенной безпорядокъ
Намъ не даетъ смирить прибоя думъ,
И безъ руля волнами ихъ несомы,
Мы взоромъ ищемъ берегъ незнакомый.

42.

О, чудное мерцанье тѣхъ времёнъ,
Гдѣ мы себя еще не понимаемъ!
О, дни, когда, раскрывши лексиконъ,
Мы отъ иного слова замираемъ!
О, трепетъ чувствъ, случайностью рождёнъ,
Душистый цвѣтъ, плодомъ незамѣняемъ,
Тревожной жизни первая вѣха:
Бредъ чистоты съ предвкусіемъ грѣха!

43.

Внималъ его я голосу послушно,
Какъ лепетанью вѣющаго сна...
Въ средѣ сухой, придирчивой и душной,
Мнѣ стало вдругъ казаться, что *она*
Къ моей любви не вовсе равнодушна
И безъ насмѣшки смотритъ съ полотна;
И вскорѣ я въ томъ новомъ выраженьи
Участіе прочелъ и ободренье.

44.

Мнѣ взоръ ея, казалось, говорилъ:
— Не унывай, крѣпись, настало время —
У насъ съ тобой теперь довольно силъ,
Чтобъ нашихъ путъ обоимъ скинуть бремя;
Меня къ холсту художникъ пригвоздилъ.
Ты жъ за ребенка почитаемъ всѣми,
Тебя гнетутъ—но ты уже большой,
Давно тебя постигла я душой;

45.

Тебѣ дано мнѣ оказать услугу,
Пойми меня—на помощь я зову!
Хочу тебѣ довѣриться какъ другу:
Я не портретъ, я мыслю и живу!
Въ своихъ ты снахъ искалъ во мнѣ подругу -
Ее найти ты можешь на-яву!
Меня добыть тебѣ не трудно съ бою —
Лишь доверши начатое тобою!

46.

Два цѣлыхъ дня ходилъ я какъ въ чаду
И спрашивалъ себя въ недоумѣньи:
— Какъ средство я спасти ее найду?
Откуда взять возможность и умѣнье?
Такъ иногда лежащаго въ бреду
Задачи тёмной мучитъ разрѣшенье.
Я повторялъ:—спасу ее—но какъ?
О, если бъ дать она могла мнѣ знакъ!

47.

И въ сумерки, въ тотъ самый часъ завѣтный,
Когда шарманка пѣла подъ окномъ,
Я въ залъ пустой прокрался непримѣтно,
Чтобы мечтать о подвигѣ моёмъ.
Но голову ломалъ себѣ я тщетно,
И былъ готовъ ударить въ стѣну лбомъ,
Какъ юнаго воображенья сила
Нежданно мнѣ задачу разрѣшила:

48.

При отблескѣ каминнаго огня,
Картина какъ-то задрожала въ рамѣ,
Сперва взглянула словно на меня
Молящими и влажными глазами,

Потомъ, рѣсницы медленно склоня,
Свой взоръ на шкафъ съ узорными часами
Направила. Взоръ говорилъ: смотри!
Часы тогда показывали: три.

49.

Я понялъ все. Средь шума дня не смѣла
Одѣться въ плоть и кровь ея краса,
Но ночью—о, тогда другое дѣло!
Въ ночной тѣни возможны чудеса!
И на часы затѣмъ она глядѣла,
Чтобъ этой ночью, ровно въ три часа,
Когда весь домъ покоится въ молчаньи,
Я къ ней пришелъ на тайное свиданье.

50.

— Да, это такъ, сомнѣній болѣ нѣтъ!
Моей любви могущество безъ грани!
Коль захочу, я вызову на свѣтъ,
Чтó такъ давно мнѣ видится въ туманѣ!
Но только ночью оживетъ портретъ —
Какъ я о томъ не догадался ранѣ!?
И сладостно, и жутко стало мнѣ,
И бѣгали мурашки по спинѣ.

51.

Остатокъ дня провелъ я благонравно,
Приготовлялъ глаголы, не тужа,
Долбилъ предлоги и зубрилъ исправно,
Какого каждый проситъ падежа;
Когда ходилъ, ступалъ легко и плавно,
Расположеньемъ старшихъ дорожа,
И вообще старался въ этотъ день я
Не возбудить чѣмъ-либо подозрѣнья.

52.

Сидѣли гости вечеромъ у насъ;
Я долженъ былъ, по принятой системѣ,
Быть на-лицо. Прескучная велась
Межъ нихъ бесѣда, и меня какъ бремя
Она гнела. Насталъ насилу часъ
Идти мнѣ спать. Простившися со всѣми,
Я радостно отправился домой —
Мой педагогъ послѣдовалъ за мной.

53.

Я тотчасъ легъ и, будто утомлённый,
Закрылъ глаза, но долго онъ ходилъ
Предъ зеркаломъ, наморща лобъ учёный,
И свой вакштафъ торжественно курилъ;
Но наконецъ снялъ фракъ и панталоны,
Въ постелю влѣзъ и свѣчку погасилъ.
Должно быть, онъ заснулъ довольно сладко,
Меня жъ трясла и била лихорадка.

54.

Но время шло, и вотъ гостямъ пора
Настала разъѣзжаться. Понялъ это
Я изъ того, что стали кучера
Возиться у подъѣзда; струйки свѣта
На потолкѣ забѣгали; съ двора
Послѣдняя отъѣхала карета,
И въ домѣ стихло все. Свиданья жъ срокъ
Читатель помнитъ—былъ еще далёкъ.

55.

Теперь я долженъ—но не знаю, право,
Какъ оправдать себя во мнѣньи дамъ?
На ихъ участье потерялъ я право,
На милость ихъ судьбу свою отдамъ!

Да, добрая моя страдаетъ слава:
Какъ вышло тò—не понимаю самъ —
Но, въ ожиданьи сладостнаго срока,
Я вдругъ заснулъ постыдно и глубоко...

56.

Чтò видѣлъ я въ томъ недостойномъ снѣ,
Моя лишь смутно память сохранила,
Но чтò жъ могло иное сниться мнѣ,
Какъ не она, кѣмъ сердце полно было?
Уставшая скучать на полотнѣ,
Она меня забвеніемъ корила,
И стала совѣсть такъ моя тяжка,
Что я проснулся, словно отъ толчка.

57.

Въ раскаяньи, въ испугѣ и въ смятеньи,
Рукой невѣрной спичку я зажёгъ:
Предметовъ вдругъ зашевелились тѣни,
Но, къ счастью, спалъ мой крѣпко педагогъ;
Я въ радостномъ увидѣлъ удивленьи,
Что не прошелъ назначенный мнѣ срокъ:
До трехъ часовъ—оно, конечно, мало —
Пяти минутъ еще недоставало.

58.

И поспѣшилъ скорѣй одѣться я,
Чтобъ искупить поступокъ непохвальный;
Держа свѣчу, дыханье притая,
Тихонько вышелъ я изъ нашей спальной,
Но голова кружилася моя,
И сердца стукъ мнѣ слышался буквально,
Пока я шелъ чрезъ длинный комнатъ рядъ,
На зеркала боясь бросить взглядъ.

59.

Зналъ хорошо я всѣ покои дома,
Но въ непривычной тишинѣ ночной
Мнѣ все теперь казалось незнакомо;
Мой шагъ звучалъ какъ будто бы чужой
И странно такъ отъ тѣни переломы,
По сторонамъ и прямо надо мной,
То стлалися, то на̀-стѣну вползали —
Стараясь ихъ не видѣть, шелъ я далѣ.

60.

И вотъ уже та роковая дверь —
Единый шагъ—судьба моя рѣшится —
Но что-то вдругъ нежданное теперь
Заставило меня остановиться.
Читатель—другъ!—ты вѣрь или не вѣрь —
Мнѣ слышалось: не лучше ль воротиться?
Ты не такимъ изъ двери выйдешь той,
Какимъ войдешь съ невинной простотой!

61.

Тó ангела ль хранителя былъ голосъ?
Иль тайный страхъ мнѣ на̀-ухо шепталъ?
Но съ опасеньемъ страсть моя боролась,
А ложный стыдъ желанье подстрекалъ.
— Нѣтъ! я рѣшилъ—и на затылкѣ волосъ
Мой поднялся—придти я обѣщалъ.
Какое тамъ ни встрѣчу испытанье,
Мнѣ честь велитъ исполнить обѣщанье!

62.

И повернулъ невѣрною рукою
Замковую я ручку. Отворилась
Безъ шума дверь: былъ сумраченъ покой,
Но блѣдное сіянье въ немъ струилось;

Хрустальной люстры отблескъ голубой
Мерцалъ въ тѣни, и тихо шевелилась
Подвѣсокъ цѣпь, напоминая мнѣ
Игру росы на листьяхъ при лунѣ.

63.

И былъ ли тò обманъ воображенья,
Иль истина—по залу пронеслось
Какъ свѣжести какой-то дуновенье,
И запахъ мнѣ почувствовался розъ.
Чудеснаго я понялъ приближенье,
По тѣлу легкій пробѣжалъ морозъ,
Но превозмогъ я скоро слабость эту,
И подошелъ съ рѣшимостью къ портрету.

64.

Онъ весь сіялъ, какъ будто отъ луны,
Малѣйшія подробности одежды,
Черты лица всѣ были мнѣ видны,
И томно такъ приподымались вѣжды,
И такъ глаза казалися полны
Любви и слёзъ, и грусти, и надежды,
Такимъ горѣли сдержаннымъ огнёмъ,
Какъ я еще не видывалъ ихъ днёмъ.

65.

Мой страхъ исчезъ. Мучительно пріятно
Съ томящей нѣгой жгучая тоска
Во мнѣ въ одинъ оттѣнокъ непонятный
Смѣшалися. Нѣтъ въ мірѣ языка
То ощущенье передать; невнятно
Мнѣ слышался какъ зовъ издалека,
Мнѣ словно міръ провидѣлся надзвѣздный —
И чуялась какъ будто близость бездны.

66.

И думалъ я: нѣтъ, то была не ложь,
Когда любить меня ты обѣщала!
Ты для меня сегодня оживёшь —
Я здѣсь—я жду—зачѣмъ же дѣло стало?
Я взоръ ея ловилъ—и снова дрожь,
Но дрожъ любви по жиламъ пробѣгала,
И ревности огонь, Богъ вѣсть къ кому,
Понятенъ сталъ безумью моему.

67.

Возможно ль? какъ? Недвижна ты доселѣ?
Иль взоровъ я твоихъ не понималъ?
Иль, чтобы мнѣ довѣриться на дѣлѣ,
Тебѣ кажусь ничтоженъ я и малъ?
Иль я ребенокъ? Боже! Иль ужели
Твою любовь другой себѣ стяжалъ?
Кто онъ? когда? и по какому праву?
Пускай придетъ со мною на расправу!

68.

Такъ проходилъ, средь явственнаго сна,
Всѣ муки я сердечнаго пожара...
О, богъ любви! Ты молодъ, какъ весна,
Твои жъ пути какъ мірозданье стары!
Но вотъ какъ будто дрогнула стѣна,
Раздался шипъ—и мѣрныхъ три удара,
Въ ночной тиши отчетисто звеня,
Взглянуть назадъ заставили меня.

69.

И ихъ еще не замерло дрожанье,
Какъ измѣнился вдругъ покоя видъ:
Исчезли ночь и лунное сіянье,
Зажглися люстры; блескомъ весь облитъ

Казалось, вновь, для бала иль собранья,
Старинный залъ сверкаетъ и горитъ,
И было въ немъ—я видѣть могъ свободно —
Все такъ свѣжо и вмѣстѣ старомодно.

70.

Воскресшія убранство и красу
Минувшихъ дней узналъ я предъ собою;
Мой пульсъ стучалъ, какъ будто бы несу
Я кузницу въ груди; въ ушахъ, съ прибою,
Шумѣла кровь; такъ въ молодомъ лѣсу
Пернатыхъ гамъ намъ слышится весною;
Такъ пчелъ рои, шмелямъ гудящимъ въ ладъ,
Въ іюльскій зной надъ гречкою жужжатъ.

71.

Что-жъ это? Сонъ? и я лежу въ постели?
Но нѣтъ, вотъ раму щупаетъ рука —
Я точно здѣсь—вотъ ясно проскрипѣли
На улицѣ полозья... Съ потолка
Посыпалася известь; вотъ въ панели
Какъ будто что-то треснуло слегка...
Вотъ словно шолкомъ вдругъ зашелестило...
Я поднялъ взоръ—и духъ мнѣ захватило.

72.

Все въ томъ же положеніи, она
Теперь почти отъ грунта отдѣлялась;
Ужъ грудь ея, свѣчьми озарена,
По временамъ замѣтно подымалась;
Но отрѣшить себя отъ полотна
Она вотще какъ будто бы старалась,
И ясно мнѣ все говорило въ ней:
О, захоти, о, захоти сильнѣй!

73.

Все, что̀ я могъ сосредоточить воли,
Все на нее теперь я устремилъ,
Мой странный взоръ живилъ ее все болѣ,
И видимо ей прибавлялось силъ;
Уже одежда зыблилась, какъ въ полѣ
Подъ легкимъ вѣтромъ зыблется ковыль,
И все слышнѣй ея шуршали волны,
И вздрагивалъ цвѣтовъ передникъ полный.

74.

— Еще, еще! хоти еще сильнѣй!
Такъ влажные глаза мнѣ говорили;
И я хотѣлъ всей страстію моей —
И отъ моихъ, казалося, усилій
Свободнѣе все дѣлалося ей —
И вдругъ персты передникъ упустили —
И ворохъ розъ, покоившійся въ нёмъ,
Къ моимъ ногамъ посыпался дождёмъ.

75.

Движеньемъ плавнымъ платье расправляя,
Она сошла изъ рамы на паркетъ;
Съ террасы въ садъ, дышать цвѣтами мая —
Такъ дѣвушка въ шестнадцать сходитъ лѣтъ;
Но я стоялъ, еще не понимая,
Она ли то̀ передо мной, иль нѣтъ,
Стоялъ, нѣмой отъ счастья и испуга, —
И, молча, мы смотрѣли другъ на друга.

76.

Когда бы я гвардейскій былъ гусаръ,
Или хотя полковникъ инженерный,
Искусно бъ мой я выразилъ ей жаръ,
И комплиментъ сказалъ бы ей примѣрный;

Но нѐ данъ былъ развязности мнѣ даръ,
И стало такъ неловко мнѣ и скверно,
Что я не зналъ, стоять или шагнуть,
А долгъ велѣлъ мнѣ сдѣлать что-нибудь.

77.

И мой урокъ припомня танцовальный,
Я для поклона сдѣлалъ два шага,
Потомъ взялъ въ бокъ; легко и натурально
Примкнулась къ лѣвой правая нога,
Отвисли обѣ руки вертикально,
И я предъ ней согнулся какъ дуга.
Она жъ, какъ скоро выпрямилъ я тѣло,
Насмѣшливо мнѣ дò-полу присѣла.

78.

Но между насъ, теперь я убѣждёнъ,
Происходило недоразумѣнье,
И мой она классическій поклонъ,
Какъ видно, приняла за приглашенье
Съ ней танцовать. Я былъ тѣмъ удивлёнъ,
Но вывести ее изъ заблужденья
Мѣшала мнѣ застѣнчивость моя —
И руку ей, конфузясь, подалъ я.

79.

Тутъ тихо, тихо, словно изъ далёка,
Послышался старинный менуэтъ:
Подъ говоръ струй такъ шелеститъ осока,
Или, когда вечерній меркнетъ свѣтъ,
Хрущи, кружась надъ липами высоко,
Поютъ веснѣ немолчный свой привѣтъ,
И чудятся намъ въ шумѣ ихъ полета
И вьолончеля звуки, и фагота.

80.

И вотъ, держася за̀-руки едва,
Въ приличномъ другъ отъ друга разстояньи,
Подъ музыку мы двинулись сперва,
На цыпочкахъ, въ торжественномъ молчаньи.
Но, сдѣлавши со мною тура два,
Она вдругъ стала, словно въ ожиданьи,
И вырвался изъ свѣжихъ устъ ея
Веселый смѣхъ, какъ рокотъ соловья.

81.

Поступкомъ симъ обиженный не мало,
Я взоръ склонилъ, достоинство храня.
— О, не сердись, мой другъ, она сказала,
И не кори за вѣтренность меня:
Мнѣ такъ смѣшно! Повѣрь, я не встрѣчала
Такихъ, какъ ты, до нынѣшняго дня!
Уже ль пылалъ ты страстью неземною
Лишь для того, чтобъ танцовать со мною?

82.

Что̀ отвѣчать на это—я не зналъ,
Но стало мнѣ невыразимо больно:
Чего жъ ей надо? Въ чёмъ я оплошалъ?
И отчего она мной недовольна?
Не по ея ль я волѣ танцовалъ?
Такъ что̀ же тутъ смѣшного? И невольно
Заплакалъ я, ища напрасно словъ,
И ненавидѣть былъ ее готовъ.

83.

Вся кровь во мнѣ кипѣла, негодуя,
Но вотъ, нежданно, въ этотъ самый мигъ,
Меня коснулось пламя поцѣлуя,
Къ моей щекѣ ея примкнулся ликъ;

Мнѣ слышалось:—Не плачь, тебя люблю я!
Невѣдомый восторгъ меня проникъ,
Я обмеръ весь—она же, съ лаской нѣжной,
Меня къ груди прижала бѣлоснѣжной.

84.

Мои смѣшались мысли. Но не вдругъ
Лишился я разсудка и сознанья:
Я ощущалъ объятья нѣжныхъ рукъ
И юныхъ плечъ живое прикасанье;
Мнѣ сладостенъ казался мой недугъ,
Пріятно было жизни замиранье,
И медленно, блаженствомъ опьяненъ,
Я погрузился въ обморокъ иль сонъ...

85.

Не помню какъ я, въ этомъ самомъ залѣ,
Пришелъ въ себя—но было ужъ свѣтло;
Лежалъ я на диванѣ; хлопотали
Вокругъ меня родные; тяжело
Дышалось мнѣ; безсвязныя блуждали
Понятья врозь; меня то жаромъ жгло,
То вздрагивалъ я, словно отъ морозу —
Поблёкшую рука сжимала розу...

86.

Свиданья былъ то несомнѣнный слѣдъ —
Я вспомнилъ ночь—забилось сердце шибко,
Украдкою взглянулъ я на портретъ:
Вкругъ устъ какъ будто зыблилась улыбка,
Казался смятъ слегка ея букетъ,
Но станъ уже не шевелился гибкой,
И, полный розъ, передникъ изъ тафты
Держали вновь недвижные персты.

87.

Межъ тѣмъ родные—слышу ихъ какъ нынѣ—
Вопросъ рѣшали: чѣмъ я занемогъ?
Мать думала—тò корь. На скарлатинѣ
Настаивали тётки. Педагогъ
Съ врачомъ упорно спорилъ по-латынѣ,
И въ толкахъ ихъ, какъ я разслышать могъ,
Два выраженья часто повторялись:
Somnambulus и febris cerebralis.

Драконъ.

Итальянскій разсказъ XII-го вѣка.

Посвящается Я. П. Полонскому.

[1875 г.]

1.

Въ тѣ дни, когда на насъ созвѣздье Пса
Глядитъ враждебно съ высоты зенита,
И сводъ небесъ какъ тяжесть оперся

2.

На грудь земли, и солнце, мглой обвито,
Жжетъ безъ лучей, и бѣгаютъ стада
Съ мычаніемъ, ища отъ мухъ защиты,

3.

Въ тѣ дни любилъ съ друзьями я всегда
Собора тѣнь и вѣчную прохладу,
Гдѣ въ самый зной дышалось безъ труда,

4.

И гдѣ намъ былъ, средь отдыха, отрадой
Разнообразной живописи видъ
И полусвѣтъ, не утомлявшій взгляда.

5.

Одна купель близъ входа тамъ стоитъ,
Старинная, изъ камня изсѣчёна:
Крылатымъ столбъ чудовищемъ обвитъ.

6.

Разъ, отдыхомъ и тѣнью освѣжёны,
Друзья купель разсматривали ту
И чудный столбъ съ изгибами дракона.

7.

Хвалили всѣ размѣровъ красоту
И мастера затѣйную работу;
Но я сказалъ:—Я вымысловъ не чту;

8.

Меня смѣшитъ ваятеля забота
Такую ложь передавать рѣзцомъ,—
И потрунить взяла меня охота.

9.

Тутъ нѣкій мужъ, отмѣченный рубцомъ,
Дотоль стоявшій, молча, возлѣ двери,
Ко мнѣ со строгимъ подошелъ лицомъ:

10.

— Смѣешься ты, художнику не вѣря, —
Такъ онъ сказалъ;—но еслибы, какъ я,
Подобнаго ты въ жизни встрѣтилъ звѣря,

11.

Клянусь, прошла веселость бы твоя!
Я жъ отвѣчалъ:—Тебѣ я не въ досаду
Сказалъ, что́ думалъ, мысли не тая;

12.

Но если впрямь такого въ жизни гада
Ты повстрѣчалъ, то (коль тебѣ не въ трудъ),
Пожалуй, намъ все разскажи по ряду!

13.

И началъ онъ:—Въ Ломбардіи зовутъ
Меня Арнольфо. Я изъ Монцы родомъ,
И оружейникъ былъ до нашихъ смутъ;

14.

Когда жъ совѣтъ въ союзъ вошелъ съ народомъ,
Изъ первыхъ я на Гибеллиновъ всталъ,
И не однимъ горжусь на нихъ походомъ.

15.

Гиберто Канъ стягъ вольности держалъ;
То кондотьеръ былъ въ битвахъ знаменитый,
Но близъ Лугано, раненый, онъ палъ.

16.

Враги, нашъ полкъ преслѣдуя разбитый,
Промчались мимо; и съ вождемъ лишь я
Для помощи остался и защиты.

17.

— Арнольфо,—мнѣ сказалъ онъ,—смерть моя
Сейчасъ придетъ,—тебя жъ надеждой рая
Молю: спѣши въ Кьявенну; пусть друзья

18.

Ведутъ войска, минуты не теряя;
Они врасплохъ застанутъ вражью рать,—
И перстень свой въ залогъ онъ, умирая,

19.

Мнѣ передалъ. Я времени терять
Не много могъ, чтобы исполнить дѣло.
И въ помощь взять Господню благодать,

20.

А мертвое плащемъ покрывши тѣло,
Провѣдать шелъ, гдѣ отдохнутъ враги
И много ли изъ нашихъ уцѣлѣло.

21.

Шумъ сѣчи смолкъ, и вороны круги
Надъ трупами уже чертили съ крикомъ —
Какъ за собой услышалъ я шаги.

22.

То Гвидо былъ. Ко мнѣ, съ безпечнымъ ликомъ
За поводъ велъ онъ сильнаго коня,
Имъ взятаго въ смятеньи томъ великомъ.

23.

Ученикомъ жилъ прежде у меня
Онъ въ мастерской, и нынѣ, послѣ боя,
Меня нашелъ, любовь ко мнѣ храня.

24.

Когда жъ узналъ, посланіе какое
Вождемъ убитымъ мнѣ поручено,
Идти къ друзьямъ онъ вызвался со мною.

25.

Я, преданность цѣня его давно,
Тому былъ радъ, и думалъ: вмѣстѣ оба
Вѣрнѣе мы достигнемъ цѣли,—но,

26.

Когда бы зналъ, какъ близко насъ ко гробу
Онъ подведетъ отвагой молодой,
Его любви я предпочелъ бы злобу.

27.

Я былъ верхомъ; онъ слѣдовалъ пѣшой,
Не радостенъ былъ путь, и не веселье
Моей владѣло сумрачной душой.

28.

Въ странѣ кьявеннской не бывалъ досель я.
Но Гвидо былъ. И вѣдомыхъ путей
Съ нимъ избѣгая, въ тѣсное ущелье

29.

Свернули мы, гдѣ солнечныхъ лучей
Не пропускали тѣни вѣковыя,
На встрѣчу жъ намъ, шумя, бѣжалъ ручей.

30.

Лишь тутъ снялъ шлемъ съ усталой головы я,
И въ отдаленьи ясно услыхалъ,
Какъ колоколъ звонилъ къ Ave Maria.

31.

И тяжело средь этихъ мрачныхъ скалъ,
И душно такъ, какъ бы въ свинцовомъ скринѣ,
Мнѣ сдѣлалось.—О, Гвидо,—я сказалъ, —

32.

Недоброе предчувствіе мнѣ нынѣ
Сжимаетъ грудь: боюся, что съ пути
Собьемся мы тутъ, въ каменной пустынѣ!

33.

— Маэстро,—мнѣ отвѣтилъ онъ,—прости:
Сюда свернувъ, ошибся я немного,
Инымъ ущельемъ было намъ идти!

34.

И прежнюю отыскивать дорогу
Пустились мы; но, видно, взять у насъ
Разсудокъ нашъ угодно было Богу:

35.

Куда ни направлялись, каждый разъ
Ущелье мы, казалось, видимъ то же,
Ихъ различать отказывался глазъ,

36.

Такъ межъ собой они всѣ были схожи:
Такая жъ темь; такой же въ ней ручей
На встрѣчу намъ шумѣлъ въ гранитномъ ложѣ;

37.

И чѣмъ мы путь искали горячѣй,
Тѣмъ болѣ мы теряли направленье:
Безъ отдыха, и не сомкнувъ очей,

38.

Бродили мы всю ночь въ недоумѣньи;
Когда жъ для насъ незримая заря
На высотахъ явила отраженье,

39.

— Довольно намъ,—сказалъ я,—рыскать зря!
Взойдемъ сперва на ближнюю вершину,
Чтобъ мѣстность обозрѣть. Такъ говоря,

40.

Сошелъ съ коня я. Къ дикому ясмину
Его за поводъ Гвидо привязалъ,
И брони снявъ, мы темную долину

41.

Покинули. Держась за ребра скалъ,
Мы лѣзли вверхъ, и лишь на полъ-дорогѣ,
Среди уступа, сдѣлали привалъ.

42.

Отъ у́стали мои дрожали ноги;
Межъ тѣмъ густой, поднявшися, туманъ
Долину скрылъ и горные отроги.

43.

И́ сталъ я думать, грустью обуянъ:
— Нѣтъ, не поспѣть мнѣ во̀-время въ Кьявенну
И не повесть друзей на вражій станъ;

44.

Въ туманѣ тутъ, мнѣ показалось, стѣну
Зубчатую увидѣлъ я. Она,
Согнутая во многія колѣна,

45.

Съ крутой скалы спускалася до дна
Ущелія, наполненнаго мглою,
И имъ была отъ насъ отдѣлена.

46.

— Другъ,—я сказалъ,—ты съ этою страною
Давно знако̀мъ! вглядись и распознай:
Какой я за̀мокъ вижу предо мною?

47.

А онъ въ отвѣтъ:—Мнѣ вѣдомъ этотъ край,
Но зàмка нѣтъ отсюда до Кьявенны
Ни одного. Обмануты мы, чай,

48.

Игрой тумана. Часто перемѣны
Онъ странныя являетъ между горъ,
И создаетъ то башни въ нихъ, то стѣны.

49.

Такъ онъ ко мнѣ. Но устремивъ мой взоръ
Передъ собой, я напрягалъ вниманье,
Туманъ же все рѣдѣлъ съ недавнихъ поръ,

50.

И только онъ разсѣялся—не зданье
Намъ показалъ свободный солнца свѣтъ,
Но чудное въ утесѣ изваянье:

51.

Чтò я стѣной считалъ, то былъ хребетъ
Чудовища, какому и примѣра,
Я полагалъ, среди живущихъ нѣтъ.

52.

И я, глазамъ едва давая вѣру,
Ко Гвидо обратился:—Долженъ быть
Сей памятникъ, столь дивнаго размѣра,

53.

Тебѣ извѣстенъ; онъ, конечно, нить
Намъ въ руки дастъ, чтобъ выбраться отсюда,
Спѣши жъ по немъ нашъ путь сообразить!

54.

Но онъ въ отвѣтъ:—Клянусь, сего я чуда
Не зналъ досель, и никогда о немъ
Не слыхивалъ отъ здѣшняго я люда.

55.

Не христіанскимъ, думаю, рѣзцомъ
Звѣрь вытесанъ. Мы древняго народа
Узнаемъ трудъ, коль ближе подойдемъ.

56.

— А не могла ль,—замѣтилъ я,—природа
Подобіе чудовища создать,
Какъ создаетъ она иного рода

57.

Диковины?—Но только лишь сказать
Я то успѣлъ, самъ понялъ, сколь напрасна
Такая мысль. Не случая печать

58.

Являли члены гадины ужасной,
Но каждая отчетливо въ ней часть
Изваяна рукой, казалось, властной:

59.

Сомкнутая, поднявшись, щучья пасть
Ждала какъ будто жертвы терпѣливо,
Чтобъ на нее, отверзшися, напасть;

60.

Глаза глядѣли тускло и сонливо:
На вытянутой шеѣ поднята,
Костлявая въ зубцахъ торчала грива;

61.

Скрещенныя вдоль длиннаго хребта,
Лежали, въ складкахъ, кожаныя крылья;
Подъ брюхомъ лапъ виднѣлася чета.

62.

Спинныхъ чешуй казалось изобилье
Нескладной кучей раковинъ морскихъ
Иль старой черепицей, мхомъ и пылью

63.

Покрытою. А хвостъ, въ углахъ кривыхъ,
Терялся въ темной безднѣ. И когда бы
Я долженъ былъ рѣшить: къ числу какихъ

64.

Тотъ звѣрь породъ принадлежитъ,—то я бы
Его крылатой щукою назвалъ
Иль помѣсью отъ ящера и жабы.

65.

И самъ себя еще я вопрошалъ:
Къ чему могъ быть тотъ памятникъ воздвигнутъ?
Какъ вдругъ отъ страшной мысли задрожалъ:

66.

Внезапнымъ опасеніемъ постигнутъ,
— А что́—сказалъ я,—если этотъ звѣрь
Не каменный, но адомъ былъ изрыгнутъ,

67.

Чтобъ за грѣхи насъ наказать? Повѣрь,
Коль Гвельфовъ онъ, имперцамъ на потѣху,
Присла̀нъ терзать—онъ съ насъ начнетъ теперь!

68.

Но вѣтрено предавшись Гвидо смѣху,
— Не много же,—сказалъ,—получитъ адъ
Отъ своего созданія успѣху!

69.

Смотри, какъ смирно ласточки сидятъ
На головѣ недвижной, а на гривѣ
Чирикаетъ веселыхъ пташекъ рядъ —

70.

Ужели ихъ мы будемъ боязливѣй?
Смотри еще: со цвѣтомъ этихъ скалъ
Цвѣтъ идола одинъ; не схожѣй въ нивѣ

71.

Двѣ полосы! И громко продолжалъ
Смѣяться онъ, какъ вдругъ, внизу, тревожно
Нашъ конь, къ кусту привязанный, заржалъ;

72.

И видѣть намъ съ уступа было можно,
Какъ бился онъ на привязи своей,
Подковами взметая прахъ подножный.

73.

Я не сводилъ съ чудовища очей,
Но жизни въ немъ не замѣчалъ ни мало —
Когда внезапно, молніи быстрѣй,

74.

Изъ сжатыхъ устъ, крутясь, явилось жало,
Подобное мечу о двухъ концахъ,
На воздухѣ мелькая, задрожало —

75.

И спряталось. Невыразимый страхъ
Мной овладѣлъ.—Бѣжимъ,—сказалъ я,—Гвидо,
Бѣжимъ, пока мы не въ когтяхъ!

76.

Но робости не показавъ и вида,
— Ты знаешь самъ, маэстро,—молвилъ онъ, —
Какая то для ратника обида

77.

Была бы, еслибъ, куклой устрашенъ,
Онъ убѣжалъ. Я жъ объ закладъ побьюся,
Что на яву тебѣ приснился сонъ;

78.

Взгляни еще на идола, не труся:
Изваянный то звѣрь, а не живой,
И доказать я то тебѣ беруся!

79.

Тутъ камень взявъ, онъ сильною рукою
Съ размаха имъ пустилъ повыше уха
Въ чудовище. Раздался звукъ такой,

80.

Такъ рѣзко брякнулъ камень и такъ сухо,
Какъ еслибы о кожаный ты щитъ
Хватилъ мечомъ. Тутъ втягиваться брюхо

81.

Его какъ будто стало. Новый видъ
Глаза пріяли, тусклые дотолѣ:
Казалось, огнь зеленый въ нихъ горитъ.

82.

Межъ тѣмъ, сжимаясь медленно все болѣ,
Сталъ подбираться къ туловищу хвостъ,
Тащась изъ бездны словно по неволѣ.

83.

Крутой хребетъ, какъ черезъ рѣку мостъ,
Такъ выгнулся, и мерзостнаго гада
Еще страшнѣй явился страшный ростъ.

84.

И вотъ, глаза зардѣли какъ лампады,—
Подъ тяжестью ожившею утёсъ
Затрепеталъ,—и сдвинулась громада,

85.

И поползла... Мохъ, травы, корни лозъ,
Все, что̀ сростить съ корой успѣло змѣя,
Все выдернувъ, съ собою онъ понесъ.

86.

Сырой землей запахло; мы жъ, не смѣя
Дохнуть, лежали ницъ, покуда онъ
Сползалъ съ высотъ, чѣмъ далѣ, тѣмъ быстрѣе;

87.

И слышался подъ нимъ такой же стонъ,
Какъ если съ горъ, на тормазѣ желѣзномъ,
Съѣзжалъ бы возъ, каменьемъ нагруженъ.

88.

Отвѣтный гулъ по всѣмъ пронесся безднамъ.
И не могло намъ въ мысль уже придти
Искать спасенья въ бѣгствѣ безполезномъ.

89.

Равно жъ какъ тормазъ, на своемъ пути,
Все болѣ накаляется отъ тренья,
Такъ, гдѣ драконъ лишь начиналъ ползти,

90.

Мгновенно сохли травы и коренья,
И дымный тамъ за нимъ тащился слѣдъ,
И сыпался гранитъ отъ сотрясенья.

91.

— О, Гвидо, Гвидо, сколько новыхъ бѣдъ
Навлекъ на край невѣрьемъ ты упорнымъ! -
Такъ я къ нему; а Гвидо мнѣ въ отвѣтъ:

92.

— Винюся я въ моемъ поступкѣ вздорномъ,
Но вонъ, смотри: тамъ конь внизу бѣжитъ,
За нимъ же змѣй ущельемъ вьется горнымъ

93.

Плачевный тутъ представился намъ видъ:
Сорвавшійся съ поводьевъ, устрашенный,
Предсмертной пѣной бѣлою покрытъ,

94.

Нашъ конь скакалъ, спасаясь отъ дракона,
Скакалъ во всю отчаянную прыть,
И бились о бока его стремёна.

95.

Но чудище, растянутое въ нить,
Разинутою пастью норовило
Какъ бы ловчѣй бѣгущаго схватить;

96.

И вотъ оно, нагнавъ его, схватило
За самую за холку поперекъ,
И со сѣдломъ и сбруей проглотило,

97.

Какъ жаба муху. Судороги ногъ
Лишь видѣли мы въ пасти на мгновенье,
И конь исчезъ. Едва дышать я могъ,

98.

Столь сильное на сердце впечатлѣнье
То зрѣлище мнѣ сдѣлало. А тамъ,
Въ ущельи, виться продолжали звенья

99.

Змѣинаго хребта, и долго намъ
Онъ виденъ былъ, съ своею гривой странной,
Влекущійся по камнямъ и кустамъ,

100.

Свое мѣняя мѣсто безпрестанно,
То исчезая въ темной глубинѣ,
То вновь являясь гдѣ-нибудь нежданно.

101.

И Гвидо, обращаяся ко мнѣ,
Сказалъ:—Когда бъ я, столько виноватый,
Но столь въ своей раскаянный винѣ,

102.

Смѣлъ дать совѣтъ: мы, времени безъ траты,
Должны уйти туда, на выси горъ,
Гдѣ дружелюбно будемъ мы пріяты

103.

Отъ камнетесовъ, что́ съ недавнихъ поръ
Выламываютъ мраморъ, изъ него же
Въ Кьявеннѣ новый строится соборъ;

104.

А змѣй, по мнѣ, не на вершинахъ ложе,
Но близъ долинъ скорѣе изберетъ,
Гдѣ можетъ жить, вседневно жертвы множа.

105.

Я юношѣ довѣрился, и вотъ
Карабкаться мы кверху стали снова,
И въ полдень лишь достигли до высотъ.

106.

Нигдѣ кругомъ жилища никакого
Не видно было. Нѣсколько озёръ
Свѣтилося, одно возлѣ другого;

107.

Ближайшее на полускатѣ горъ
Раскинулось, предъ нами недалеко;
Когда же внизъ отвѣсно палъ нашъ взоръ,

108.

У нашихъ ногъ, какъ въ ендовѣ глубокой,
Узнали мы поляну, гдѣ вчера
Насъ жеребій войны постигъ жестокій;

109.

И поняли мы тутъ, что до утра
Всю ночь мы вкругъ побоища плутали,
Пока насъ тьмы морочила пора.

110.

Разбросаны, внизу еще лежали
Тѣла друзей, и кони между нихъ
Убитые. Мѣстами отблескъ стали

111.

Отсвѣчивалъ межъ злаковъ полевыхъ
И сытыя сидѣли птицы праздно
На кучахъ тѣлъ и броней боевыхъ.

112.

Вдругъ крикъ межъ нихъ поднялся несуразный.
И началось маханье черныхъ крылъ,
И перелетъ тревожный. Безобразный

113.

То змѣй отъ горъ извивы къ нимъ влачилъ
И къ полю ползъ, кровь издали почуя.
Тутъ жалости мнѣ передать нѣтъ силъ,

114.

Объявшей насъ, и словъ не нахожу я
Сказать, какой намъ холодъ сердце сжалъ,
Когда пришлось, безсильно негодуя,

115.

Смотрѣть, какъ онъ немилосердно жралъ
Товарищей, и съ ними, безъ разбора,
Тѣла коней издохшихъ поглощалъ.

116.

Иль, вскинувъ пасть, стремительно и скоро
Хваталъ воронъ крикливыхъ на лету,
За трупы съ нимъ не прерывавшихъ спора.

117.

Картину я когда припомню ту,
Набросить на нее хотѣлъ бы тѣнь я,
Но въ прежнемъ все стоитъ она свѣту!

118.

Въ насъ съ ужасомъ мѣшалось омерзѣнье
Когда надъ кровью скорчившійся змѣй,
Жуя тѣла, кривился въ наслажденьѣ;

119.

И съ чавканьемъ зубастыхъ челюстей
Въ безвѣтріи къ намъ ясно долетали
Доспѣховъ звякъ и хрупанье костей.

120.

Между людьми на свѣтѣ есть едва-ли,
Кто бы такое горе ощутилъ,
Какъ въ этотъ часъ мы съ Гвидо ощущали.

121.

И долго ль звѣрь безчестье наносилъ
Тѣламъ, иного ждавшимъ погребенья —
Не вѣдаю. Съ утра лишенный силъ,

122.

На землю я упалъ въ изнеможеньѣ,
И осѣнилъ меня глубокій сонъ,
И низошло мнѣ на душу забвенье.

123.

Когда, рукою Гвидо разбужёнъ,
Я поднялся, въ долинахъ ужъ стемнѣло,
На западѣ жъ багровый небосклонъ

124.

Пылалъ пожаромъ. Озеро горѣло
Въ полу-горѣ, какъ въ золотомъ огнѣ,
И обратился къ другу я несмѣло:

125.

— Въ какой, скажи, о Гвидо, мы странѣ?
Какое съ нами горе иль обида
Случилися? Скажи мнѣ все, занѐ

126.

Въ моей душѣ звучитъ какъ панихида,
Но въ памяти нѣтъ мысли ни одной! —
И прежде чѣмъ успѣлъ отвѣтить Гвидо,

127.

Я вспомнилъ все: съ имперцами нашъ бой,
И смерть вождя, и бѣгство отъ дракона.
— Гдѣ онъ?—вскричалъ я:—гдѣ нашъ недругъ злой?

128.

Намъ отъ него возможна ль оборона?
Иль намъ бѣжать въ ущелій тѣсноту,
И спрятаться во глубь земного лона? —

129.

Но Гвидо, палецъ приложа ко рту,
— Смотри,—шепнулъ мнѣ съ видомъ опасенья,—
Смотри сюда, на эту высоту! —

130.

И, слѣдуя руки его движенью,
Страшилище я снова увидалъ,
Какъ, медленно свои вращая звенья,

131.

Оно вползало, межъ померкшихъ скалъ,
На верхъ одной, отъ прочихъ отдѣлённой,
Что̀ солнца лучъ послѣдній освѣщалъ.

132.

Свой гордо зѣвъ поднявъ окровавленный,
На острый верхъ взобравшійся драконъ,
Какъ нѣкій царь съ зубчатою короной

133.

Явился тамъ. Закатомъ озарёнъ,
Какъ выкованъ изъ яркой красной мѣди,
На небѣ такъ вырѣзывался онъ.

134.

Клянусь, ни львы, ни тигры, ни медвѣди,
Столь не страшны! Никто бъ не изобрѣлъ
Такую тварь, хотя бъ въ горячкѣ бреда!

135.

Когда жъ совсѣмъ исчезъ во мракѣ долъ,
А ночь вверху лишь только наступала,
Свои онъ крылья по вѣтру развёлъ,

136.

И кожа ихъ, треща, затрепетала,
Подобно какъ въ рукахъ у нашихъ жёнъ,
Раскрывшися, трепещутъ опахала.

137.

Его хребетъ казался напряжёнъ,
И, на когтяхъ все подымаясь выше,
Пуститься въ лётъ готовился драконъ.

138.

Межъ тѣмъ кругомъ все становилось тише
И все темнѣй. И вотъ онъ взвизгнулъ вдругъ,
Летучія какъ взвизгиваютъ мыши,

139.

И сорвался. Насъ охватилъ испугъ,
Когда, носясь у насъ надъ головами,
Онъ въ сумеркахъ чертилъ за кругомъ кругъ

140.

И воздухъ билъ угластыми крылами,
Не какъ орелъ, въ поднебесьи паря,
Но вверхъ и внизъ метаяся зубцами,

141.

Неровный лётъ являлъ нетопыря,
И виденъ былъ отчетисто для ока
На полосѣ, гдѣ скрылася заря.

142.

Насъ поражалъ, то близко, то далеко,
То возлѣ насъ, то гдѣ-нибудь съ высотъ,
Зловѣщій визгъ, пронзительно-жестокій.

143.

Такъ не одинъ свершалъ онъ поворотъ,
Иль крылья вдругъ поджавъ, какъ камень вѣскій,
Бросался внизъ, и возмущенныхъ водъ

144.

Средь озера намъ слышалися всплески;
И онъ опять взлеталъ, и каждый разъ
Пускалъ опять свой визгъ зловѣще-рѣзкій.

145.

Проклятый звѣрь чутьемъ искалъ ли насъ,
Или леталъ по воздуху безъ цѣли —
Не знали мы; но, не смыкая глазъ,

146.

На сторожѣ всю ночь мы просидѣли,
Усталостью совсѣмъ изнурены
(Вторыя сутки мы уже не ѣли!).

147.

Съ разсвѣтомъ дня спуститься съ вышины
Рѣшились мы, лишь голоду послушны;
А чудище исчезло ль изъ страны,

148.

Иль нѣтъ—къ тому мы стали равнодушны,
Завидуя ужъ нищимъ и слѣпцамъ,
Что̀ по міру сбираютъ хлѣбъ насущный...

149.

И долго такъ влачилися мы тамъ,
Молясь:—Спаси, пречистая Марія!
Она же, внявъ, послала пищу намъ.

150.

Мы ягоды увидѣли лѣсныя,
Алѣвшія по берегу ручья,
Что̀ воды мчалъ въ долину снѣговыя.

151.

И рѣчь того не выразитъ ничья,
Какъ укрѣпилъ насъ этотъ даръ нежданный,
А съ нимъ воды холодная струя!

152.

Сбиваяся съ дороги безпрестанно,
По солнцу нашъ отыскивая путь,
Достигли поздно цѣли мы желанной;

153.

Но что́ за видъ стѣснилъ тогда намъ грудь!
Въ Кьявеннскія воткнуты были стѣны
Знамена Гибеллиновъ! Проклятъ будь

154.

Раздора духъ, рождающій измѣны!
Не въ приступѣ отчаянномъ взята
Врагомъ упорнымъ крѣпкая Кьявенна —

155.

Безъ боя Гибеллинамъ ворота
Отверзли ихъ сторонники! Безъ боя
Италія Германцу отперта!

156.

И зрѣлище увидя мы такое,
Заплакали, и показалось намъ
Предъ нимъ ничтожно все страданье злое,

157.

Что̀ мы доселѣ испытали.—Срамъ
И жажда мести овладѣли нами.
Такъ въ городъ мы пробралися къ друзьямъ;

158.

Но ужъ друзья теперь во страхѣ сами
Спасалися отъ мщенія враговъ,
И вольности поднять не смѣли знамя.

159.

Они родной сбирались бросить кровъ,
И гдѣ-нибудь сокрыться въ подземельи,
Чтобы уйти отъ казни иль оковъ.

160.

Узнавъ отъ насъ, что горныя ущелья
Чудовищемъ ужаснымъ заняты,
Подумали они, что мы съ похмелья

161.

То говоримъ, и наши тѣсноты,
И все, что̀ мы недавно испытали,
За выдумки сочли иль за мечты.

162.

Въ неслыханной рѣшились мы печали
Направиться обратно на Миланъ,
Но не прямой мы путь къ нему держали:

163.

Захваченныхъ врагомъ минуя странъ,
На Ко̀лико мы шли, на Лепьончино,
На Лекко и на Бе́ргамо, гдѣ станъ

164.

Немногихъ отъ разсѣянной дружины
Оставшихся товарищей нашли
(Убито было болѣ половины,

165.

Другіе же, вблизи или вдали,
Невѣдомо скитались). Бергамаски,
Чьи консулы совѣтъ еще вели:

166.

Къ кому пристать? не оказали ласки
Разбитымъ Гвельфамъ, ихъ же въ городъ свой
Не приняли; однако безъ огласки,

167.

Отправили отъ думы городской
Имъ хлѣба и вина, изъ состраданья,
Не требуя съ нихъ платы никакой.

168.

И тяжело и радостно свиданье
Межъ нами было; а когда слезамъ,
Разспросамъ и отвѣтамъ отдалъ дань я,

169.

— Товарищи,—сказалъ я,—стыдно намъ
Врозь дѣйствовать, иль ждать, сложивши руки,
Чтобъ врагъ прошелъ по нашимъ головамъ!

170.

Ломбардіи невзгоды всѣ и муки
Лишь отъ раздоровъ нашихъ рождены
И отъ измѣны круговой порукѣ!

171.

Хоть мало насъ, поклясться мы должны,
Что гвельфскому мы не измѣнимъ стягу
И не примкнемъ къ тѣснителямъ страны! —

172.

Такъ, прежнюю въ нихъ возбудивъ отвагу,
Я ихъ въ Миланъ съ собой и съ Гвидо звалъ,
Они жъ клялись не отставать ни шагу.

173.

Тутъ случай мнѣ ихъ испытать предсталъ:
Гдѣ черезъ Ольо вбродъ есть переправа,
На супротивномъ берегу стоялъ

174.

Маркезе Монферрато, намъ кровавый
Пріемъ готовя: Бога въ помощь взявъ
И вынувъ мечъ, я бросился на славу

175.

Въ средину волнъ. За мной, кто вбродъ, кто вплавь
Пустились всѣ, пересѣкая воду,
И берега достигли. Но стремглавъ

176.

На насъ враги, вплоть подступя ко броду,
Ударили, и прежде, чѣмъ я могъ
На сушу стать, ихъ вождь, не давъ мнѣ ходу,

177.

Лобъ топоромъ разсѣкъ мнѣ поперёкъ,
И навзничь я, ударомъ опрокинутъ,
Безъ памяти обратно палъ въ потокъ.

178.

Пятнадцать лѣтъ весною ровно минутъ,
Что свѣтъ дневной я снова увидалъ.
Но, Боже мой! доселѣ жилы стынутъ,

179.

Какъ вспомню, что̀, очнувшись, я узналъ
Отъ благодушныхъ иноковъ аббатства,
Меня которымъ Гвидо передалъ,

180.

Самъ раненый, когда онъ отъ злорадства
Имперцевъ жизнь мою чудесно спасъ
И самъ искалъ убѣжища у братства!

181.

Италіи насталъ послѣдній часъ!
Миланъ былъ взятъ! Сдалась безъ обороны
Германцамъ Брешья; Крема имъ сдалась!

182.

Съ привѣтствіемъ къ нимъ консулы Кремоны
Пошли на встрѣчу, лишь къ ея стѣнамъ
Германскіе приблизились бароны!

183.

Павія ликовала. Горе намъ!
Не чуждыми—ломбардскими руками
Миланъ разрушенъ! Вѣчный стыдъ и срамъ!

184.

Мы поняли теперь, зачѣмъ предъ нами
Явился тотъ прожорливый драконъ,
Когда мы шли Кьявеннскими горами:

185.

Ужасное былъ знаменіе онъ,
Рядъ страшныхъ бѣдъ съ нимъ предвѣщала встрѣча,
Начало долгихъ, горестныхъ временъ!

186.

Тотъ змѣй, что̀, все глотая иль увѣча,
Отъ нашей крови самъ жирѣлъ и росъ,
Былъ Кесаря свирѣпаго предтеча!

187.

Миланъ палъ въ прахъ—надъ нимъ же вознеслось
Все низкое, что̀ пресмыкалось въ прахѣ,
Все доброе низвержено. Пришлось,

188.

Въ комъ честь была, тому скрываться въ страхѣ,
Иль дни влачить въ изгнаніи, какъ я,
Иль погибать, какъ многіе, на плахѣ.

189.

Проклятье жъ вамъ, поддѣльные друзья,
Что́ языкомъ клялись служить свободѣ,
Внутри сердецъ измѣну ей тая!

190.

Изъ вѣка въ вѣкъ васъ да клянутъ въ народѣ,
И да звучатъ позоромъ вѣковымъ
Названья ваши: Асти, Реджьо, Лоди!

191.

Вы, чрезъ кого во прахѣ мы лежимъ,
Пьяченца, Комо, Мантуа, Кремона!
Вы, чьи уста, изъ злобы ко своимъ,

192.

Призвали въ край германскаго дракона! —
Ломбардецъ такъ разсказъ окончилъ свой
И отошелъ. Имъ сильно потрясены,

193.

Молчали мы. Межъ тѣмъ палящій зной
Успѣлъ свалить, и, вышедъ изъ собора,
На площади смѣшались мы съ толпой,
Обычные тамъ ведшей разговоры.

БЫЛИНЫ, БАЛЛАДЫ, ПРИТЧИ.

АЛЕША ПОПОВИЧЪ.

1.

Кто весломъ такъ ловко правитъ
Черезъ аиръ и купырь?
Это тотъ Поповичъ славный,
Тотъ Алёша-богатырь.

2.

За плечами видны гусли,
А въ ногахъ червлёный щитъ;
Супротивъ его царевна
Полонённая сидитъ.

3.

Подъ себя поджала ножки,
Лѣтникъ свой подобрала,
И считаетъ робко взмахи
Богатырскаго весла.

4.

— Ты почто меня, Алёша,
Въ лодку пѣсней заманилъ?
У меня женихъ есть дома,
Ты жъ, похитчикъ, мнѣ не милъ!

5.

Но, смѣясь, Поповичъ молвитъ:
— Не похитчикъ я тебѣ,
Ты вошла своею волей,
Покорись своей судьбѣ!

6.

Ты не первая попалась
Въ лодку, дѣвица, мою;
Знаменитымъ птицеловомъ
Я слыву въ моемъ краю;

7.

Безъ силковъ и безъ приманокъ
Я не разъ межъ камышей
Голубыхъ очеретянокъ
Пѣсней лавливалъ моей;

8.

Но въ плѣну, кого поймаю,
Безъ нужды я не морю —
Покорися же, царевна,
Сдайся мнѣ, богатырю! —

9.

Но она къ нему:—Алёша,
Тѣсно въ лодкѣ намъ вдвоемъ,
Тяжела ей будетъ ноша,
Вмѣстѣ ко̀-дну мы пойдемъ! —

10.

Онъ же къ ней:—Смотри, царевна,
Видишь, тамъ, гдѣ тотъ откосъ,
Какъ на солнцѣ быстро блещутъ
Стаи лёгкія стрекозъ?

11.

На лозу когда бы сѣли,
Не погнули бы лозы,
Ты же въ лодкѣ не тяжелѣ
Легкокрылой стрекозы! —

12.

И душистый гнётъ онъ аиръ,
И, скользя очеретомъ,
Стебли длинные купавокъ
Рвётъ сверкающимъ весломъ.

13.

Много пѣвниковъ нарядныхъ
Въ лодку съ берега глядитъ,
Но Поповичу царевна,
Озираясь, говоритъ:

14.

— Птицеловъ ты безпощадный!
Иль тебѣ меня не жаль?
Отпусти меня на волю,
Лодку къ берегу причаль! —

15.

Онъ же, въ берегъ упираясь
И осокою шурша,
Повторяетъ только:—Сдайся,
Сдайся, дѣвица-душа!

16.

Я люблю тебя, царевна,
Я хочу тебя добыть,
Вольной волей, иль неволей,
Ты должна меня любить. —

17.

Онъ весло свое бросаетъ,
Гусли звонкія берётъ —
Дивнымъ пѣніемъ дрожащій
Огласился очеретъ...

18.

Звуки льются, звуки таютъ:
То не вѣтеръ ли во ржи?
Не крылами ль задѣваютъ
Мѣдный колоколъ стрижи?

19.

Иль въ тѣни журчатъ дубравной
Однозвучные ключи?
Иль ковшей тò звонъ заздравный?
Иль мечи бьютъ о мечи?

20.

Пламя ль блещетъ? Дождь ли льется?
Буря ль встала, пыль крутя?
Конь ли пò полю несется?
Мать ли пѣстуетъ дитя?

21.

Или тò воспоминанье,
Отголосокъ давнихъ лѣтъ?
Или счастья обѣщанье?
Или смерти тò привѣтъ?

22.

Пѣсню кто уразумѣетъ?
Кто пойметъ ея слова?
Но отъ звуковъ сердце млѣетъ,
И кружится голова.

23.

Ихъ услыша, присмирѣли
Пташекъ рѣзвыя четы,
На тростникъ стрекозы сѣли,
Преклонилися цвѣты:

24.

Погремокъ, пестрецъ, и шильникъ,
И болотная заря,
Къ лодкѣ съ берега нагнулись
Слушать пѣснь богатыря.

25.

Такъ съ царевной по теченью
Онъ уносится межъ травъ,
И она внимаетъ пѣнью,
Руку бѣлую поднявъ.

26.

Чтó внезапно въ ней свершилось?
Тосковапье улеглось?
Сокровенное ль открылось?
Невозможное ль сбылось?

27.

Словно давнія печали
Разошлися какъ туманъ,
Словно всѣ преграды пали —
Или были лишь обманъ!

28.

Взоромъ любящимъ невольно
Въ ликъ его она впилась,
Ей и радостно, и больно,
Слезы капаютъ изъ глазъ;

29.

Любитъ онъ, иль лицемѣритъ —
Для нея тò все равно;
Этимъ звукамъ сердце вѣритъ
И дрожитъ, побѣждено.

30.

И со всѣхъ сторонъ ихъ лодку
Обняла рѣчная тишь,
И куда ни обернешься —
Только небо да камышъ...

БОРИВОЙ.

ПОМОРСКОЕ СКАЗАНІЕ.

1.

Къ дѣлу церкви сердцемъ рьяный,
Папа шлетъ въ Роскильду слово
И походъ на Бодричаны
Проповѣдуетъ крестовый:

2.

— «Встаньте! Васъ тѣснятъ не въ мѣру
«Тѣ язычники лихіе,
«Подымайте стягъ за вѣру,
«Отпускаю вамъ грѣхи я!

3.

«Генрихъ-Левъ на бой великій
«Ужъ поднялся, мною званый;
«Онъ идетъ отъ Брунзовика
«Грянуть съ тылу въ Бодричаны.

4.

«Всѣ, кто въ этомъ дѣлѣ сгинетъ,
«Кто падетъ подъ знакомъ крестнымъ,
«Прежде чѣмъ ихъ кровь остынетъ,
«Будетъ въ царствіи небесномъ!»

5.

И лишь зовъ проникнулъ въ Дони,
Первый всталъ епископъ Эрикъ;
Съ нимъ монахи, вздѣвши брони,
Собираются на берегъ.

6.

Далѣ Свенъ пришелъ, сынъ Нилса,
Въ шишакѣ своемъ крылатомъ,
Съ нимъ же вмѣстѣ ополчился
Викингъ Кнутъ, сверкая златомъ;

7.

Оба царственнаго рода,
За престолъ тягались оба,
Но для славнаго похода
Прервана межъ ними злоба;

8.

И какъ птицъ приморскихъ стая,
Много панцырнаго люду,
И грохоча, и блистая,
Къ нимъ примкнулось отовсюду.

9.

Всѣ струги, построясь рядомъ,
Покидаютъ вмѣстѣ берегъ.
И, окинувъ силу взглядомъ,
Говоритъ епископъ Эрикъ:

10.

— Съ нами Богъ! Склонилъ къ намъ папа
Преподобнаго Егорья,
Разгромимъ теперь съ нахрапа
Все славянское поморье! —

11.

Свенъ же молвитъ:—Въ бранномъ спорѣ
Не боюся никого я,
Лишь бы только въ синемъ морѣ
Намъ не встрѣтить Боривоя! —

12.

Но, смѣясь, съ кормы высокой
Молвитъ Кнутъ:—Намъ нѣтъ препоны,
Боривой теперь далёко
Бьется съ нѣмцемъ у Арконы! —

13.

И въ веселіи всѣ трое,
Съ ними грозная дружина,
Всѣ плывутъ, въ могучемъ строѣ,
Къ башнямъ города Волына.

14.

Вдругъ поднявшись надъ кормою.
Говоритъ имъ Свенъ, сынъ Нилса:
— Мнѣ сдалось: надъ той скалою
Словно лѣсъ зашевелился! —

15.

Кнутъ, вглядѣвшись, отвѣчаетъ:
— Нѣтъ, не лѣсъ то шевелится,
Щёголъ множество киваетъ,
О косицу бьетъ косица! —

16.

Всталъ епископъ торопливо,
Съ удивленіемъ во взорѣ:
— Что̀ мнѣ чудится за диво?
Кони ржутъ на синемъ морѣ! —

17.

Но епископу, въ смятеньѣ,
Отвѣчаетъ блѣдный инокъ:
— То не ржанье, то гудѣнье
Боривоевыхъ волынокъ! —

18.

И внезапно, гдѣ играютъ
Всплёски бѣлые прибоя,
Изъ-за мыса выбѣгаютъ
Волнорѣзы Боривоя.

19.

Расписными парусами
Море синее покрыто,
Развилось по вѣтру знамя
Изъ божницы Свѣтовита;

20.

Блещутъ весла, блещутъ брони,
Топоры звенятъ стальные,
И, какъ бѣшеные кони,
Ржутъ волынки боевыя.

21.

И начальнымъ правя дубомъ,
Самъ въ чешуйчатой рубахѣ,
Боривой киваетъ чубомъ:
— Добрый день, отцы-монахи!

22.

Я вернулся изъ Арконы,
Гдѣ поля отъ крови рдѣютъ,
Но нѣмецкія знамёна
Подъ стѣнами ужъ не вѣютъ!

23.

Въ клочья ту порвавши лопать,
Заплатили долгъ мы нѣмцамъ,
И пришли теперь отхлопать
Васъ по бритымъ по гуменцамъ! —

24.

И подъ всѣми парусами
Онъ ударилъ имъ на встрѣчу,
Сшиблись вдругъ ладьи съ ладьями
И пошла межъ ними сѣча.

25.

То взлетая надъ волнами,
То спускаяся въ пучины,
Бокъ-о-бокъ сцѣпясь баграми,
Съ крикомъ рѣжутся дружины;

26.

Брызжутъ искры, кровь струится,
Трескъ и вопль въ бою сомкнутомъ,
До заката битва длится —
Не сдаются Свенъ со Кнутомъ.

27.

Но напрасны ихъ усилья:
Отъ ударовъ тяжкой стали
Позолоченныя крылья
Съ шлема Свена ужъ упали;

28.

Пронзена въ жестокомъ спорѣ
Кнута крѣпкая кольчуга,
И бросается онъ въ море
Съ опрокинутаго струга.

29.

А епископъ Эрикъ, въ схваткѣ
Надъ собой погибель чуя,
Перепрыгнулъ безъ оглядки
Изъ своей ладьи въ чужую.

30.

Голоситъ:—Не пожалѣю
На икону ничего я,
Лишь въ Роскильду поскорѣе
Мнѣ бъ уйти отъ Боривоя! —

31.

И гребцы во страхѣ тоже,
Силу рукъ своихъ удвоя,
Голосятъ:—Спаси насъ, Боже,
Защити отъ Боривоя! —

32.

— Утекай, клобучье племя! —
Боривой кричитъ въ догоню.
— Вамъ вздохнуть не давши время,
Скоро самъ я буду въ Дони!

33.

Къ вамъ, средь моря иль средь суши,
Проложу себѣ дорогу,
И заранѣ ваши души
Обрекаю Чернобогу! —

34.

Худо Донямъ вышло, худо,
Въ этой битвѣ знаменитой;
Въ этотъ день морскія чуда
Нажрались ихъ труповъ сыто,

35.

И ладей въ своемъ просторѣ
Опрокинутыхъ не мало
Почервонѣвшее море
Вверхъ полозьями качало.

36.

Генрикъ-Левъ, идущій смѣло
На Волынъ къ потѣхѣ ратной,
Услыхавъ про это дѣло,
Въ Брунзовикъ пошелъ обратно.

37.

И отъ Бодричей до Ретры,
Отъ Осны до Дубовика,
Всюду вѣсть разносятъ вѣтры
О побѣдѣ той великой;

38.

Шумомъ полнъ Волынъ веселымъ,
Вкругъ Перуновой божницы
Хороводнымъ ходятъ коломъ
Дѣвъ поморскихъ вереницы;

39.

А въ Роскильдовскомъ соборѣ
Собираются монахи,
Восклицаютъ:—Горе, горе!
И молебны служатъ въ страхѣ;

40.

И епископъ съ клирной силой,
На колѣняхъ въ церкви стоя,
Молитъ:—Боже, насъ помилуй,
Защити отъ Боривоя!

ГАКОНЪ СЛѢПОЙ.

1.

— Въ десницѣ жива еще прежняя мочь
И крѣпки по прежнему плечи,
Но очи одѣла мнѣ вѣчная ночь —
Кто хочетъ мнѣ, други, рубиться помочь?
Вы слышите крики далече?
Схватите жъ скорѣй за поводья коня,
Помчите меня
Въ кипѣніе сѣчи!

2.

И отроки съ двухъ его взяли сторонъ,
И, полный безумнаго гнѣва,
Слѣпой между ними помчался Гаконъ
И врѣзался въ сѣчу, и, ей опьянёнъ,
Онъ рубитъ средь гула и рева,
И валитъ ряды, какъ въ лѣсу буреломъ,
Креститъ топоромъ
И вправо, и влѣво.

3.

Но гуще и гуще все свалка кипитъ,
Враги не жалѣютъ урона,
Отрѣзанъ Гаконъ и отъ русскихъ отбитъ;
И, видя то, князь Ярославъ говоритъ:
— Нужна свояку оборона!
Вишь, вражья его какъ осыпала рать!
Пора выручать
Слѣпого Гакона!

4.

И съ новой напёръ на враговъ онъ толпой.
Просѣкъ черезъ свалку дорогу,
Но вотъ на него налетаетъ слѣпой,
Топоръ свой подъявши.—Да стой же ты, стой,
Никакъ ошалѣлъ онъ, ей-Богу!
Вѣдь былъ ты безъ насъ бы изсѣченъ и стертъ,
Что-жъ рубишь ты, чортъ,
Свою же подмогу?

5.

Но тотъ расходился, не внемлетъ словамъ,
Ударъ за ударомъ онъ садитъ,
Молотитъ по русскимъ щитамъ и бронямъ,
Дробитъ и сѣчетъ шишаки пополамъ,
Никто съ разъяреннымъ не сладитъ.
Насилу опомнился старый боецъ,
Утихъ, наконецъ,
И бороду гладитъ.

6.

Дружина вздохнула, враговъ разогнавъ;
Побито, посѣчено вволю;
Лежатъ перемѣшаны правъ и неправъ,

И смотритъ съ печалію князь Ярославъ
На злую товарищей долю,
И ѣдетъ онъ шагомъ, снявъ острый шеломъ,
Съ Гакономъ вдвоемъ,
По бранному полю...

* * *

1.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Что̀ ты изволишь въ котлѣ варить?
— Кашицу, матушка, кашицу,
Кашицу, сударыня, кашицу!

2.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А гдѣ ты изволилъ крупы достать?
— За̀-моремъ, матушка, за̀-моремъ,
За̀-моремъ, сударыня, за̀-моремъ!

3.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Нешто своей крупы не было?
— Сорная, матушка, сорная!
Сорная, сударыня, сорная!

4.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А чѣмъ ты изволишь мѣшать ее?

— Палкою, матушка, палкою,
Палкою, сударыня, палкою!

5.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А вѣдь каша-то выйдетъ крутенька?
— Крутенька, матушка, крутенька,
Крутенька, сударыня, крутенька!

6.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А вѣдь каша-то выйдетъ солона?
— Солона, матушка, солона,
Солона, сударыня, солона!

7.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А кто жъ будетъ ее расхлёбывать?
— Дѣтушки, матушка, дѣтушки,
Дѣтушки, сударыня, дѣтушки!

ЗМѢЙ ТУГАРИНЪ.

БЫЛИНА.

1.

Надъ свѣтлымъ Днѣпромъ, средь могучихъ бояръ,
Близъ стольнаго Кіева-града,
Пируетъ Владиміръ, съ нимъ молодъ и старъ,
И слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

2.

И молвитъ Владиміръ:—Что̀ жъ нѣту пѣвцовъ?
Безъ нихъ мнѣ и пиръ не отрада!
И вотъ незнакомый изъ дальнихъ рядовъ
Пѣвецъ выступаетъ на княжескій зовъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

3

Глаза словно щели, растянутый ротъ,
Лицо на лицо не похоже,
И выдались скулы углами впередъ,
И ахнулъ отъ ужаса русскій народъ:
— Ай, рожа, ай, страшная рожа!

4.

И началъ онъ пѣть на невѣдомый ладъ:
— Владычество смѣлымъ награда!
Ты, княже, могучъ и казною богатъ,
И помнитъ ладьи твои дальній Царьградъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

5.

— Но родъ твой не вѣчно судьбою хранимъ,
Настанетъ тяжелое время,
Обнимутъ твой Кіевъ и пламя, и дымъ,
И внуки твои будутъ внукамъ моимъ
Держать золочёное стремя!

6.

И вспыхнулъ Владиміръ при словѣ такомъ,
Въ очахъ загорѣлась досада,
Но вдругъ засмѣялся, и хохотъ кругомъ
Въ рядахъ прокатился, какъ по̀-небу громъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

7.

Смѣется Владиміръ и съ нимъ сыновья,
Смѣется, потупясь, княгиня,
Смѣются бояре, смѣются князья,
Удалый Поповичъ, и старый Илья,
И смѣлый Никитичъ Добрыня.

8.

Пѣвецъ продолжаетъ:—Смѣшна моя вѣсть
И вашему уху обидна?
Кто могъ бы изъ васъ оскорбленіе снесть!
Безцѣнное русскимъ сокровище честь,
Ихъ клятва: Да будетъ мнѣ стыдно!

9.

На вѣчѣ народномъ вершится ихъ судъ,
Обиды смываетъ съ нихъ поле —
Но дни, погодите, иные придутъ,
И честь, государи, замѣнитъ вамъ кнутъ,
А вѣче—каганская воля!

10.

— Стой, молвитъ Илья, твой хоть голосъ и чистъ,
Да пѣсня твоя непригожа!
Былъ воръ-Соловей, какъ и ты, голосистъ,
Да я пятерней приглушилъ его свистъ —
Съ тобой не случилось бы то же!

11.

Пѣвецъ продолжаетъ:—И время придётъ:
Уступитъ нашъ ханъ христіанамъ,
И снова подымется русскій народъ,
И землю единый изъ васъ соберётъ,
Но самъ же надъ ней станетъ ханомъ.

12.

И въ теремѣ будетъ сидѣть онъ своёмъ,
Подобенъ кумиру средь храма,
И будетъ онъ спины вамъ бить батожьёмъ,
А вы ему стукать да стукать челомъ —
Ой, срама, ой, горькаго срама!

13.

— Стой, молвитъ Поповичъ, хоть дюжій твой ростъ,
Но слушай, поганая рожа:
Зашла разъ корова къ отцу на погостъ,
Махнулъ я ее черезъ крышу за хвостъ —
Тебѣ не было бы того же!

14.

Но тотъ продолжаетъ, осклабивши пасть:
— Обычай вы нашъ переймёте,
На честь вы поруху научитесь класть,
И вотъ, наглотавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовёте!

15.

И съ честной поссоритесь вы стариной,
И предкамъ великимъ на соромъ,
Не слушая голоса крови родной,
Вы скажете: станемъ къ Варягамъ спиной,
Лицомъ повернёмся къ Обдорамъ!

16.

— Стой! молвитъ, поднявшись, Добрыня: не смѣй
Пророчить такого намъ горя!
Тебя я узналъ изъ негодныхъ рѣчей:
Ты старый Тугаринъ, поганый тотъ змѣй,
Приплывшій отъ Чёрнаго моря!

17.

На крыльяхъ бумажныхъ, ночною порой,
Ты часто вкругъ Кіева-града
Леталъ и шипѣлъ, но тебя не впервой
Попотчую я каленóю стрѣлой —
О, ладо, ой, ладушко-ладо!

18.

И началъ Добрыня натягивать лукъ,
И вотъ, на потѣху народу,
Струны богатырской послышавши звукъ,
Во змѣя пѣвецъ перекинулся вдругъ
И съ шипомъ бросается въ воду.

19.

— Тьфу, гадина! молвилъ Владиміръ, и носъ
Зажалъ отъ несноснаго смрада.
Чего ужъ онъ въ скаредной пѣсни не несъ —
Но благо удралъ отъ Добрынюшки песъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

20.

А змѣй, по Днѣпру разстилаясь, плывётъ,
И смѣхомъ преслѣдуя гада,
По немъ улюлюкаетъ русскій народъ:
— Чай пѣсни теперь уже намъ не споётъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

21.

Смѣется Владиміръ:—Вишь выдумалъ намъ
Какимъ угрожать онъ позоромъ!
Чтобъ мы отъ Тугарина приняли срамъ!
Чтобъ спины подставили мы батогамъ!
Чтобъ мы повернулись къ Обдорамъ!

22.

Нѣтъ, шутишь! Живетъ наша русская Русь,
Татарской намъ Руси не надо!
Солгалъ онъ, солгалъ, перелетный онъ гусь:
За честь нашей родины я не боюсь —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

23.

А еслибъ надъ нею бѣда и стряслась,
Потомки бѣду перемогутъ!
Бываетъ, примолвилъ свѣтъ-солнышко князь,
Неволя заставитъ пройти черезъ грязь,
Купаться въ ней—свиньи лишь могутъ!

24.

Подайте жъ мнѣ чару большую мою,
Ту чару, добытую въ сѣчѣ,
Добытую съ ханомъ хозарскимъ въ бою —
За русскій обычай до дна ее пью,
За древнее русское вѣче!

25.

За вольный, за честный славянскій народъ,
За колоколъ пью Новаграда,
И если онъ даже и въ прахъ упадетъ,
Пусть звонъ его въ сердцѣ потомковъ живетъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

26.

Я пью за Варяговъ, за дѣдовъ лихихъ,
Кѣмъ русская сила подъята,
Кѣмъ славенъ нашъ Кіевъ, кѣмъ Грекъ пріутихъ,
За синее море, которое ихъ,
Шумя, принесло отъ заката!

27.

И выпилъ Владиміръ, и разомъ кругомъ,
Какъ плескъ лебединаго стада,
Какъ лѣтомъ изъ тучи ударившій громъ,
Народъ отвѣчаетъ:—За князя мы пьемъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

28.

— Да правитъ по-русски онъ русскій народъ,
А хана намъ даромъ не надо!
И если настанетъ година невзгодъ,
Мы вѣримъ, что Русь ихъ побѣдно пройдётъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

29.

Пируетъ Владиміръ, со свѣтлымъ лицомъ,
Въ груди богатырской отрада;
Онъ вѣритъ: побѣдно мы горе пройдёмъ,
И весело слышать ему надъ Днѣпромъ:
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

30.

Пируетъ съ Владиміромъ сила бояръ,
Пируютъ посадники града,
Пируетъ весь Кіевъ, и молодъ, и старъ,
И слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ —
Ой, ладо, ой ладушко-ладо!

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

1.

Подъ броней, съ простымъ наборомъ,
Хлѣба кусъ жуя,
Въ жаркій полдень ѣдетъ боромъ
Дѣдушка Илья;

2.

Ѣдетъ боромъ, только слышно,
Какъ бряцаетъ бронь;
Топчетъ папоротникъ пышный
Богатырскій конь.

3.

И ворчитъ Илья сердито:
Ну, Владиміръ, что̀-жъ?
Посмотрю я, безъ Ильи-то
Какъ ты проживёшь!

4.

Дворъ мнѣ, княже, твой не диво,
Не пировъ держусь;
Я мужикъ неприхотливый,
Былъ бы хлѣба кусъ!

5.

Но обнесъ меня ты чарой
Въ очередь мою —
Такъ шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью!

6.

Безъ меня другихъ довольно,
Сядутъ—полонъ столъ;
Только лакомы ужъ больно,
Любятъ женскій полъ.

7.

Всѣ твои богатыри-то,
Значитъ, молодёжь —
Вотъ безъ стараго Ильи-то
Какъ ты проживёшь!

8.

Тѣмъ-то я ихъ болѣ стóю,
Что забылъ ужъ бабъ;
А какъ тресну булавою,
Такъ еще не слабъ!

9.

Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора;
Погулять по свѣту снова
Безъ того пора.

10.

Не терплю богатыхъ сѣней,
Мраморныхъ тѣхъ плитъ;
Отъ царьградскихъ отъ куреній
Голова болитъ;

11.

Душно въ Кіевѣ что́ въ скринѣ —
Только киснетъ кровь;
Государынѣ-пустынѣ
Поклонюся вновь!

12.

Вновь извѣдаю я, старый,
Волюшку мою —
Ну же, ну, шагай, чубарый,
Уноси Илью!

13.

И старикъ лицомъ суровымъ
Просвѣтлѣлъ опять.
Понутру ему здоровымъ
Воздухомъ дышать;

14.

Снова вѣетъ воли дикой
На него просторъ,
И смолой, и земляникой
Пахнетъ тёмный боръ.

КАНУТЪ.

1.

Двѣ вѣсти ко князю Кануту пришли:
Одну, при богатомъ поминѣ,
Шлетъ сватъ его Магнусъ. Изъ Русской земли
Другая пришла отъ княгини.

2.

Съ пѣвцомъ своимъ Магнусъ словесную вѣсть
Безъ грамоты шлётъ харатейной;
Онъ проситъ Канута, въ услугу и въ честь,
Пріѣхать на съѣздъ на семейный.

3.

Княгиня жъ ко грамотѣ тайной печать
Подъ многимъ привѣсила страхомъ;
И вслухъ ея строки Канутъ прочитать
Велитъ двумъ досужимъ монахамъ.

4.

Читаютъ монахи: «Супругъ мой и князь!
«Привидѣлось мнѣ сновидѣнье:
«Поѣхалъ въ Роскильду, въ багрецъ нарядясь,
«На Магнуса ты приглашенье;

5.

«Багрецъ твой сталъ кровью въ его терему;
«Супругъ мой, молю тебя слезно,
«Не вѣрь его дружбѣ, не ѣзди къ нему,
«Любимый, желанный, болѣзный!»

6.

Монахи съ испугу рѣчей не найдутъ:
— Святые угодники съ нами! —
Взглянулъ на ихъ блѣдныя лица Канутъ,
Пожалъ, усмѣхаясь, плечами.

7.

— Я Магнуса знаю, правдивъ онъ и прямъ,
Дружилъ съ нимъ по нынѣшній день я;
Ужель ему вѣры теперь я не дамъ
Княгинина ради видѣнья? —

8.

И берегомъ въ путь выѣзжаетъ морскимъ
Канутъ, безъ щита и безъ брони;
Три отрока ѣдутъ поодаль за нимъ,
Ихъ весело топаютъ кони.

9.

Пѣвецъ, что̀ посыланъ его пригласить,
Съ нимъ ѣдетъ по берегу рядомъ;
Тяжелую тайну клялся онъ хранить,
Съ опущеннымъ ѣдетъ онъ взглядомъ.

10.

Дыханіемъ теплымъ у моря весна
Чуть гривы коней ихъ шевелитъ,
На мокрый песокъ набѣгаетъ волна
И пѣну имъ подъ-ноги стелетъ.

11.

Но вотъ догоняетъ ихъ отрокъ одинъ,
Съ Канутомъ, снявъ шлыкъ, поровнялся:
— Ужъ намъ не вернуться ли, князь-господинъ?
Твой конь на ходу расковался! —

12.

— Пускай расковался! смѣется Канутъ,
Мягка намъ сегодня дорога,
Въ Роскильдѣ коня кузнецы подкуютъ,
У свата, я чаю, ихъ много! —

13.

Къ болоту тропа, загибаясь, ведётъ;
Надъ нимъ, куда око ни глянетъ,
Вечерній туманъ свои нити прядётъ
И сизыя полосы тянетъ.

14.

Отъ отроковъ вновь отдѣлился одинъ,
Равняетъ коня съ господиномъ:
— За этимъ туманищемъ, князь-господинъ,
Не видно твоей головы намъ! —

15.

— Пускай вамъ не видно моей головы —
Я, благо, живу безъ изъяна! —
Опять меня цѣлымъ увидите вы,
Какъ выѣдемъ мы изъ тумана!

16.

Въѣзжаютъ они во трепещущій боръ,
Весь полный весенняго крика;
Гремитъ соловьиный въ шиповникѣ хоръ,
Звѣздится въ травѣ земляника.

17.

Черёмухи вѣтви душистыя гнутъ,
Всѣ дикія яблони въ цвѣтѣ;
Ихъ запахъ вдыхаючи, мыслитъ Канутъ:
— Жить любо на божіемъ свѣтѣ!

18.

Украдкой пѣвецъ на него посмотрѣлъ,
И жалость его охватила:
Такъ веселъ Канутъ, такъ довѣрчивъ и смѣлъ,
Кипитъ въ немъ такъ молодо сила!

19.

Ужели сегодня во гробъ ему лечь,
Погибнуть въ подводѣ жестокомъ?
И хочется князя ему остеречь,
Спасти околичнымъ намёкомъ.

20.

Былину старинную онъ затянулъ,
Въ зеленомъ, пустынномъ просторѣ
Съ припѣвомъ дубравный сливается гулъ:
«Ой, море, ой, синее море!

21.

«Къ царевичу славному тёща и тесть
«Коварной исполнены злости,
«Измѣной хотятъ они зятя известь,
«Зовутъ его ласково въ гости.

22.

«Но морю, что̀, міръ обтекая, шумитъ,
«Извѣстно о ихъ заговорѣ:
«— Не ѣзди, царевичъ!—оно говоритъ —
«Ой, море, ой, синее море!

23.

«На вѣрную смерть ты пускаешься въ путь,
«Твой тесть погубить тебя хочетъ;
«Тотъ мечъ, что̀ онъ завтра вонзитъ тебѣ въ грудь
«Сегодня ужъ онъ его точитъ!

24.

«Страшенію моря царевичъ не внялъ,
«Не внялъ на великое горе,
«Спускаетъ ладью онъ на пѣнистый валъ —
«Ой, море, ой, синее море!

25.

«Плывётъ онъ на вѣрную гибель свою,
«Бѣды надъ собою не чаетъ,
«И скорбно его расписную ладью
«И нéхотя море качаетъ»...

26.

Пѣвецъ, въ ожиданіи, пѣсню прервалъ,
Украдкой глядитъ на Канута —
Безпечно тотъ ѣдетъ себѣ вперевалъ,
Рветъ вѣтви съ черёмухи гнутой;

27.

Значеніе пѣсни ему невдомёкъ,
Онъ веселъ, какъ былъ и съ почину;
И видя, какъ онъ отъ догадки далёкъ,
Пѣвецъ продолжаетъ былину:

28.

«Въ ладьѣ не вернулся царевичъ домой;
«Наслѣдную вотчину вскорѣ
«Сватья раздѣлили его межъ собой —
«Ой, море, ой, синее море!

29.

«У берега холмъ погребальный стоитъ,
«Никѣмъ не почтенъ, не стороженъ;
«Въ холмѣ томъ убитый царевичъ лежитъ,
«Въ ладью расписную положенъ;

30.

«Лежитъ съ погруженнымъ онъ въ сердцѣ мечомъ
«Не въ бармахъ, не въ царскомъ уборѣ,
«И тризну свершаетъ лишь море по немъ —
«Ой, море, ой, синее море!»

31.

Вновь очи пѣвецъ на Канута поднялъ:
Тотъ свѣжими клена листами
Гремучую сбрую коня разубралъ,
Утыкалъ очёлокъ цвѣтами;

32.

Глядитъ онъ на мошекъ толкущійся рой
Въ лучахъ золотого захода,
И мыслитъ, воздушной ихъ тѣшась игрой:
— Намъ ясная завтра погода!

33.

Былины значенье ему невдогадъ,
Онъ ѣдетъ съ весельемъ во взорѣ,
И самъ напѣваетъ, товарищу въ ладъ:
«Ой, море, ой, синее море!»

34.

Его не спасти! Ему смерть суждена,
Влечетъ его темная сила!
Дыханьемъ своимъ молодая весна,
Знать, разумъ его опьянила!

35.

Пѣвецъ замолчалъ. Что̀ свершится, о томъ
Яснѣй намекнуть онъ не смѣетъ —
Поютъ соловьи, заливаясь, кругомъ,
Шиповникъ пахучій алѣетъ.

36.

Не чуетъ погибели близкой Канутъ,
Онъ ѣдетъ къ бѣдѣ неминучей —
Кругомъ соловьи, заливаясь, поютъ,
Шиповникъ алѣетъ пахучій...

* * *

1.

Порой веселой мая,
По лугу вертограда,
Среди цвѣтовъ гуляя,
Самъ-другъ идутъ два Лада.

2.

Онъ—въ мурмолкѣ червленой,
Каменьемъ корзно шито,
Тесьмою золоченой
Вкрестъ голени обвиты.

3.

Она же—молодая,
Вся въ ткани серебристой,
Звенятъ на ней, сверкая,
Граненыя мониста,

4.

Блеститъ вѣнецъ наборный,
А хвостъ ея понявы,
Шурша фатой узорной,
Мететъ за нею травы.

5.

Ей весело, невѣстѣ.
— О, милый! молвитъ другу:
Не лѣпо ли намъ вмѣстѣ
Въ цвѣтахъ идти по лугу?

6.

И взоръ ея онъ встрѣтилъ,
И станъ ей обнялъ гибкой,
— О, милая! отвѣтилъ
Со страстною улыбкой:

7.

Здѣсь рай съ тобою сущій!
Во-истину все лѣпо!
Но этотъ садъ цвѣтущій
Засѣятъ скоро рѣпой!

8.

— Какъ быть такой невзгодѣ!
Воскликнула невѣста:
Ужели въ огородѣ
Для рѣпы нѣту мѣста?

9.

А онъ:—Моя ты Лада!
Есть мѣсто рѣпѣ, точно,
Но садъ испортить надо
Затѣмъ, что онъ цвѣточный!

10.

Она жъ къ нему:—Что̀-жъ будетъ
Съ кустами медвѣжины,
Гдѣ каждымъ утромъ будитъ
Насъ рокотъ соловьиный?

11.

— Кусты тѣ вырвать надо
Со всѣми ихъ корнями.
Индеекъ здѣсь, о, Лада,
Хотятъ кормить червями!

12.

Поднявъ свои рѣсницы,
Спросила тутъ невѣста:
— Ужель для этой птицы
Въ курятникѣ нѣтъ мѣста?

13.

— Какъ мѣсту-то не быти!
Но соловьевъ, о, Лада,
Скорѣе истребити
За безполезность надо!

14.

— А роща, гдѣ въ тѣни мы
Скрываемся отъ жара,
Ея, надѣюсь, мимо
Пройдетъ такая кара?

15.

— Ее порубятъ, Лада,
На зданіе такое,
Гдѣ бъ жирныя говяда
Кормились на жаркое;

16.

Иль даже выйдетъ проще,
О, жизнь моя, о, Лада,
И будетъ въ этой рощѣ
Свиней пастися стадо!

17.

— О, другъ ты мой единый!
Спросила тутъ невѣста:
Ужель для той скотины
Иного нѣту мѣста?

18.

— Есть много мѣста, Лада,
Но нашъ пріютъ тѣнистый
Затѣмъ изгадить надо,
Что въ немъ свѣжо и чисто.

19.

— Но кто же люди эти,
Воскликнула невѣста,
Хотящіе, какъ дѣти,
Чужое гадить мѣсто?

20.

— Чужимъ они, о, Лада,
Не многое считаютъ;
Когда чего имъ надо,
То тащатъ и хватаютъ.

21.

— Иль то матерьялисты,
Невѣста вновь спросила,
У коихъ трубочисты
Суть выше Рафаила?

22.

— Имъ имена суть многи,
Мой ангелъ серебристый,
Они жъ и демагоги,
Они жъ и анархисты.

23.

Толпы ихъ всѣ грызутся,
Лишь свой откроютъ форумъ,
И порознь всѣ клянутся
In verba вожакорумъ.

24.

Въ одномъ согласны всѣ лишь:
Коль у другихъ имѣнье
Отымешь да раздѣлишь,
Начнется вожделѣнье.

25.

Весь міръ желаютъ сгладить
И тѣмъ ввести равѐнство,
Что все хотятъ загадить
Для общаго блаженства.

26.

— Повѣдай, шутокъ кромѣ,
Спросила тутъ невѣста:
Имъ въ сумасшедшемъ домѣ
Ужели нѣту мѣста?

27.

— О, свѣтъ ты мой желанный,
Душа моя ты, Лада,
Ужъ очень имъ пространный
Построить домъ бы надо!

28.

Вопросъ: какимъ манеромъ
Такой имъ домъ построить?
Дозволить инженерамъ —
Премного будетъ стоить;

29.

А земству предоставить
На ихъ же иждивеньи —
То значило бъ оставить
Постройку безъ движенья!

30.

— О, другъ, что̀-жъ дѣлать надо,
Чтобъ не погибнуть краю?
— Такое средство, Лада,
Мнѣ кажется, я знаю:

31.

Чтобъ русская держава
Спаслась отъ ихъ затѣи,
Повѣсить Станислава
Всѣмъ вожакамъ на шеи!

32.

Тогда пойдетъ все гладко
И станетъ все на мѣсто.
— Но это средство гадко!
Воскликнула невѣста.

33.

— Ничуть не гадко, Лада,
Напротивъ, превосходно:
Народу безъ наклада,
Казнѣ жъ весьма доходно.

34.

— Но это средство скверно!
Сказала дѣва въ гнѣвѣ.
— Но это средство вѣрно!
Женихъ отвѣтилъ дѣвѣ.

35.

— Какъ ты безнравственъ, право!
Въ сердцахъ сказала дѣва:
Ступай себѣ направо,
А я пойду налѣво!

36.

И оба, вздѣвши длани,
Разстались разсержоны,
Она въ сребристой ткани,
Онъ въ мурмолкѣ червленой.

37.

— Къ чему жъ твоя баллада?
Иная спроситъ дѣва.
— О, жизнь моя, о, Лада,
Ей-ей, не для припѣва!

38.

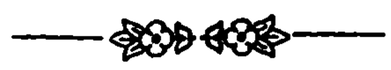
Нѣтъ, полнъ иного чувства,
Я вѣрю реалистамъ:
Искусство для искусства
Равняю съ птичьимъ свистомъ;

39.

Я, новому ученью
Отдавшись безъ раздѣла,
Хочу, чтобъ въ пѣснопѣньи
Всегда сквозило дѣло.

40.

Служите жъ дѣлу, струны!
Уймите праздный ропотъ!
Россійская коммуна,
Пріими мой первый опытъ!



ПОТОКЪ-БОГАТЫРЬ.

1.

Зачинается пѣсня отъ древнихъ затѣй,
Отъ веселыхъ пировъ и обѣдовъ,
И отъ русыхъ отъ косъ, и отъ черныхъ кудрей,
И отъ тѣхъ ли отъ ласковыхъ дѣдовъ,
Что̀ съ потѣхой охотно мѣшали дѣла,
Отъ ихъ времени пѣсня теперь повела,
Отъ того ль старорусскаго краю,
А чѣмъ кончится пѣсня—не знаю.

2.

У Владиміра-Солнышка праздникъ идётъ,
Пированье идетъ, ликованье,
Съ молодицами гридни ведутъ хороводъ,
Гуслей звонъ и кимваловъ бряцанье;
Молодицы что̀ свѣтлыя звѣзды горятъ,
И подъ топотъ подошвъ, и подъ пѣсенный ладъ,
Изгибаяся, ходятъ красиво,
Молодцы выступаютъ на диво.

3.

Но Потокъ-богатырь всѣхъ другихъ превзошелъ:
Взглянетъ—искрами словно обмечетъ;
Повернется направо—что̀ сизый орелъ,
Повернется налѣво—что̀ кречетъ:

Подвигается мѣрно и взадъ, и впередъ:
То притопнетъ ногою, то шапкой махнетъ,
То вдругъ станетъ, тряхнувши кудрями,
Пожимаетъ на мѣстѣ плечами.

4.

И дивится Владиміръ на стройную стать,
И дивится на свѣтлое око:
— Никому, говоритъ, на Руси не плясать
Супротивъ молодого Потока!
Но ужъ поздно—встаетъ со княгинею князь,
На̀-три стороны въ поясъ гостямъ поклонясь,
Всѣмъ желаетъ довольнымъ остаться —
Это значитъ: пора разставаться.

5.

И съ поклонами гости уходятъ домой,
И Владиміръ княгиню уводитъ,
Лишь одинъ остается Потокъ молодой,
Подбочася, по прежнему ходитъ:
То притопнетъ ногою, то шапкой махнетъ,
Не замѣтилъ онъ, какъ отошелъ хороводъ,
Не слыхалъ онъ Владиміра ласку,
Продолжаетъ по-прежнему пляску.

6.

Вотъ ужъ мѣсяцъ изъ-за̀-лѣсу кажетъ рога,
И туманомъ подернулись балки,
Вотъ и въ ступѣ поѣхала баба-яга,
И въ Днѣпрѣ заплескались русалки;
Въ Заднѣпровьи послышался лѣшаго вой,
По конюшнямъ дозоромъ пошелъ домовой,
На трубѣ вѣдьма по̀логомъ машетъ.
А Потокъ себѣ пляшетъ да пляшетъ.

7.

Сквозь царьградскія окна въ хоромную сѣнь
Смотрятъ свѣтлыя звѣзды, дивяся,
Какъ по бѣлымъ стѣнамъ богатырская тѣнь
Ходитъ взадъ и впередъ, подбочася.
Передъ самой зарей утомился Потокъ,
Подъ собой уже рѣзвыхъ не чувствуетъ ногъ,
На мостницы какъ снопъ упадаетъ,
На полтысячи лѣтъ засыпаетъ.

8.

Много сновъ ему снится въ полтысячи лѣтъ:
Видитъ славныя схватки и сѣчи,
Красныхъ дѣвицъ внимаетъ радушный привѣтъ
И съ боярами судитъ на вѣчѣ;
Или видитъ Владиміра вѣжливый дворъ,
За ковшами веселый ведетъ разговоръ,
Иль на ловлѣ со княземъ гуторитъ,
Иль въ совѣтѣ настойчиво споритъ.

9.

Пробудился Потокъ на Москвѣ на рѣкѣ,
Предъ собой видитъ теремъ дубовый,
Подъ узорнымъ окномъ, въ закутномъ цвѣтникѣ,
Распускается розанъ махровый.
Полюбился Потоку красивый цвѣтокъ,
И понюхать его норовится Потокъ,
Какъ въ окнѣ показалась царевна,
На Потока накинулась гнѣвно:

10.

— Шеромыжникъ, болванъ, неученый холопъ!
Чтобъ тебя въ турій рогъ искривило!
Поросёнокъ, телёнокъ, свинья, эѳіопъ,
Чортовъ сынъ, неумытое рыло!

Кабы только не этотъ мой дѣвичій стыдъ,
Что̀ иного словца мнѣ сказать не велитъ,
Я тебя, прощелыгу, нахала,
И не такъ бы еще обругала!

11.

Испугался Потокъ, не на шутку струхнулъ:
— Поскорѣй унести бы мнѣ ноги!
Вдругъ гремятъ тулумбасы, идетъ караулъ,
Гонитъ палками встрѣчныхъ съ дороги;
Ѣдетъ царь на конѣ, въ зипунѣ изъ парчи,
А кругомъ съ топорами идутъ палачи,
Его милость сбираются тѣшить:
Тамъ кого-то рубить или вѣшать.

12.

И во гнѣвѣ за мечъ ухватился Потокъ:
— Что̀ за ханъ на Руси своеволитъ?
Но вдругъ слышитъ слова:—То̀ земной ѣдетъ богъ
То̀ отецъ нашъ казнить насъ изволитъ!
И на улицѣ, сколько тамъ было толпы:
Воеводы, бояре, монахи, попы,
Мужики, старики и старухи —
Всѣ предъ нимъ повалились на брюхи.

13.

Удивляется притчѣ Потокъ молодой:
— Если князь онъ, иль царь напослѣдокъ,
Что̀ жъ метутъ они землю предъ нимъ бородой?
Мы честили князей, но не этакъ!
Да и полно, ужъ вправду ли я на Руси?
Отъ земного насъ бога Господь упаси!
Намъ Писаніемъ велѣно строго
Признавать лишь небеснаго Бога!

14.

И пытаетъ у встрѣчнаго онъ молодца:
— Гдѣ здѣсь, дядя, сбирается вѣче?
Но на томъ отъ испугу не видно лица:
— Чуръ меня, говоритъ, человѣче!
И пустился бѣжать отъ Потока бѣгомъ,
У того жъ голова заходила кругомъ,
Онъ на землю какъ снопъ упадаетъ,
Лѣтъ на триста еще засыпаетъ.

15.

Пробудился Потокъ на другой на рѣкѣ,
На какой—не припомнитъ преданье;
Погулявъ себѣ взадъ и впередъ въ холодкѣ,
Входитъ онъ во просторное зданье;
Видитъ: судьи сидятъ, и торжественно тутъ
Надъ преступникомъ гласный свершается судъ:
Несомнѣнны и тяжки улики,
Преступленья жъ довольно велики:

16.

Онъ отца отравилъ, пару тетокъ убилъ,
Взялъ подлогомъ чужое имѣнье,
Да двухъ братьевъ и трехъ дочерей задушилъ —
Ожидаютъ присяжныхъ рѣшенья.
И присяжные входятъ съ довольнымъ лицомъ:
— Хоть убилъ, говорятъ, не виновенъ ни въ чемъ!
Тутъ платками имъ слѣва и справа
Машутъ барыни съ криками: браво!

17.

И промолвилъ Потокъ:—Со присяжными судъ
Былъ обыченъ и нашему міру;
Но когда бы такой подвернулся намъ шутъ,
Въ триста кунъ заплатилъ бы онъ виру!

А сосѣди, косясь на него, говорятъ:
— Вишь какой затесался сюда ретроградъ!
Отсталой онъ, то видно по платью,
Притѣснять хочетъ мéньшую братью!

18.

Но Потокъ изъ ихъ словъ ничего не пойметъ
И въ другое онъ зданіе входитъ;
Тамъ какой-то аптекарь, не то патріотъ,
Предъ толпою ученье проводитъ:
Что, молъ, нѣту души, а одна только плоть,
И что если и впрямь существуетъ Господь,
То онъ только есть видъ кислорода,
Вся же суть въ безначальи народа.

19.

И увидя Потока, къ нему свысока
Патріотъ обратился сурово:
— Говори, уважаешь ли ты мужика?
Но Потокъ вопрошаетъ:—Какого?
— Мужика вообще, что̀ смиреньемъ великъ!
Но Потокъ говоритъ:—Есть мужикъ и мужикъ;
Если онъ не пропьетъ урожаю,
Я тогда мужика уважаю.

20.

— Феодалъ! закричалъ на него патріотъ:
Знай, что только въ народѣ спасенье!
Но Потокъ говоритъ:—Я вѣдь тоже народъ,
Такъ за что жъ для меня исключенье?
Но къ нему патріотъ:—Ты народъ, да не тотъ!
Править Русью призванъ только черный народъ;
То по старой системѣ всякъ равенъ,
А по нашей—лишь онъ полноправенъ!

21.

Тутъ всѣ подняли крикъ, словно дернулъ ихъ бѣсъ,
Угрожаютъ Потоку бѣдою;
Слышно: *почва*, *гуманность*, *коммуна*, *прогрессъ*,
И что *кто-то заѣденъ средою*.
Межъ собой вперерывъ, на подобье галчатъ,
Всѣ объ общемъ какомъ-то о дѣлѣ кричатъ,
И Потока съ язвительнымъ тономъ
Называютъ остзейскимъ барономъ.

22.

И подумалъ Потокъ:—Ужъ, Господь борони,
Не проснулся ли слишкомъ я рано?
Вѣдь вчера еще, лежа на брюхѣ, они
Обожали московскаго хана;
А сегодня велятъ мужика обожать.
Мнѣ сдается: такая потребность лежать
То предъ тѣмъ, то предъ этимъ на брюхѣ
На вчерашнемъ основана духѣ.

23.

Въ третій входитъ онъ домъ—и объялъ его страхъ:
Видитъ, въ длинной палатѣ вонючей,
Всѣ острижены вкругъ, въ сюртукахъ и въ очкахъ,
Собралися красавицы кучей.
Про какія-то женскія споря права,
Совершаютъ онѣ, засуча рукава,
Пресловутое общее дѣло:
Потрошатъ чье-то мертвое тѣло.

24.

Ужаснулся Потокъ, отъ красавицъ бѣжитъ,
А онѣ восклицаютъ ехидно:
— Ахъ, какой онъ *пошлякъ!* ахъ, какъ онъ *неразвитъ!*
Современности вовсе не видно!

Но Потокъ говоритъ, очутясь на дворѣ:
— То жъ бывало у насъ и на Лысой Горѣ,
Только вѣдьмы, хоть голы и босы,
Но по крайности есть у нихъ косы!

25.

И что̀ видѣть и слышать ему довелось:
И тотъ судъ, и о Богѣ ученье,
И въ сіяньи мужикъ, и дѣвицы безъ косъ —
Все приводитъ его къ заключенью:
— Много разныхъ бываетъ на свѣтѣ чудесъ;
Я не знаю, что̀ значитъ какой-то прогрессъ,
Но до здраваго русскаго вѣча
Вамъ еще, государи, далече!

26.

И такъ сдѣлалось гадко и тошно ему,
Что онъ на̀ земь какъ снопъ упадаетъ,
И подъ слово «прогрессъ», какъ въ чаду и дыму,
Лѣтъ на двѣсти еще засыпаетъ.
Пробужденья его мы теперь подождемъ,
Что̀, проснувшись, увидитъ, о томъ и споемъ,
А покудова онъ не проспится,
Наудачу намъ пѣть не годится.

27.

Но я слышу вопросъ: Для чего жъ онъ плясалъ
Да еще среди темной палаты?
И къ чему вообще тутъ Владиміра балъ?
Признаемся—кругомъ виноваты!
Но вѣдь еслибъ Потоку сперва не плясать,
То наврядъ ему такъ захотѣлось бы спать,
А морали когда еще надо,
То мораль: не плясать до упада.

28.

Впрочемъ, если внимательно все разберемъ.
Доля правды есть въ новомъ ученьи;
Напримѣръ, слово «почва» мнѣ нравится въ немъ,
Я отъ «почвы» совсѣмъ въ восхищеньи.
Нѣтъ сомнѣнья, что поретъ аптекарей рой
Вообще чепуху—но бываютъ порой
И въ навозѣ жемчужныя зёрна:
«Почва» жъ гадитъ намъ—это безспорно.

29.

Не довольно, во-первыхъ, она горяча;
Во-вторыхъ, не довольно кремниста;
Поискать бы другой, чтобъ уже горе съ плеча!..
— Стой! я слышу: нечисто, нечисто!
Изъ былиннаго тона ты выпалъ давно! —
Ну, воротимся къ тону, для насъ все равно,
Понутру намъ полетъ соколиный —
Ахъ, ты гой-еси, наша былина!

30.

Ахъ, ты гой-еси Кіевъ, родимый нашъ градъ,
Что лежитъ на пути ко Царьграду!
Зачинали мы пѣсню на старый на ладъ,
Такъ ужъ кончимъ по старому ладу!
Ахъ, ты гой-еси, Кіевъ родимый нашъ градъ!
Во тебѣ ли Потокъ пробудиться не радъ!
Али, почвы ужъ новыя ради,
Пробудиться ему во Царьградѣ

ПѢСНЯ

О ГАРАЛЬДѢ И ЯРОСЛАВНѢ.

1.

Гаральдъ въ боевое садится сѣдло,
Покинулъ онъ Кіевъ державный,
Вздыхаетъ дорогою онъ тяжело:
— Звѣзда ты моя, Ярославна!

2.

Надеждъ навсегда миновала пора,
Твой слышалъ, княжна, приговоръ я,
Узнаютъ же вѣсъ моего топора
Отъ края до края поморья!

3.

И Русь оставляетъ Гаральдъ за собой,
Плыветъ онъ размыкивать горе
Туда, гдѣ арабы съ норманнами бой
Ведутъ на землѣ и на морѣ.

4.

Въ Мессинѣ онъ имъ показалъ свой напоръ,
Онъ рубитъ ихъ въ битвѣ неравной
И громко взываетъ, подъемля топоръ:
— Звѣзда ты моя, Ярославна!

5.

Даетъ себя знать онъ и грекамъ въ бою,
И Генуи выходцамъ вольнымъ,
Онъ нà морѣ бьётся, ладья о ладью,
Но мысль его въ Кіевѣ стольномъ.

6.

Летаетъ онъ пò морю сизымъ орломъ,
Онъ чайкою въ буряхъ пируетъ.
Трещатъ корабли подъ его топоромъ —
По Кіеву сердце тоскуетъ.

7.

Веселая то для дружины пора,
Гаральдовой славѣ нѣтъ равной —
Но въ мысли—спокойныя воды Днѣпра,
Но въ сердцѣ—княжна Ярославна.

8.

Нѣтъ, видно, ему не забыть ужъ о ней,
Не вымучить счастья иного —
И круто онъ бѣгъ повернулъ кораблей,
И къ сѣверу гонитъ ихъ снова.

9.

Онъ нá берегъ вышелъ, онъ сѣлъ на коня
Онъ въ зелени ѣдетъ дубравной —
— Полюбишь ли, дѣвица, нынѣ меня
Звѣзда ты моя, Ярославна?

10.

И въ Кіевъ онъ стольный въѣзжаетъ, крестясь
Тамъ, гостя радушно встрѣчая,
Выходитъ изъ терема ласковый князь,
А съ нимъ и княжна молодая.

11.

— Здорово, Гаральдъ! Разскажи, изъ какой
На Русь воротился ты дали?
Замѣшкался долго въ землѣ ты чужой,
Давно мы тебя не видали!

12.

— Я, княже, уѣхалъ, любви не стяжавъ,
Уѣхалъ безвѣстный и бѣдный,
Но нынѣ къ тебѣ, государь Ярославъ,
Вернулся я въ славѣ побѣдной!

13.

Я городъ Мессину въ разоръ разорилъ,
Разграбилъ поморье Царьграда,
Ладьи жемчугомъ по края нагрузилъ,
А тканей—и мѣрить не надо!

14.

Ко древнимъ Аѳинамъ, какъ воронъ, молва
Неслась предъ ладьями моими,
На мраморной лапѣ пирэйскаго льва
Мечомъ я насѣкъ мое имя!

15.

Прибрежья, гдѣ черный мой стягъ прошумѣлъ,
Сикилія, Понтъ и Эллада,
Во вѣкъ не забудутъ Гаральдовыхъ дѣлъ,
Набѣговъ Гаральда Гардрада!

16.

Какъ вихорь обмелъ я окрайны морей,
Нигдѣ моей славѣ нѣтъ равной —
Согласна ли нынѣ назваться моей,
Звѣзда ты моя, Ярославна?

17.

Въ Норвегіи праздникъ веселый идетъ:
Весною, при плескѣ народа,
Въ ту пору, какъ алый шиповникъ цвѣтетъ,
Вернулся Гаральдъ изъ похода.

18.

Цвѣтами его корабли обвиты,
Отъ сѣчъ отдыхаютъ варяги,
Червлёные берегъ покрыли щиты
И съ черными вранами стяги.

19.

Въ ладьяхъ отовсюду къ шатрамъ парчевымъ
Причалили вѣщіе скальды,
И славятъ на арфахъ, одинъ за другимъ,
Возвратъ удалого Гаральда.

20.

А самъ онъ, у моря, съ веселымъ лицомъ,
Въ хламидѣ и въ свѣтлой коронѣ,
Норвежскимъ избранный отъ всѣхъ королемъ,
Сидитъ на возвышенномъ тронѣ.

21.

Отборныхъ и гридней, и отроковъ рой
Властителю служитъ уставно;
Въ царьградскомъ нарядѣ, въ коронѣ златой,
Съ нимъ рядомъ сидитъ Ярославна.

22.

И къ ней обращаясь, Гаральдъ говоритъ,
Съ любовью въ сіяющемъ взорѣ:
— Все, что̀ предъ тобою цвѣтетъ и блеститъ,
И берегъ, и синее море,

23.

Цвѣтами убра̀нные тѣ корабли,
И грозныя за́мковъ твердыни,
И людныя веси Норвежской земли,
И все, чѣмъ владѣю я нынѣ,

24.

И слава, добытая въ долгой борьбѣ,
И самый вѣнецъ мой державный,
И все, чѣмъ я бранной обязанъ судьбѣ —
Все то̀ я добылъ лишь на вѣно тебѣ,
Звѣзда ты моя, Ярославна!

ПѢСНЯ

О ПОХОДѢ ВЛАДИМІРА НА КОРСУНЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1.

— Добро! сказалъ князь, когда выслушалъ онъ
Ѹлики царьградскаго мниха,
Тобою, отецъ, я теперь убѣжденъ;
Виновенъ, что мужемъ былъ столькихъ я жёнъ,
Что жилъ и безпутно, и лихо,

2.

Что богомъ мнѣ былъ то Перунъ, то Велесъ,
Что силою взялъ я Рогнѣду;
Досель надо мною, знать, тѣшился бѣсъ,
Но мракъ ты разсѣялъ--и я въ Херсонесъ
Креститься, въ раскаяньи, ѣду.

3.

Царьградскій философъ и мнихъ тому радъ,
Что хочетъ Владиміръ креститься:
— Смотри жъ, говоритъ, для небесныхъ наградъ
Чтобъ въ райскій, по смерти, войти вертоградъ,
Ты долженъ душою смириться.

4.

— Смирюсь, говоритъ ему князь, я готовъ —
Но только смирюсь безъ урону!
Спустить въ Черторой десять сотенъ струговъ;
Коль выкупъ добуду съ корсунскихъ купцовъ,
Я города пальцемъ не трону!

5.

Готовы струги, паруса подняты,
Плывутъ къ Херсонесу варяги;
Поморье, гдѣ южные рдѣютъ цвѣты,
Червлёные вскорѣ покрыли щиты
И съ русскими вранами стяги.

6.

И князь повѣщаетъ корсунцамъ:—Я здѣсь!
Сдавайтесь, прошу васъ смиренно,
Не то, не взыщите, собью вашу спѣсь
И городъ по камнямъ размыкаю весь —
Креститься хочу непремѣнно!

7.

Увидѣли греки въ заливѣ суда,
У стѣнъ ужъ дружина толпится,
Пошли толковать и туда, и сюда:
— Настала, какъ есть, христіанамъ бѣда:
Пріѣхалъ Владиміръ креститься!

8.

И преній-то съ нами не станетъ держать,
Въ риторикѣ онъ ни бельмеса;
А просто обложитъ насъ русская рать
И будетъ, пожалуй, три года стоять
Да грабить края Херсонеса!

9.

И въ мудрости тотчасъ рѣшаетъ сенатъ,
Чтобъ русскимъ отверзлись ворота;
Владиміръ пріему радушному радъ,
Вступаетъ съ дружиной въ испуганный градъ
И молвитъ сенату:—Ну, то-то!

10.

И шлетъ въ Византію пословъ ко двору:
— «Цари Константинъ да Василій!
«Смиренно я сватаю вашу сестру,
«Не то васъ обоихъ дружиной припру,
«Такъ вступимъ въ родство безъ насилій!»

11.

И вотъ, императоры держатъ совѣтъ,
Толкуютъ въ палатѣ престольной;
Имъ плохо пришлося, имъ выбора нѣтъ,
Владиміру шлютъ поскорѣе отвѣтъ:
— «Мы очень тобою довольны;

12.

«Крестися и къ намъ пріѣзжай въ добрый часъ,
«Тебя повѣнчаемъ мы съ Анной!»
Но онъ къ императорамъ:—«Вотъ тебѣ разъ!
«Вы шутите, что-ли? Такая отъ васъ
«Мнѣ исповѣдь кажется странна;

13.

«Къ вамъ ѣхать отсюда какая мнѣ стать?
«Чего не видалъ я въ Царьградѣ?
«Царевну намѣренъ я здѣсь ожидать,
«Не то приведу я вамъ цѣлую рать,
«Коль видѣть меня вы такъ рады!»

14.

Что̀ дѣлать съ Владиміромъ? Вынь да положь!
Креститься хочу да жениться!
Не лѣзть же царямъ, въ самомъ дѣлѣ, на ножъ!
Пожали плечами и молвятъ:—Ну, что-жъ!
Приходится ѣхать, сестрица!

15.

Корабль для нея снаряжаютъ скорѣй,
Узорныя ладятъ вѣтрила,
Со причтомъ на палубѣ ждетъ архирей,
Сверкаетъ на солнцѣ парча стихарей,
Звенятъ и дымятся кадила.

16.

Въ печали великой по сходнѣ крутой
Царевна взошла молодая,
Прислужницы дѣву накрыли фатой,
И волны запѣнилъ корабль золотой,
Босфора лазурь разсѣкая.

17.

Увидѣлъ Владиміръ вдали паруса,
И хмурыя брови раздвинулъ;
Почуялась сердцу невѣсты краса,
Онъ гребнемъ свои расчесалъ волоса,
И корзно княжое накинулъ.

18.

На пристань онъ сходитъ царевну встрѣчать,
И ликъ его свѣтелъ и веселъ.
За нимъ вся корсуньская слѣдуетъ знать,
И руку спѣшитъ онъ царевнѣ подать,
И въ поясъ поклонъ ей отвѣсилъ.

19.

И шествуютъ рядомъ другъ съ другомъ они,
Въ одеждахъ блестящихъ и длинныхъ;
Каменья оплечій горятъ какъ огни,
Идутъ подъ навѣсомъ шелковымъ, въ тѣни,
Къ собору, вдоль улицъ старинныхъ.

20.

И молвитъ тамъ, голову князь преклоня:
— Клянуся я въ вашемъ синклитѣ
Дружить Византіи отъ этого дня,
Крестите жъ, отцы-іереи, меня,
Да, чуръ, по уставу крестите!

21.

Свершился въ соборѣ крещенья обрядъ,
Свершился обрядъ обвѣнчанья,
Идетъ со княгиней Владиміръ назадъ,
Вдоль улицъ старинныхъ до свѣтлыхъ палатъ,
Кругомъ ихъ толпы ликованье.

22.

Сидятъ за честны́мъ они рядомъ столомъ,
И вотъ, когда звонъ отзвонили,
Владиміръ взялъ чашу съ хіосскимъ виномъ:
— Хочу, чтобъ меня поминали добромъ
Шурья Константинъ да Василій!

23.

— То правда ль, слышалъ, замкнули Босфоръ
Дружины какого-то Ѳоки?
— Во истину правда!—отвѣтствуетъ дворъ.
— Но кто жъ этотъ Ѳока?—Мятежникъ и воръ
— Отдѣлать его на всѣ боки!

24.

Отдѣлали русскіе Ѳоку какъ разъ;
Цари Константинъ и Василій
По цѣлой имперіи пишутъ приказъ:
«Владиміръ-де насъ отъ погибели спасъ,
«Его чтобъ всѣ люди честили!»

25.

И князь говоритъ:—Я построю вамъ храмъ
На память, что здѣсь я крестился,
А городъ Корсунь возвращаю я вамъ,
И выкупъ обратно всецѣло отдамъ
Занѐ я душою смирился!

26.

Застольный гремитъ, заливаяся, хоръ,
Шипучія пѣнятся вина,
Веселіемъ блещетъ Владиміра взоръ,
И строить готовится новый соборъ
Крещеная съ княземъ дружина.

27.

Привозится яшма водой и гужомъ,
И мраморъ привозится бѣлый,
И быстро Господень возносится домъ,
И ярко на полѣ горятъ золотомъ
Иконы муссійскаго дѣла.

28.

И взапуски князя синклитъ и сенатъ,
И сколько тамъ грековъ ни сталось,
Всю зиму пирами честятъ да честятъ,
Но молвитъ Владиміръ:—Пора мнѣ назадъ,
По Кіевѣ мнѣ встосковалось!

29.

— Вы, отроки-други, спускайте ладьи,
Трубите дружинѣ къ отбою,
Кленовыя весла берите свои;
Ужъ въ Кіевѣ, чаю, поютъ соловьи
И въ рощахъ запахло весною!

30.

Весна, мнѣ невѣдомыхъ полная силъ,
И въ сердцѣ моемъ зеленѣетъ;
Что̀ нудою я и́ насильемъ добылъ,
Чѣмъ самъ овладѣть я оружіемъ мнилъ,
То мною всесильно владѣетъ!

31.

Спускайте жъ ладьи, бо и ночью, и днемъ,
Я гласу немолчному внемлю:
Велитъ онъ въ краю намъ не мѣшкать чужомъ
Да свѣтъ, озаряющій насъ, мы внесемъ
Торжественно въ Русскую землю!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1.

По лону Днѣпровскихъ сіяющихъ водъ,
Гдѣ, празднуя жизни отраду,
Весной все гремитъ, и цвѣтетъ, и поетъ,
Владиміръ съ дружиной обратно плыветъ
Ко стольному Кіеву-граду.

2.

Все звонкое птаство летаетъ кругомъ,
Ликуючи въ тысячу глотокъ,
А князь многодумнымъ поникнулъ челомъ,
Свершился въ могучей душѣ переломъ,
И взоръ его миренъ и кротокъ.

3.

Забыла княгиня и слезы, и страхъ;
Одеждой алмазной блистая,
Глядитъ она, съ юнымъ весельемъ въ очахъ,
Какъ много пестрѣетъ цвѣтовъ въ камышахъ,
Какъ плещется лебедей стая,

4.

Какъ рощи на встрѣчу несутся ладьямъ,
Какъ берегъ проносится мимо,
И, ликъ наклоняя къ зеркальнымъ водамъ,
Глядитъ, какъ ея отражается тамъ
Изъ камней цвѣтныхъ діадима.

5.

Великое слово корсунцамъ храня,
Князь нѐ взялъ съ нихъ денегъ повинныхъ,
Но городъ поднесъ ему, въ честь того дня,
Изъ бронзы коринѳской четыре коня
И статуй немало старинныхъ.

6.

И кони, и бѣлыя статуи тутъ,
Надъ поѣздомъ выся громаду,
Стоймя на ладьяхъ, неподвижны, плывутъ,
И волны Днѣпра ихъ, дивуясь, несутъ
Ко стольному Кіеву-граду.

7.

Плыветъ и священства, и дьяконства хоръ
Съ ладьею Владиміра рядомъ;
Для Кіева синій покинувъ Босфоръ,
Они оглашаютъ Днѣпровскій просторъ
Уставнымъ демественнымъ ладомъ.

8.

Когда жъ умолкаетъ священный канонъ,
Запѣвъ зачинаютъ дружины,
И съ разныхъ кругомъ раздаются сторонъ
Завѣтныя пѣсни минувшихъ временъ
И дней богатырскихъ былины.

9.

Такъ вверхъ по Днѣпру, по широкой рѣкѣ,
Плывутъ ихъ ладей вереницы,
И вотъ передъ ними, по лѣвой рукѣ,
Все выше и выше растетъ вдалекѣ
Градъ Кіевъ съ горой Щековицей.

10.

Владиміръ съ княжого сѣдалища всталъ,
Прервалось весельщиковъ пѣнье,
И мигъ тишины и молчанья насталъ,
И князю, въ сознаніи новыхъ началъ,
Открылося новое зрѣнье:

11.

Какъ сонъ, вся минувшая жизнь пронеслась,
Почуялась правда Господня;
И брызнули слезы впервые изъ глазъ,
И мнится Владиміру: въ первый онъ разъ
Свой городъ увидѣлъ сегодня.

12.

Народъ издалёка ихъ поѣздъ узнавъ,
Столпился на берегъ, и много,
Скитавшихся робко безъ крова и правъ,
Пришло христіанъ изъ пещеръ и дубравъ,
И славятъ Спасителя Бога.

13.

И палъ на дружину Владиміра взоръ:
— Вамъ, други, доселѣ со мною
Стяжали побѣды лишь мечъ да топоръ,
Но время настало,—и мы съ этихъ поръ
Сильны еще силой иною!

14.

Что̀ смутно въ душѣ мнѣ сказалось моей,
То ясно вы нынѣ познайте:
Дни правды дороже воинственныхъ дней!
Гребите же, други, гребите сильнѣй,
На весла дружнѣй налегайте!

15.

Вспипѣла подъ полозомъ, пѣнясь, вода,
Отхлынувъ, о берегъ забила,
Стянулася быстро ладей череда,
Переднія въ пристань вбѣжали суда,
И съ шумомъ упали вѣтрила.

16.

И на̀-берегъ вышелъ, душой возрождёнъ,
Владиміръ для новой державы,
И въ Русь милосердія внесъ онъ законъ —
Дѣла стародавнихъ, далекихъ временъ,
Преданья невянущей славы!

РУГЕВИТЪ.

1.

Надъ древними подъемляся дубами,
Онъ островъ нашъ отъ недруговъ стерегъ;
Въ войну и миръ равно честимый нами,
Онъ зорко вкругъ глядѣлъ семью главами,
Нашъ Ругевитъ, непобѣдимый богъ.

2.

Курился дымъ ему отъ благовоній,
Его алтарь былъ зеленью обвитъ,
И много разъ, на кучахъ вражьихъ броней,
У ногъ своихъ закланныхъ видѣлъ Доней
Нашъ грозный богъ, нашъ славный Ругевитъ.

3.

Въ годину бурь, крушенья избѣгая,
Шли корабли подъ сѣнь его меча;
Онъ для своихъ защита былъ святая,
И ласточекъ довѣрчивая стая
Въ его брадахъ гнѣздилась, щебеча.

4.

И мнили мы: жрецы твердятъ не даромъ,
Что если врагъ попретъ его порогъ,
Онъ оживетъ, и вспыхнетъ взоръ пожаромъ,
И семь мечей подыметъ въ гнѣвѣ яромъ
Нашъ Ругевитъ, нашъ оскорбленный богъ.

5.

Такъ мнили мы; но роковая сила
Ужъ обрекла насъ участи иной.
Мы помнимъ день: заря едва всходила,
Нежданныя къ намъ близились вѣтрила,
Могучій врагъ на Ругу шелъ войной.

6.

То русскаго шелъ правнукъ Мономаха,
Владиміръ шелъ въ главѣ своихъ дружинъ,
На Ругичанъ онъ первый шелъ безъ страха,
Король Владиміръ, правнукъ Мономаха,
Варяговъ князь и Доней властелинъ.

7.

Мы помнимъ бой, гдѣ мы не устояли,
Гдѣ Яроміръ Владиміромъ разбитъ;
Мы помнимъ день, гдѣ наши боги пали,
И затрещалъ подъ звономъ вражьей стали,
И рухнулся на землю Ругевитъ.

8.

Четырнадцать воловъ, привычныхъ къ плугу,
Дубовый вѣсъ стащить едва могли;
Рога склонивъ, дымяся отъ натугу,
Подъ свистъ бичей, они его по лугу
При громкихъ крикахъ Доней волокли.

9.

И на него взошедъ, съ крестомъ въ десницѣ,
Держась за свой, вонзенный въ бога мечъ,
Епископъ Свенъ, какъ вождь на колесницѣ,
Такъ отъ воротъ разрушенной божницы
До волнъ морскихъ себя заставилъ влечь.

10.

И къ берегу, рыдая, всѣ бѣжали,
Мужи и старцы, женщины съ дѣтьми;
Былъ вой кругомъ. Въ неслыханной печали:
«Встань, Ругевитъ!» мы вслѣдъ ему кричали:
«Воспрянь, нашъ богъ, и Доней разгроми!»

11.

Но онъ не всталъ. Гдѣ, объ утесъ громадный
Дробясь, кипитъ и пѣнится прибой,
Онъ съ крутизны низвергнутъ безпощадно;
Всплеснувъ, валы его схватили жадно
И унесли, крутя передъ собой.

12.

Такъ поплылъ прочь отъ нашего онъ края
И отомстить врагамъ своимъ не могъ.
Дивились мы, другъ друга вопрошая:
«Гдѣ жъ мощь его? Гдѣ власть его святая?
«Нашъ Ругевитъ ужели былъ не богъ?»

13.

И пробудясь отъ перваго испугу,
Мы не нашли былой къ нему любви,
И разошлись въ раздуміи по лугу,
Сказавъ: «Плыви, въ бѣдѣ не спасшій Ругу,
Дубовый богъ! Плыви себѣ, плыви!»

САДКО.

1.

Сидитъ у царя водяного Садко́
И съ думою смотритъ печальной,
Какъ моря пучина надъ нимъ высоко
Синѣетъ сквозь теремъ хрустальный;

2.

Тамъ ходятъ, какъ тѣни, надъ нимъ корабли,
Товарищи тамъ его ищутъ,
Тамъ берегъ остался цвѣтущей земли,
Тамъ птицы порхаютъ и свищутъ;

3.

А здѣсь на него любопытно глядитъ
Бѣлуга, глазами моргая,
Иль мелкими искрами мимо бѣжитъ
Снетковъ серебристая стая.

4.

Куда онъ ни взглянетъ—все синяя гладь,
Все воду лишь видитъ да воду,
И пѣсни усталъ онъ на гусляхъ играть
Царю водяному въ угоду.

5.

А царь, улыбаясь, ему говоритъ:
— Садко̀, мое милое чадо,
Повѣдай, зачѣмъ такъ печаленъ твой видъ?
Скажи мнѣ, чего тебѣ надо?

6.

Кутья ли съ шафраномъ моя не вкусна?
Блины съ инбиремъ не жирны ли?
Аль въ чемъ непривѣтна царица-жена?
Аль дочери чѣмъ досадили?

7.

Смотри, какъ алмазы здѣсь ярко горятъ!
Какъ много здѣсь яхонтовъ алыхъ!
Сокровищъ ты столько нашелъ бы наврядъ
Въ хвалёныхъ софійскихъ подвалахъ!

8.

— Ты, гой-еси, царь-государь водяной,
Морское пресвѣтлое чудо!
Я много доволенъ твоею женой
И мнѣ отъ царевенъ не худо;

9.

Вкусны и кутья, и блины съ инбиремъ,
Одно, государь, мнѣ обидно:
Куда ни посмотришь, все мокро кругомъ,
Сухого мѣстечка не видно.

10.

Что̀ пользы мнѣ въ томъ, что сокровищъ полны
Подводныя эти хоромы!
Увидѣть бы мнѣ хотя бъ зелень сосны,
Прилечь хоть на ворохъ соломы!

11.

Богатствомъ своимъ ты меня не держи;
Всѣ роскоши эти и нѣги
Я бъ отдалъ за крикъ перепелки во ржи,
За скрипъ новгородской телѣги!

12.

Давно такъ не видно мнѣ божьяго дня,
Мнѣ запаху здѣсь—только тина;
Хоть дегтемъ повѣяло бъ разъ на меня,
Хоть дымомъ курного овина!

13.

Когда же я вспомню, что этой порой
Весна на землѣ расцвѣтаетъ,
И самъ ужъ не знаю, что́ станетъ со мной:
За сердце вотъ такъ и хватаетъ!

14.

Теперь у насъ пляски въ лѣсу молодомъ,
Забыты и стужа, и слякоть —
Когда я подумаю только о томъ,
Отъ грусти мнѣ хочется плакать!

15.

Теперь, чай, и птица, и всякая звѣрь,
У насъ на землѣ веселится;
Сквозь листъ прошлогодній пробившись теперь,
Синѣетъ въ лѣсу медуница!

16.

Во свѣжемъ, въ зеленомъ, въ лѣсу молодомъ
Березой душистою пахнетъ —
И сердце во мнѣ, лишь помыслю о томъ,
Съ тоски изнываетъ и чахнетъ!

17.

— Садко̀, мое чадо, городишь ты вздоръ,
Земля нестерпима отъ зною;
Я въ этомъ сошлюся на цѣлый мой дворъ —
Всегда онъ согласенъ со мною.

18.

Мой теремъ есть моря великаго путь,
Твой жеребій, стало быть, свѣтелъ;
А ты непонятливъ, несвѣдущъ и глупъ,
Я это давно ужъ замѣтилъ.

19.

Ты въ думѣ пригоденъ моей засѣдать,
Твою возвеличу я долю,
И санъ водяного совѣтника дать
Тебѣ непремѣнно изволю!

20.

— Ты, гой-еси, царь-государь водяной,
Премного тебѣ я обязанъ,
Но почести я недостоинъ морской,
Ужъ очень къ землѣ я привязанъ.

21.

Бывало, не все тамъ нордвилось мнѣ,
Не по̀-сердцу было иное;
Съ тѣхъ поръ же, какъ я очутился на днѣ,
Мнѣ все стало мило земное;

22.

Припомнился пёсъ мнѣ, и грязенъ, и хилъ,
Въ репьяхъ и въ сору извалялся;
На пиръ я въ ту пору, на званый, спѣшилъ,
А онъ мнѣ подъ ноги попался;

23.

Брюзгливо взглянувъ, я его отогналъ,
Ногой оттолкнулъ его гордо —
Вотъ этого пса я бъ теперь цѣловалъ
И въ темя, и въ очи, и въ морду;

24.

— Садко́, мое чадо, на кую ты стать
О псѣ вспоминаешь сегодня?
Зачѣмъ тебѣ грязнаго пса цѣловать?
На то мои дочки пригоднѣй.

25.

Во истину, чѣмъ бы ты имъ не женихъ?
Я вижу, хоть въ усъ и не дую,
Пошла за тебя бы любая изъ нихъ —
Бери жъ себѣ въ жёны любую!

26.

— Ты, гой-еси, царь-государь водяной,
Морское пресвѣтлое чудо!
Боюся, отъ брака съ такою женой
Не вышло бъ душѣ моей худо!

27.

Не спорю, онѣ у тебя хороши,
И цвѣтъ ихъ очей изумрудный;
Но только колючи онѣ какъ ерши,
Намъ было бъ сожительство трудно.

28.

Я тѣмъ не порочу твоихъ дочерей,
Но я бы не то̀, что любую,
А всѣхъ ихъ сейчасъ промѣнялъ бы, ей-ей,
На первую дѣвку рябую!

29.

— Садко́, мое чадо, ужъ очень ты грубъ,
Не нравится рѣчь мнѣ такая;
Когда бы твою не цѣнилъ я игру бъ,
Ногой тебѣ далъ бы пинка я.

30.

Но печени какъ-то сегодня свѣжо,
Веселье въ утробѣ я чую;
О свадьбѣ твоей потолкуемъ ужо,
Теперь же сыграй плясовую!

31.

Ударилъ Садко́ по струнамъ трепака,
Самъ къ чорту шлетъ царскую ласку,
А царь, ухмыляясь, упёрся въ бока,
Готовится, дрыгая, въ пляску.

32.

Сперва лишь на мѣстѣ поводитъ усомъ,
Щетинистой бровью киваетъ;
Но вотъ запыхтѣлъ и надулся какъ сомъ,
Все болѣ его разбираетъ.

33.

Похаживать началъ, плечьми шевеля,
Подпрыгивать мимо царицы,
Да вдругъ какъ пойдетъ выводить вензеля,
Такъ всѣ затряслись половицы.

34.

— Ну, мыслитъ Садко́, я тебя заморю!
Съ досады быстрѣй онъ играетъ,
Но какъ ни частитъ, водяному царю
Все болѣе силъ прибываетъ.

35.

Пустился на-вывертъ пятами мѣсить,
Закидывать ногу за ногу —
Откуда взялася, подумаешь, прыть?
Глядѣть индо страшно, ей-Богу!

36.

Бояре въ испугѣ ползутъ окарачь,
Царица присѣла ажъ на̀-полъ,
Пищатъ-инъ царевны, а царь себѣ вскачь
Знай чешетъ ногами оба̀-полъ.

37.

То, выпятя грудь, на придворныхъ онъ претъ,
То, скорчившись, пятится бокомъ,
Ломаетъ колѣнца и взадъ, и впередъ,
Валяетъ загрёбомъ и скокомъ.

38.

И все веселѣй и привольнѣй ему,
Колѣнца выходятъ все круче —
Темнѣе становится все въ терему,
Надъ моремъ сбираются тучи...

39.

Но шибче играетъ Садко̀, осерча,
Сжавъ зубы и брови нахмуря,
Онъ злится, онъ дергаетъ струны сплеча —
Вверху подымается буря...

40.

Вотъ дальними грянулъ раскатами громъ,
Сверкнуло въ пучинномъ просторѣ,
И огненнымъ свѣтомъ зардѣла кругомъ
Глубокая пра̀-зелень моря.

41.

Вотъ крики послышались тамъ высоко:
То гибнутъ пловцы съ кораблями...
Отчаяннѣй бьетъ пятернями Садко̀,
Царь бѣшенѣй мѣситъ ногами!

42.

Въ присядку понесъ его чортъ ходуномъ,
Онъ фыркаетъ, пышетъ и дуетъ,
Гремитъ плясовая, колеблется домъ,
И море реветъ и бушуетъ...

43.

И вотъ пузыри отъ подстѣнья пошли,
Садко̀ уже видитъ сквозь стѣны:
Разбитые ко̀-дну летятъ корабли,
Крутятся средь ила и пѣны;

44.

Онъ видитъ: морякъ не одинъ потонулъ,
Въ немъ сердце исполнилось жали,
Онъ сильною хваткой за струны рванулъ —
И, лопнувъ, онѣ завизжали.

45.

Споткнувшись на мѣстѣ, сталъ царь водяной,
Ногою подъятой болтая:
— Никакъ подшутилъ ты, Садко̀, надо мной?
Противна мнѣ шутка такая!

46.

Не въ пору, невѣжа, ты струны порвалъ,
Какъ разъ когда я расплясался!
Такого колѣна никто не видалъ,
Какое я дать собирался!

47.

Зачѣмъ здоровѣе ты струнъ не припасъ?
Какъ буду теперь безъ музы́ки?
Аль ты, неумытый, плясать въ сухоплясъ
Велишь мнѣ, царю и владыкѣ?

48.

И плёсомъ чешуйнымъ въ потылицу царь
Хватилъ его, ярости полный,
И вотъ завертѣлся Садко́ какъ кубарь,
И вверхъ понесли его волны...

49.

Сидитъ въ Новѣградѣ Садко́ невредимъ,
Съ нимъ вящіе всѣ уличане;
На скатерти бранной шипитъ передъ нимъ
Вино въ венецейскомъ стаканѣ.

50.

Степенный посадникъ и тысяцкій тутъ,
И старыхъ посадниковъ двое,
И съ ними кончанскіе старосты пьютъ
Здоровье Садку́ круговое.

51.

— Повѣдай, Садко́, уходилъ ты куда?
На чудскую Емь, аль на Балты?
Гдѣ бросилъ свои расшивныя суда?
И бе́зъ вѣсти гдѣ пропадалъ ты?

52.

Поетъ и на гусляхъ играетъ Садко́,
Поетъ про царя водяного:
Какъ было тамъ жить у него нелегко,
И какъ ужъ онъ пляшетъ здорово;

53.

Поетъ про походъ, безъ утайки, про свой,
Какая чему была чѐредь —
Качаютъ въ сомнѣніи всѣ головой,
Не могутъ разсказу повѣрить.

СВАТОВСТВО.

1.

По вешнему по складу
Мы пѣсню завели,
Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

2.

Повѣдай, пѣсня наша,
На весь на русскій край,
Что мѣсяцевъ всѣхъ краше
Веселый мѣсяцъ май!

3.

Въ лѣсахъ, въ поляхъ отрада,
Всѣ вербы расцвѣли,
Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

4.

Затѣмъ такъ бодръ и веселъ
Владиміръ, старый князь,
На подлокотни креселъ
Сидитъ облокотясь.

5.

И съ нимъ, блестя нарядомъ,
Въ красѣ сѣдыхъ кудрей,
Сидитъ княгиня рядомъ
За пряжей за своей.

6.

Кружась, жужжитъ и пляшетъ
Ея веретено,
Черемухою пашетъ
Въ открытое окно.

7.

И тутъ же молодыя,
Потупившія взглядъ,
Двѣ дочери княжія
За пяльцами сидятъ.

8.

Сидятъ онѣ такъ тихо,
И взоры въ ткань ушли,
Въ груди жъ поется лихо:
Ой, ладо, лель-люли!

9.

И вовсе имъ не шьется,
Хоть иглы изломай!
Такъ сильно сердце бьется
Въ веселый мѣсяцъ май!!

10.

Когда жъ беретъ изъ мочки
Княгиня волокно,
Украдкой обѣ дочки
Косятся на окно.

11.

Но вотъ, забывъ о пряжѣ,
Княгиня молвитъ вдругъ:
— Смотри, два гостя, княже,
Подъѣхали самъ-другъ;

12.

Съ коней спрыгнули смѣло
У самаго крыльца —
Узнать я не успѣла
Ни платья, ни лица.

13.

А князь смѣется:—Знаю!
Пусть входятъ молодцы:
Не дальняго, чай, краю
Залетные птенцы!

14.

И вотъ, ихъ входитъ двое,
Въ лохмотьяхъ и тряпьяхъ,
Съ пеньковой бородою,
Въ пеньковыхъ волосахъ.

15.

Вошедши, на икону
Крестятся въ красный кутъ,
А послѣ по поклону
Хозяевамъ кладутъ.

16.

Князь проситъ ихъ садиться,
Онъ хитрость ихъ проникъ,
Заранѣ веселится
Обману ихъ старикъ.

17.

Но онъ обычай знаетъ,
И рѣчь заводитъ самъ:
— Отколѣ, вопрошаетъ,
Пожаловали къ намъ?

18.

— Мы, княже-господине?
Мы съ моря рыбаки;
Сейчасъ завязли въ тинѣ
Среди Днѣпра-рѣки;

19.

Двухъ рыбокъ златопёрыхъ
Хотѣли мы поймать,
Да спрятались въ кокорахъ,
Пришлося подождать.

20.

Но князь на это:—Братья,
Не правда, ей-же-ей!
Не мокры ваши платья,
И съ вами нѣтъ сѣтей!

21.

Днѣпра жъ свѣтлы стремнины,
Чиста его вода,
Не видано въ немъ тины
Отъ вѣку никогда!

22.

На это гости:—Княже,
Коль мы не рыбаки,
Пожалуй, скажемъ глаже:
Мы брынскіе стрѣлки!

23.

Стрѣляемъ звѣрь да птицы
По дебрямъ по лѣснымъ,
А нонѣ двѣ куницы
Пушистыя слѣдимъ;

24.

Трущобой шли да дромомъ,
Досель удачи нѣтъ,
Но насъ къ твоимъ хоромамъ,
Двойной приводитъ слѣдъ!

25.

А князь на это:—Что̀ вы!
Трущобой вы не шли,
Лохмотья ваши новы
И даже не въ пыли!

26.

Куницъ же бьютъ зимою,
А нонѣ мѣсяцъ май,
За звѣрью за иною
Пришли ко мнѣ вы, чай!

27.

— Ну, княже, молвятъ гости.
Тебя не обмануть!
Такъ скажемъ ужъ по-прости,
Кто мы такіе суть:

28.

Мы бѣдные калики,
Мы старцы-гусляры,
Но пѣть не горемыки,
Гдѣ только есть пиры;

29.

Мы скрозь отъ Новаграда
Сюда съ припѣвомъ шли:
— Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

30.

И если бы двѣ свадьбы
Затѣялъ ты сыграть,
Мы стали распѣвать бы
Да струны разбирать!

31.

— Вотъ это, князь отвѣтилъ,
Другой выходитъ стихъ:
Но гуслей не замѣтилъ
При васъ я никакихъ!

32.

А что съ припѣвомъ шли вы
Сквозь цѣлый русскій край,
Оно теперь не диво,
Въ веселый мѣсяцъ май!

33.

Теперь въ вѣтвяхъ березы
Поютъ и соловьи,
Въ лугахъ поютъ стрекозы,
Въ поляхъ поютъ ручьи,

34.

И много, въ небѣ рѣя,
Поетъ пернатыхъ стай —
Всѣхъ мѣсяцевъ звончѣе
Веселый мѣсяцъ май!

35.

Но строй гуслярный, други,
Наврядъ ли вамъ знакомъ:
Вы носите кольчуги,
Вы рубитесь мечомъ!

36.

Въ мѣшкѣ не спрятать шила!
Васъ выдалъ рѣчи звукъ:
Пленковичъ ты, Чурило,
А ты Степанычъ, Дюкъ!

37.

Тутъ съ нихъ лохмотья спали,
И, свѣтлы какъ заря,
Два славные предстали
Предъ нимъ богатыря;

38.

Ихъ бороды упали,
Смѣются ихъ уста —
Подобная едва ли
Встрѣчалась красота!

39.

Ихъ кровь, отъ силъ избытка,
Играетъ горячо,
Корсунская накидка
Надѣта на плечо,

40.

Коты изъ аксамита
Съ каменіемъ цвѣтнымъ,
А бёрца вкрестъ обвиты
Оборомъ золотнымъ;

41.

Орлинымъ мечутъ окомъ
Не взоры, но лучи;
На поясѣ широкомъ
Крыжатые мечи.

42.

Съ притворнымъ со смущеньемъ
Глядятъ на нихъ княжны,
Какъ будто превращеньемъ
И впрямь удивлены;

43.

И взоры тотчасъ тихо
Склонили до земли,
А сердце скачетъ лихо:
Ой, ладо, лель-люли!

44.

Княгиня жъ молвитъ:—Знала
Я это напередъ,
Не даромъ куковала
Кукушка у воротъ,

45.

И снилось мнѣ съ полночи,
Что, голову поднявъ
И въ лѣсъ уставя очи,
Нашъ лаетъ волкодавъ!

46.

Но, видъ принявъ суровый,
Пришельцамъ молвитъ князь:
— Отвѣтствуйте, почтò вы
Вернулись не спросясь?

47.

Указанъ былъ отселѣ
Вамъ путь на девять лѣтъ —
Какимъ же дѣломъ смѣли
Забыть вы мой запретъ?

48.

— Не будь, о, княже, гнѣвенъ,
Твой дворъ чтобъ видѣть вновь,
Армянскихъ двухъ царевенъ
Отвергли мы любовь;

49.

Занѐ твоихъ издавна
Мы любимъ дочерей —
Отдай же ихъ, державный,
За насъ, богатырей!

50.

Но видъ храня суровый,
А самъ въ душѣ смѣясь,
— Мнѣ эта вѣсть не нòва,
Отвѣтилъ старый князь;

51.

Отъ русской я державы
Велѣлъ вамъ быть вдали,
А вы ко мнѣ лукаво
На промыселъ пришли!

52.

Но рыбъ чтобъ вы не смѣли
Ловить въ моемъ Днѣпру,
Всѣ глуби я и мели
Оцѣпами запру!

53.

Чтобъ впредь вы не дерзали
Слѣдить моихъ куницъ,
Ограду я изъ стали
Поставлю кругъ границъ!

54.

Ни неводомъ вамъ болѣ,
Ни сѣтью не ловить —
Но будетъ въ вашей волѣ
Добромъ ихъ приманить:

55.

Коль быть хотятъ за вами,
Никто имъ не мѣшай!
Пускай рѣшаютъ сами
Въ веселый мѣсяцъ май!

56.

Услыша слово это,
Съ Чурилой славный Дюкъ
Отъ дочекъ ждутъ отвѣта,
Сердецъ ихъ слышенъ стукъ...

57.

Что́ дочки имъ сказали,
Кто можетъ, отгадай —
Мы словъ ихъ не слыхали
Въ веселый мѣсяцъ май.

58

Мы словъ ихъ не слыхали,
Намъ свистъ мѣшалъ дроздовъ,
Намъ иволги мѣшали
И рокотъ соловьевъ;

59.

И звонко такъ въ болотѣ
Кричали журавли,
Что мы, при всей охотѣ,
Разслышать не могли!

60.

Такая намъ досада!
Разслышать не могли
Ой, ладо, диди-ладо!
Ой, ладо, лель-люли!

СЛѢПОЙ.

1.

Князь выѣхалъ рано, средь гридней своихъ,
Въ сыръ-боръ полеванья извѣдать;
Гонялъ онъ и вепрей, и туровъ гнѣдыхъ,
Но время доспѣло, звонъ рога утихъ,
Пора отдыхать и обѣдать.

2.

Въ логу они свѣжемъ, подъ дубомъ, сидятъ
И брашна примаются рушать;
И князь говоритъ:—Мнѣ отрадно звучать
Ковши и братины, но пѣсню бы радъ
Я въ зелени этой послушать.

3.

И отрокъ озвался:—За рѣчкою тамъ
Убогій мнѣ пѣсенникъ вѣдомъ;
Онъ слѣпъ, но гораздъ ударять по струнамъ.
И князь говоритъ:—Отыщи его намъ,
Пусть тѣшитъ онъ насъ за обѣдомъ.

4.

Ловцы отдохнули, братины допивъ,
Сидѣть имъ безъ дѣла не любо,
Поѣхали далѣ, про пѣсню забывъ,
Гусляръ, между тѣмъ, на княжой на призывъ
Бредетъ ко знакомому дубу.

5.

Онъ щупаетъ посохомъ корни деревъ,
Плететься одинъ чрезъ дубраву,
Но въ сердцѣ звучитъ вдохновенный напѣвъ,
И думъ благодатныхъ ужъ зрѣетъ посѣвъ,
Слагается пѣсня на славу.

6.

Пришелъ онъ на мѣсто: лишь дятелъ стучитъ,
Лишь въ листьяхъ стрекочетъ сорока;
Но въ сторону ту, гдѣ, не видя, онъ мнитъ,
Что съ гриднями князь въ ожиданьи сидитъ,
Старикъ поклонился глубоко.

7.

— Хвала тебѣ, княже, за ласку твою,
Бояре и гридни, хвала вамъ!
Начать пѣснопѣнье готовъ я стою —
О чемъ же я, старый и бѣдный, спою
Предъ сонмищемъ симъ величавымъ?

8.

Что̀ въ вѣщемъ сказалося сердцѣ моемъ,
То выразить рѣчью возьмусь ли?
Пождалъ—и, не слыша ни слова кругомъ,
Садится на кочку, поросшую мхомъ,
Персты возлагаетъ на гусли.

9.

И струнъ переливы въ лѣсу потекли,
И пѣсня въ глуши зазвучала...
Всѣ міра явленья, вблизи и вдали:
И синее море, и роскошь земли,
И цвѣтныхъ каменій начала,

10.

Чтó въ нѣдрахъ подземія блескъ свой таятъ,
И чудища въ морѣ глубокомъ,
И въ тёмномъ бору заколдованный кладъ,
И витязей бой, и сверканіе латъ —
Все видитъ духовнымъ онъ окомъ.

11.

И подвиги славитъ минувшихъ онъ дней,
И все, чтò достойно, вѣнчаетъ:
И доблесть народовъ, и правду князей —
И милость могучихъ онъ въ пѣснѣ своей
На малыхъ людей призываетъ.

12.

Привѣтъ полоненому шлетъ онъ рабу,
Укоръ градоимцамъ суровымъ,
Насилье жъ надъ слабымъ, съ гордыней на лбу,
Къ позорному онъ пригвождаетъ столбу
Грозящимъ, пророческимъ словомъ.

13.

Обильно ростетъ его мысли зерно,
Какъ въ полѣ ячмень золотистый;
Проснулось, чтò въ сердцѣ дремало давно,
Чтó было отъ лѣтъ и отъ скорбей темно,
Воскресло, прекрасно и чисто.

14.

И ликъ озарёнъ его тѣмъ же огнемъ,
Какъ въ годы борьбы и надежды,
Явилася власть на челѣ поднятомъ,
И кажутся царской хламидой на немъ
Лохмотья раздранной одежды.

15.

Не пѣлось ему еще такъ никогда,
Въ такомъ расцвѣтаньи богатомъ
Еще не сплеталася думъ череда —
Но вотъ ужъ вечерняя въ небѣ звѣзда
Зажглася надъ алымъ закатомъ.

16.

Къ исходу торжественный клонится ладъ,
И къ небу незрящіе взоры
Воззвалъ онъ и, духомъ могучимъ объятъ,
Онъ пѣснь завершилъ—подъ перстами звучатъ
Послѣдніе струнъ переборы.

17.

Но мертвою онъ тишиной окружонъ;
Безмолвье пустыннаго лога
Порой прерываетъ лишь горлицы стонъ,
Да слышны сквозь гуслей смолкающій звонъ
Призывы далекаго рога.

18.

На диво ему, что собранье молчитъ,
Поникъ головою онъ думной,
И вотъ закачалися вѣтви ракитъ,
И тихо дубрава ему говоритъ:
— Ты, гой-еси, дѣдъ неразумный!

19.

Сидишь одинокъ ты, обманутый дѣдъ,
На мѣстѣ ты пѣлъ опустѣломъ;
Допиты братины, окончен обѣдъ,
Подъ дубомъ души человѣческой нѣтъ,
Разъѣхались гости за дѣломъ.

20.

Они средь моей, средь зеленой красы
Порскаютъ, свой ловъ продолжая;
Ты слышишь, какъ, въ слѣдъ утыкая носы,
По звѣрю вдали заливаются псы,
Какъ трубитъ охота княжая!

21.

Ко сбору ты, старый, придти опоздалъ,
Ждать некогда было боярамъ;
Ты пѣсней награду себѣ не стяжалъ,
Ничьихъ за нее не услышишь похвалъ,
Трудился, убогій, ты даромъ!

22.

— Ты, гой-еси, гой ты, дубравушка-мать,
Сдается, ты правду сказала!
Я пѣлъ одинокъ, но тужить и роптать
Мнѣ, старому, было бъ грѣшно и не стать,
Наградъ мое сердце не ждало.

23.

Во истину, еслибъ очей моихъ ночь
Безлюдья отъ нихъ и не скрыла,
Я пѣсни бъ не могъ и тогда перемочь,
Не могъ отъ себя отогнать бы я прочь,
Что̀ душу мою охватило!

24.

Пусть по̀-слѣду псы, заливаясь, бѣгутъ,
Пусть ловлею князь удоволенъ!.
Убогому пѣть не тяжелый былъ трудъ,
А пѣсня ему не въ хвалу и не въ судъ,
Занѐ онъ надъ нею не воленъ.

25.

Она какъ рѣка въ половодье сильна,
Какъ рѐсная ночь благотворна,
Тепла какъ душистая въ маѣ весна,
Какъ солнце привѣтна, какъ буря грозна,
Какъ лютая смерть необорна.

26.

Охваченный ею не можетъ молчать,
Онъ рабъ ему чуждаго духа,
Вожглась ему въ грудь вдохновенья печать,
Неволей иль волей—онъ долженъ вѣщать
Что̀ слышитъ подвластное ухо.

27.

Не вѣдаетъ горный источникъ, когда
Потокомъ онъ въ степи стремится,
И бьетъ, и кипитъ его, пѣнясь, вода,
Придутъ ли къ нему пастухи и стада
Струями его освѣжиться!

28.

Я мнилъ: эти гусли для князя звучатъ,
Но пѣсня, по мѣрѣ какъ пѣлась,
Невидимо свой расширяла охватъ,
И вольный лился безъ различія ладъ
Для всѣхъ, кому слушать хотѣлось.

29.

И кто меня слушалъ, привѣтъ мой тому!
Землѣ-государынѣ слава!
Ручью, что̀ ко слову журчалъ моему,
Вамъ, звѣздамъ, мерцавшимъ сквозь синюю тьму,
Тебѣ, мать-сырая-дубрава!

30.

И тѣмъ, кто не слушалъ, мой также привѣтъ:
Дай Богъ полевать имъ не даромъ!
Дай князю безъ горя прожить много лѣтъ,
Простому народу безъ нужды и бѣдъ,
Безъ скорби великимъ боярамъ!

ТРИ ПОБОИЩА.

1.

Ярились подъ Кіевомъ волны Днѣпра,
За тучами тучи летѣли,
Гроза бушевала всю ночь до утра,
Княгиня вскочила съ постели.

2.

Вскочила княгиня въ испугѣ отъ сна,
Волосъ не заплетши, умылась,
Пришла къ Изяславу, отъ страха блѣдна:
— Мнѣ, княже, недоброе снилось!

3.

Мнѣ снилось: отъ берега Норской земли,
Гдѣ плещутъ варяжскія волны,
На саксовъ готовятся плыть корабли,
Варяжскими гриднями полны;

4.

То сватъ нашъ Гаральдъ собирается плыть —
Храни его Богъ отъ напасти —
Мнѣ видѣлось: вороновъ черная нить
Усѣлася съ крикомъ на снасти.

5.

И бабища будто на камнѣ сидитъ,
Считаетъ суда и смѣется:
— Плывите, плывите, она говоритъ,
Домой ни одно не вернется!

6.

Гаральда-варяга въ Британіи ждетъ
Саксонецъ Гаральдъ, его тёзка;
Червонаго меду онъ вамъ поднесетъ,
И спать васъ уложитъ онъ жёстко!

7.

И далѣ мнѣ снилось: у берега тамъ,
У норской у пристани главной,
Сидитъ, волоса раскидавъ по плечамъ,
Золовка, сидитъ Ярославна;

8.

Глядитъ, какъ уходятъ въ туманъ паруса
Съ Гаральдовой силою ратной,
И плачетъ, и рветъ на себѣ волоса,
И кличетъ Гаральда обратно...

9.

Проснулася я—и доселѣ вдали
Все карканье вороновъ внемлю;
Прошу тебя, княже, скорѣе пошли
Провѣдать въ ту Норскую землю!

10.

И только княгиня домолвила рѣчь,
Невѣстка ихъ, Гида, вбѣжала;
Жемчужная бармица падаетъ съ плечъ,
Забыла надѣть покрывало.

11.

— Князь-батюшка, деверь, испугана я,
Когда бы бѣды не случилось!
Княгиня-невѣстушка, лебедь моя,
Мнѣ ночесь недоброе снилось!

12.

Мнѣ снилось: отъ берега Франкской земли,
Гдѣ плещутъ норманскія волны,
На саксовъ готовятся плыть корабли,
Нормандіи рыцарей полны.

13.

То князь ихъ Вильгельмъ собирается плыть,
Я будто слова его внемлю:
Онъ хочетъ отца моего погубить,
Присвоить себѣ его землю!

14.

И бабища злая бодритъ его рать,
И молвитъ:—Я вороновъ стаю
Прикликаю, саксовъ заутра клевать,
И вѣтру я вамъ намахаю!

15.

И пологомъ стала махать на суда,
На каждомъ вѣтрило надулось,
И двинулась всѣхъ кораблей череда —
И такъ я въ испугѣ проснулась...

16.

И только лишь Гида домолвила рѣчь,
Бѣжитъ, запыхаяся, гридинъ:
— Бери, государь, поскорѣе свой мечъ,
Намъ ворогъ подъ Кіевомъ виденъ!

17.

На вышкѣ я тамъ, за рѣкою, стоялъ,
Стоялъ на слуху́ я, на стражѣ;
Я многія тысячи ихъ насчиталъ:
То половцы близятся, княже!

18.

На бой Изяславъ созываетъ сыновъ,
Онъ братьевъ скликаетъ на сѣчу,
Онъ трубитъ къ дружинѣ, ему не до сновъ —
Онъ половцамъ ѣдетъ на встрѣчу...

19.

По синему морю клубится туманъ,
Всю даль облака застилаютъ,
Изъ разныхъ слетаются вóроны странъ,
Другъ друга, кружась, вопрошаютъ:

20.

— Откуда летишь ты?—Повѣдай-ка намъ!
— Лечу я отъ города Йорка,
На битву обоихъ Гаральдовъ я тамъ
Смотрѣлъ изъ-поднебесья зорко.

21.

Былъ цѣлою выше варягъ головой,
Чернѣла какъ туча кольчуга,
Свистѣлъ его въ саксахъ топоръ боевой,
Какъ въ листьяхъ осенняя вьюга;

22.

Копнами валилъ онъ тѣла на тѣла,
Кровь дȯ-моря съ поля струилась,
Пока, провизжавъ, не примчалась стрѣла
И въ горло ему не вонзилась.

23.

Упалъ онъ, почуя предсмертную тьму,
Упалъ онъ какъ пьяный на брашно;
Хотѣлъ я спуститься на темя ему,
Но очи глядѣли такъ страшно!

24.

И долго надъ мѣстомъ кружился я тѣмъ,
И поздней дождался я ночи,
И сѣлъ я варягу Гаральду на шлемъ,
И выклевалъ грозныя очи!

25.

По синему морю клубится туманъ,
Слетается вороновъ болѣ:
— Откуда летишь ты?—Я, кровію пьянъ,
Лечу отъ Хастингскаго поля;

26.

Не стало у саксовъ вчера короля,
Лежитъ межъ своихъ онъ, убитый,
Пируетъ норманъ, его землю дѣля,
И мы пировали тамъ сыто.

27.

Побѣдно отъ Йорка шла сакская рать,
Теперь они смирны и тихи,
И трупъ ихъ Гаральда не могутъ сыскать
Межъ труповъ бродящіе мнихи;

28.

Но смѣтилъ я мѣсто, гдѣ нà земь онъ палъ,
И битва когда отшумѣла,
И мѣсяцъ какъ щитъ надъ побоищемъ всталъ,
Я сѣлъ на Гаральдово тѣло.

29.

Недвижныя были черты хороши,
Нахмурены гордыя брови;
Любуясь на нихъ, я до жадной души
Напился Гаральдовой крови!

30.

По синему морю клубится туманъ,
Всю даль облака застилаютъ,
Изъ разныхъ слетаются вòроны странъ,
Другъ друга, кружась, вопрошаютъ:

31.

— Откуда летишь ты?—Изъ Русской земли!
Я былъ на пиру въ Заднѣпровьи,
Тамъ всѣ Изяслава полки полегли,
Все поле упитано кровью.

32.

Съ разсвѣтомъ на половцовъ князь Изяславъ
Тамъ выѣхалъ, грозенъ и злобенъ;
Свой мечъ двоеручный высоко поднявъ,
Святому Георгью подобенъ.

33.

Но къ ночи, руками за гриву держась,
Конемъ увлекаемый съ бою,
Ужъ пò полю мчался израненный князь,
Съ закинутой навзничь главою.

34.

И, каркая, долго летѣлъ я надъ нимъ,
И ждалъ, чтобъ онъ нà-земь свалился;
Но былъ онъ, должно быть, судьбою хранимъ,
Иль Богу, скача, помолился;

35.

Упалъ лишь надъ самымъ Днѣпромъ онъ съ
Въ ладью рыбаки его взяли,
А я полетѣлъ, неудачу кляня,
Туда, гдѣ другіе лежали!

36.

Поютъ во Софійскомъ соборѣ попы,
По князѣ идетъ панихида;
Рыдаетъ княгиня средь плача толпы,
Рыдаетъ Гаральдовна Гида,

37.

И съ ними другого Гаральда вдова
Рыдаетъ, стеня, Ярославна,
Рыдаетъ:—О, горе! зачѣмъ я жива,
Коль сгинулъ Гаральдъ мой державный!

38.

И Гида рыдаетъ:—О, горе! убитъ
Отецъ мой, норманомъ сражёный!
Въ плѣну его веси, и взяты на щитъ
Саксонскія дѣвы и жёны!

39.

Княгиня рыдаетъ:—О, князь Изяславъ,
Въ неравномъ посѣченъ ты спорѣ!
Побѣды обычной въ бою не стяжавъ,
Погибъ ты, о горе! о горе!

40.

Печерскіе иноки, выстроясь въ рядъ,
Протяжно поютъ: аллилуя!
А братья княжіе другъ друга корятъ,
И жадные вороны съ кровель глядятъ,
Усобицу близкую чуя.

УШКУЙНИКЪ.

Одолѣла сила-удаль меня, молодца,
Не чужая, своя удаль богатырская!
А и въ сердцѣ тая удаль-то не вмѣстится,
А и сердце-то отъ удали разорвется!
Пойду къ батюшкѣ на удаль горько плакаться!
Пойду къ матушкѣ на силу въ ноги кланяться:
Отпустите свое дѣтище дрочёное,
Новгородскимъ-то порядкамъ неучёное!
Отпустите поиграти игры дѣтскія;
Тѣ ль обозы бить низовые купецкіе,
Багрить на морѣ кораблики урманскіе,
Да на Волгѣ жечь остроги басурманскіе!..

ПѢСНИ, ОЧЕРКИ.

I *).

Какъ селянинъ, когда грозятъ
Войны тяжелые удары,
Въ дремучій лѣсъ несетъ свой кладъ
Отъ нападенья и пожара,

И тамъ во мрачной тишинѣ
Глубоко въ землю зарываетъ,
И на чешуйчатой соснѣ
Свой знакъ съ заклятьемъ зарубаетъ,

Такъ ты, пѣвецъ, въ лихіе дни,
Во дни гоненья рокового,
Подъ темной рѣчью хорони
Свое пророческое слово.

---

*) Слѣдующія пять стихотвореній написаны по всему вѣроятію ранѣе 1866 г., но не были напечатаны при жизни автора и появились только въ 1877, 1881 и 1882 гг. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и „Вѣстникѣ Европы“.

II.

Во дни минувшіе, бывало,
Когда являлася весна,
Когда природа воскресала
Отъ продолжительнаго сна,
Когда ручьи текли обильно
И распускалися цвѣты,
Младое сердце билось сильно,
Кипѣли весело мечты,—
Съ какою радостію чистой
Я вновь встрѣчалъ въ бору сыромъ
Кувшинчикъ синій и пушистый
Съ его мохнатымъ стебелькомъ;
Какими чувствами родными
Меня манилъ, какъ старый другъ,
Звѣздами полный золотыми
Еще никѣмъ не смятый лугъ!
Потомъ пришла пора иная,
И съ каждой новою весной,
Былое счастье вспоминая,
Грустнѣй я дѣлался; порой,
Когда темнѣли неба своды,
Едва шептались тростники,

Звучнѣй ручья катились воды,
Жужжали поздніе жуки,
Казалось мнѣ, что мнѣ не даромъ
Грустить весною суждено,
Что неожиданнымъ ударомъ
Блаженство кончиться должно.

. . . . . .

. . . . . .

III.

Какъ часто ночью въ тишинѣ глубокой
Меня тревожитъ тотъ же дивный сонъ:
Въ туманной мглѣ стоитъ дворецъ высокій
И длинный рядъ дорическихъ колонъ;
Средь дикихъ горъ отъ нихъ ложатся тѣни,
Къ рѣкѣ ведутъ широкія ступени;

И солнце тамъ привѣтливо не блещетъ,
Порой сквозь тучи выглянетъ луна,
О влажный брегъ порой лѣниво плещетъ,
Катяся мимо, сонная волна;
И истукановъ рой на плоской крышѣ
Стоитъ во тьмѣ одинъ другого выше.

Туда, туда невѣдомая сила
Вдоль по рѣкѣ влечетъ мою ладью,
Къ высокимъ окнамъ взоръ мой пригвоздила,
Желаньемъ грудь наполнила мою...
. . . . . .
. . . . . .

Я жду тебя. Я жду, чтобъ ты склонила
На темный долъ свой животворный взглядъ;
Тогда взойдетъ огнистое свѣтило,

Въ алмазныхъ искрахъ струи заблестятъ,
Проснется замокъ, позлатятся горы,
И загремятъ невидимые хоры.

Я жду; но тщетно грудь моя трепещетъ...
Лишь сквозь туманъ виднѣется луна;
О влажный берегъ лишь лѣниво плещетъ,
Катяся мимо, сонная волна,
И истукановъ рой на плоской крышѣ
Стоитъ во тьмѣ одинъ другого выше.

IV.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Стрѣлокъ, на той полянѣ,
Кто поздно такъ бѣжитъ,
Что̀ тамъ въ ночномъ туманѣ
Клубится и кипитъ?
Что̀ значитъ это пѣнье,
И струнъ въ эѳирѣ звонъ,
И хохотъ, и смятенье,
И блескъ со всѣхъ сторонъ?

Друзья, то вереница
Волшебницъ и сильфидъ,
Предъ ними ихъ царица
Воздушная бѣжитъ,
Бѣжитъ глухой дорожкой,
Мелькаетъ вдоль рѣки,
Подъ маленькою ножкой
Не гнутся стебельки.

Ей нѣтъ красавицъ равныхъ,
Ея чудесенъ видъ,
И много бардовъ славныхъ
Любовью къ ней горитъ.

Но бойся, путникъ смѣлый,
Въ ея попасться сѣть,
Иль кончикъ ножки бѣлой
Нечаянно узрѣть!

Когда луна златая
Глядитъ въ зерцало водъ,
Въ лучахъ ея играя,
Какъ сонъ она плыветъ;
Наступитъ ли денница,
Она спѣшитъ ужъ прочь,
Пушокъ ей колесница,
Ея отчизна—ночь.

Лишь въ сумеркахъ застанетъ
Въ лѣсу она стрѣлка,
Зоветъ его и манитъ
Къ себѣ издалека;
Скользитъ надъ влагой зыбкой
Среди глухихъ болотъ
И странника съ улыбкой
Надъ пропастію ждетъ.

Сильфидъ она всѣхъ краше,
Волшебницъ всѣхъ милѣй,
Сѣдые барды наши
Горятъ любовью къ ней.
Но бойся, путникъ смѣлый,
Въ ея попасться сѣть,
Иль кончикъ ножки бѣлой
Нечаянно узрѣть!

V.

ГАРАЛЬДЪ СВЕНГОЛЬМЪ.

His voice it was dup like the voice of the see.

Его голосъ звучалъ какъ морская волна,
Мраченъ взоръ былъ грозящихъ очей,
И была его длань какъ погибель сильна,
Сердце зыблемой трости слабѣй.

Не въ кровавомъ бою онъ врагами убитъ,
Не грозою поверженъ онъ въ прахъ, —
Подъ могильнымъ холмомъ онъ безъ раны лежитъ,
Самъ себѣ разрушитель и врагъ.

Струны мощныя арфы пѣвецъ напрягалъ,
Струны жизни порвалися въ немъ,
И начатую пѣсню Гаральдъ не скончалъ,
И лежитъ подъ могильнымъ холмомъ.

И сосна тамъ раскинула силу вѣтвей,
Словно обликъ его хороша,
И тоскуетъ на ней по ночамъ соловей,
Словно пѣсню кончаетъ душа.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ.

1.

Други, вы слышите ль крикъ оглушительный:
«Сдайтесь, пѣвцы и художники! Кстати ли
«Вымыслы ваши въ нашъ вѣкъ положительный?
«Много ли васъ остается, мечтатели?
«Сдайтеся натиску новаго времени!
«Міръ отрезвился, прошли увлеченія —
«Гдѣ жъ устоять вамъ, отжившему племени,
«Противъ теченія?»

2.

Други, не вѣрьте! Все та же единая
Сила насъ манитъ къ себѣ неизвѣстная,
Та же плѣняетъ насъ пѣснь соловьиная,
Тѣ же насъ радуютъ звѣзды небесныя!
Правда все та же! Средь мрака ненастнаго
Вѣрьте чудесной звѣздѣ вдохновенія,
Дружно гребите, во имя прекраснаго,
Противъ теченія!

3.

Вспомните: въ дни Византіи разслабленной,
Въ приступахъ ярыхъ на божьи обители,
Дерзко ругаясь святынѣ награбленной,
Такъ же кричали иконъ истребители:
«Кто воспротивится нашему множеству?
«Міръ обновили мы силой мышленія —
«Гдѣ жъ побѣжденному спорить художеству
«Противъ теченія!»

4.

Въ оные жъ дни, послѣ казни Спасителя,
Въ дни, какъ апостолы шли, вдохновенные,
Шли проповѣдывать слово Учителя,
Книжники такъ говорили, надменные:
«Распятъ мятежникъ! Нѣтъ проку въ осмѣянномъ,
«Всѣмъ ненавистномъ, безумномъ ученіи!
«Имъ ли, убогимъ, идти, галилеянамъ,
«Противъ теченія?»

5.

Други, гребите! Напрасно хулители
Мнятъ оскорбить насъ своею гордынею:
На́-берегъ вскорѣ мы, волнъ побѣдители,
Выйдемъ торжественно съ нашей святынею!
Верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное,
Вѣрою въ наше святое значеніе
Мы же возбудимъ теченіе встрѣчное
Противъ теченія!

МАДОННА РАФАЭЛЯ.

Склоняся къ юному Христу,
Его Марія осѣнила,
Любовь небесная затмила
Ея земную красоту.

А Онъ, въ прозрѣніи глубокомъ,
Уже вступая съ міромъ въ бой,
Глядитъ впередъ—и яснымъ окомъ
Голгоѳу видитъ предъ собой.

КОЛОДНИКИ.

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль, —
Колодниковъ звонкія цѣпи
Взметаютъ дорожную пыль.

Идутъ они съ бритыми лбами,
Шагаютъ впередъ тяжело;
Угрюмыя сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.

Идутъ съ ними длинныя тѣни,
Двѣ клячи телѣгу везутъ,
Лѣниво сгибая колѣни,
Конвойные съ ними идутъ.

— Что̀, братцы, затянемте пѣсню,
Забудемъ лихую бѣду!
Ужъ, видно, такая невзгода
Написана намъ на роду!

И вотъ, повели, затянули,
Поютъ, заливаясь, они

Про Волги широкой раздолье,
Про даромъ минувшіе дни;

Поютъ про свободныя степи,
Про дикую волю поютъ,
День меркнетъ все болѣ,—а цѣпи
Дорогу метутъ да метутъ...

* * *

Ты почто, злая кручинушка,
Не въ конецъ извела меня, бѣдную,
Разорвала лишь душу на-двое?
Не сойтися утру съ вечеромъ,
Не ужиться двумъ добрымъ молодцамъ;
Изъ-за меня они ссорятся,
А и оба меня корятъ, бранятъ;
Ужъ какъ станетъ меня братъ корить:
— Ты почто пошла за боярина?
Напросилась въ родню неровную,
Отщепенница, переметчица
Отъ своей родни отступница?
— Государь ты мой, милый братецъ мой,
Я въ родню къ нимъ не напрашивалась,
И ты самъ меня уговаривалъ,
Снаряжалъ меня, выдавалъ меня!
Ужъ какъ станетъ меня мужъ корить:
— Изъ какого ты роду-племени?
Еще много ли за тобой приданаго?
Еще чѣмъ меня опоила ты,
Приговорница, приворотница,
Меня съ нашими разлучница?
— Государь ты мой, господинъ ты мой

Я тебя не приворачивала,
И ты взялъ меня вольной волею,
А приданаго за мной не много есть,
И всего-то сердце покорное,
Голова тебѣ, сударь, поклонная!
Перекинулся хмѣль черезъ рѣченьку,
Съ одного дуба на другой на дубъ,
И качается межъ обоими,
Надъ быстрой водой зеленѣючи,
Злой кручинушки не знаючи,
Оба дерева обнимаючи.

Слушая повѣсть твою, полюбилъ я тебя, моя радость!
Жизнью твоею я жилъ, и слезами твоими я плакалъ;
Мысленно вмѣстѣ съ тобой прострадалъ я минувшіе годы,
Все перечувствовалъ вмѣстѣ съ тобой, и печаль, и надежды;
Многое больно мнѣ было, во многомъ тебя упрекнулъ я;
Но позабыть не хочу ни ошибокъ твоихъ, ни страданій;
Дороги мнѣ твои слезы, и дорого каждое слово!
Бѣдное вижу въ тебѣ я дитя, безъ отца, безъ опоры;
Рано познала ты горе, обманъ и людское злословье,
Рано подъ тяжестью бѣдъ твои преломилися силы!
Бѣдное ты деревцо, поникшее долу головкой!
Ты прислонися ко мнѣ, деревцо, къ зеленому вязу:
Ты прислонися ко мнѣ, я стою надежно и прочно!

Въ монастырѣ пустынномъ, близъ Кордовы
Картина есть. Старательной рукой
Изобразилъ художникъ въ ней суровый,
Какъ предъ кумиромъ мученикъ святой
Лежитъ въ цѣпяхъ, и палачи съ живого
Сдираютъ кожу... Видъ картины той,
Исполненный жестокаго искусства,
Сжимаетъ грудь и возмущаетъ чувство.

Но въ дни тоски, мнѣ все являясь снова,
Упорно въ мысль вторгается она,
И мука та казнимаго святого
Сегодня мнѣ понятна и родна:
Съ моей души совлечены покровы,
Живая ткань ея обнажена,
И каждое къ ней жизни прикасанье
Есть злая боль и жгучее терзанье.

* * *

Темнота и туманъ застилаютъ мнѣ путь,
Ночь на землю все гуще ложится,
Но я вѣрю, я знаю, живетъ гдѣ-нибудь,
Гдѣ-нибудь да живетъ царь-дѣвица!

Какъ достичь до нея—не ищи, не гадай,
Тутъ разсчетъ никакой не поможетъ.
Не догадка, не умъ, не безумье въ тотъ край,
Но удача принесть тебя можетъ!

Я не ждалъ, не гадалъ, въ темнотѣ поскакалъ
Въ ту страну, куда нѣту дороги;
Я коня разнуздалъ, на удачу погналъ,
И въ бока ему втиснулъ остроги...

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парилъ зной,
И зелень рощъ сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не пѣла звонко,
И въ завиткахъ еще въ бору
Былъ папоротникъ тонкій;

То было раннею весной,
Въ тѣни березъ то было,
Когда съ улыбкой предо мной
Ты очи опустила...

То на любовь мою въ отвѣтъ
Ты опустила вѣжды —
О, жизнь! о, лѣсъ! о, солнца свѣтъ!
О, юность! о, надежды!

И плакалъ я передъ тобой,
На ликъ твой глядя милый, —
То было раннею весной,
Въ тѣни березъ то было!

То было въ утро нашихъ лѣтъ —
О, счастіе! о, слезы!
О, лѣсъ! о, жизнь! о, солнца свѣтъ!
О, свѣжій духъ березы!

* * *

Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо,
Въ полуденныхъ лучахъ слѣды недавней стужи
Дымятся. Теплый вѣтръ повѣялъ намъ въ лицо
И морщитъ на поляхъ синѣющія лужи.

Еще трещитъ каминъ, отливами огня
Минувшій тѣсный міръ зимы напоминая,
Но жаворонокъ тамъ, надъ озимью звеня,
Сегодня возвѣстилъ, что жизнь пришла иная.

И въ воздухѣ звучатъ слова, не знаю чьи,
Про счастье, и любовь, и юность, и довѣрье,
И громко вторятъ имъ бѣгущіе ручьи,
Колебля тростника желтѣющія перья.

Пускай же, какъ они по глинѣ и песку
Растаявшихъ снѣговъ, журча, уносятъ воды,
Безслѣдно унесетъ души твоей тоску
Врачующая власть воскреснувшей природы!...

НА ТЯГѢ.

Сквозитъ на заревѣ темнѣющихъ небесъ
И мелкимъ предо мной рисуется узоромъ
Въ весенніе листы едва одѣтый лѣсъ,
На лугъ болотистый спускаясь косогоромъ.
И глушь, и тишина. Лишь сонные дрозды
Какъ нехотя свое доканчиваютъ пѣнье;
Отъ луга всходитъ паръ... Мерцающей звѣзды
У ногъ моихъ въ водѣ явилось отраженье;
Прохладой дунуло, и прошлогодній листъ
Зашелестилъ въ дубахъ. Внезапно легкій свистъ
Послышался; за нимъ, отчетисто и внятно,
Стрѣлку знакомый хрипъ раздался троекратно,
И вальдшнепъ протянулъ—внѣ выстрѣла. Другой
Летитъ изъ-за лѣсу, но длинною дугой
Опушку обогнулъ и скрылся. Слухъ и зрѣнье
Мои напряжены, и вотъ черезъ мгновенье,
Свистя, еще одинъ, въ послѣднемъ свѣтѣ дня,
Чертой трепещущей несется на меня.
Дыханье притаивъ, нагнувшись подъ осиной,
Я выждалъ вѣрный мигъ—впередъ на полъ-аршина
Я вскинулъ—огнь блеснулъ, по лѣсу грянулъ громъ—
И вальдшнепъ падаетъ на землю колесомъ.

Удара тяжкаго далекіе раскаты,
Слабѣя, замерли. Спокойствіемъ объятый,
Вновь дремлетъ юный лѣсъ, и облакомъ сѣдымъ
Въ недвижномъ воздухѣ виситъ ружейный дымъ.
Вотъ донеслась еще изъ дальняго болота
Весеннихъ журавлей ликующая нота —
И стихло все опять, и въ глубинѣ вѣтвей
Жемчужной дробію защелкалъ соловей.
Но отчего же вдругъ, мучительно и странно,
Минувшимъ на меня повѣяло нежданно,
И въ этихъ сумеркахъ, и въ этой тишинѣ
Упрекомъ горестнымъ оно предстало мнѣ?
Былыя радости! Забытыя печали!
Зачѣмъ въ моей душѣ вы снова прозвучали,
И снова предо мной, средь явственнаго сна,
Мелькнула дней моихъ погибшая весна?!

I.

Прозрачныхъ облаковъ спокойное движенье,
Какъ дымкой солнечный перенимая свѣтъ,
То блѣднымъ золотомъ, то мягкой синей тѣнью
Окрашиваетъ даль. Намъ тихій свой привѣтъ
Шлетъ осень мирная. Ни рѣзкихъ очертаній,
Ни яркихъ красокъ нѣтъ. Землей пережита
Пора роскошныхъ силъ и мощныхъ трепетаній;
Стремленья улеглись; иная красота
Смѣнила прежнюю; ликующаго лѣта
Лучами сильными ужъ болѣ не согрѣта,
Природа вся полна послѣдней теплоты;
Еще вдоль влажныхъ межъ красуются цвѣты,
А на пустыхъ поляхъ засохшія былины
Опутываетъ сѣть дрожащей паутины;
Кружася медленно въ безвѣтріи лѣсномъ,
На землю желтый листъ спадаетъ за листомъ;
Невольно я слѣжу за ними взоромъ думнымъ,
И слышится мнѣ въ ихъ паденіи безшумномъ:
— Всему насталъ покой; пріими жъ его и ты,
Пѣвецъ, державшій стягъ во имя красоты!

Провѣрь, усердно ли ея святое сѣмя
Ты въ борозды бросалъ, оставленныя всѣми,
По совѣсти ль тобой задача свершена,
И жатва дней твоихъ обильна иль скудна?

II.

Земля цвѣла. Въ лугу, весной одѣтомъ,
Ручей межъ травъ катился, молчаливъ;
Былъ тихій часъ межъ сумракомъ и свѣтомъ.
Былъ легкій сонъ лѣсовъ, полей и нивъ;
Не оглашалъ ихъ соловей привѣтомъ;
Природу всю широко осѣнивъ,
Царилъ покой; но подъ безмолвной тѣнью
Могучихъ силъ мнѣ чуялось движенье.

Не шелестя надъ головой моей,
Въ прозрачный мракъ деревья улетали;
Сквозной узоръ ихъ молодыхъ вѣтвей,
Какъ легкій дымъ, терялся въ горной дали;
Лѣсной чебёръ и полевой шалфей,
Блестя росой, въ травѣ благоухали.
И думалъ я, въ померкшій глядя сводъ:
Куда меня такъ манитъ и влечетъ?

Проникнутъ весь блаженствомъ былъ я новымъ,
Исполненъ весь невѣдомыхъ мнѣ силъ:
Чего въ житейскомъ натискѣ суровомъ
Не смѣлъ я ждать, чего я не просилъ —

То свершено однимъ, казалось, словомъ,
И мнилось мнѣ, что я лечу безъ крылъ,
Перехожу, подъятъ природой всѐю,
Въ одинъ порывъ неудержимый съ нею!

Но трезвъ былъ умъ, и чуждъ ему восторгъ,
Надежды я не зналъ, ни опасенья...
Кто жъ мощно такъ отъ нихъ меня отторгъ?
Кто отрѣшилъ отъ тягости хотѣнья?
Со злобой дня души постыдный торгъ
Сталъ для меня безъ смысла и значенья,
Для всѣхъ тревогъ безслѣдно умеръ я,
И ожилъ вновь въ сознаньи бытія...

Тутъ пронеслось какъ въ листьяхъ дуновенье,
И какъ отвѣтъ послышалося мнѣ:
Задачи то старинной разрѣшенье
Въ таинственномъ ты видишь полуснѣ!
То творчества съ покоемъ соглашенье,
То мысли пылъ въ душевной тишинѣ...
Лови же мигъ, пока къ нему ты чутокъ —
Межъ сномъ и бдѣньемъ кратокъ промежутокъ!

ПЕРЕВОДЫ.

ГЁТЕ.

I.

БОГЪ И БАЯДЕРА.

Магадевъ, земли владыка,
Къ намъ въ шестой нисходитъ разъ,
Чтобъ отъ мала до велика
Самому извѣдать насъ;
Хочетъ въ странствованьи трудномъ
Скорбь и радость испытать,
Чтобъ судьею правосуднымъ
Насъ карать и награждать.
Онъ, путникомъ городъ обшедши усталымъ,
Могучихъ проникнувъ, прислушавшись къ малымъ,
Выходитъ въ предмѣстье свой путь продолжать.

Вотъ стоитъ подъ воротами,
Въ шолкъ и кольца убрана,
Съ насурмлёнными бровями,
Дѣва падшая одна.
— Здравствуй, дѣва!—Гость, не въ мѣру
Честь въ привѣтѣ мнѣ твоемъ!

— Кто же ты?—Я баядера,
И любви ты видишь домъ!
Гремучіе бубны привычной рукою,
Кружась, потрясаетъ она надъ собою,
И, станъ изгибая, обходитъ кругомъ.

И, ласкаясь, увлекаетъ
Незнакомца на порогъ.
— Лишь войди, и засіяетъ
Эта хата какъ чертогъ;
Ноги я твои омою,
Дамъ пріютъ отъ солнца стрѣлъ,
Освѣжу и успокою,
Ты усталъ и изомлѣлъ.
И мнимымъ страданьямъ она помогаетъ,
Безсмертный съ улыбкою все примѣчаетъ,
Онъ чистую душу въ упадшей прозрѣлъ.

Какъ съ рабынею сурово
Обращается онъ съ ней,
Но она, откинувъ ковы,
Все покорнѣй и нѣжнѣй,
И невольно, въ жаждѣ вящей
Унизительныхъ услугъ,
Чуетъ страсти настоящей
Возрастающій недугъ.
Но вѣдатель глубей и высей вселенной
Пытуя, проводитъ ее постепенно
Чрезъ нѣгу, и страхъ, и терзанія мукъ.

Онъ касается устами
Расписныхъ ея ланитъ,
И нежданными слезами
Ликъ наемницы облитъ;
Пала ницъ въ сердечной боли,

И не надо ей даровъ,
И для пляски нѣту воли,
И для рѣчи нѣту словъ.
Но солнце заходитъ, и мракъ наступаетъ,
Убранное ложе чету принимаетъ,
И ночь опустила надъ ними покровъ.

На зарѣ, въ волненьи странномъ
Пробудившись ото сна,
Гостя мертвымъ, бездыханнымъ
Видитъ съ ужасомъ она.
Плачъ напрасный! Крикъ безплодный!
Совершился рока судъ,
И брамины трупъ холодный
Къ ямѣ огненной несутъ.
И слышитъ она погребальное пѣнье,
И рвется, и дѣлитъ толпу въ изступленьи...
— Кто ты? Чего хочешь, безумная, тутъ?

Съ воплемъ ринулась на землю
Предъ возлюбленнымъ своимъ:
— Я супруга прахъ объемлю,
Я хочу погибнуть съ нимъ!
Красота ли неземная
Станетъ пепломъ и золой?
Онъ былъ мой въ лобзаньяхъ рая,
Онъ и въ смерти будетъ мой!
Но стихъ раздается священнаго хора:
— Несемъ мы къ могилѣ, несемъ безъ разбора,
И старость, и юность съ ея красотой!

— Ты жъ ученью Брамы вѣруй:
Мужемъ не́ былъ онъ твоимъ,
Ты зовешься баядерой,
И не связана ты съ нимъ!

Только жёнамъ овдовѣлымъ
Честь сожженья суждена,
Только тѣнь идетъ за тѣломъ,
А за мужемъ лишь жена!
Раздайтеся, трубы! кимвалы, гремите!
Вы въ пламени юношу, боги, примите,
Примите къ себѣ отъ послѣдняго сна!

Такъ, ея страданья множа,
Хоръ безжалостно поетъ,
И на лютой смерти ложе,
Въ ярый огнь, она падетъ;
Но изъ пламеннаго зѣва
Богъ поднялся, невредимъ,
И въ его объятьяхъ дѣва
Къ небесамъ взлетаетъ съ нимъ.
Раскаянье грѣшныхъ любимо богами,
Заблудшихъ дѣтей огневыми руками
Благіе возносятъ къ чертогамъ своимъ.

II.

КОРИНѲСКАЯ НЕВѢСТА.

Изъ Аѳинъ въ Коринѳъ многоколонный
Юный гость приходитъ, незнакомъ;
Тамъ когда-то житель благосклонный
Хлѣбъ и соль водилъ съ его отцомъ;
И дѣтей они,
Въ ихъ младые дни,
Нарекли невѣстой съ женихомъ.

Но какой для добраго пріема
Отъ него потребуютъ цѣны?
Онъ—дитя языческаго дома,
А они—недавно крещены!
Гдѣ за вѣру споръ,
Тамъ, какъ вѣтромъ соръ,
И любовь, и дружба сметены.

Вся семья давно ужъ отдыхаетъ,
Только мать одна еще не спитъ,
Благодушно гостя принимаетъ
И покой отвесть ему спѣшитъ;
Лучшее вино
Ею внесено,
Хлѣбомъ столъ и яствами покрытъ.

И простясь, ночникъ ему зажженный
Ставитъ мать, но ото всѣхъ тревогъ
Ужъ усталый онъ и полусонный,
Безъ ѣды, не раздѣваясь, легъ,
Какъ сквозь двери тьму
Движется къ нему
Странный гость безшумно на порогъ.

Входитъ дѣва медленно и скромно,
Вся покрыта бѣлой пеленой:
Вкругъ косы ея, густой и темной,
Блещетъ вѣнчикъ черно-золотой.
Юношу узрѣвъ,
Стала, оробѣвъ,
Съ приподнятой блѣдною рукой.

— Видно, въ домѣ я уже чужая,
Такъ она со вздохомъ говоритъ,
Что вошла, о гостѣ семъ не зная,
И теперь меня объемлетъ стыдъ;
Спи жъ спокойнымъ сномъ
На одрѣ своемъ,
Я уйду опять въ мой темный скитъ.

— Дѣва, стой! воскликнулъ онъ: со мною
Подожди до утренней поры!
Вотъ, смотри, Церерой золотою,
Вакхомъ вотъ посланные дары;
А съ тобой придетъ
Молодой Эротъ,
Имъ же свѣтлы игры и пиры!

— Отступи, о, юноша! я болѣ
Непричастна радости земной;
Шагъ свершонъ родительскою волей:

На одрѣ болѣзни роковой
Поклялася мать
Небесамъ отдать
Жизнь мою, и юность, и покой!

И боговъ веселыхъ рой родимый
Новой вѣры сила изгнала,
И теперь царитъ одинъ Незримый,
Одному Распятому хвала!
Агнцы болѣ тутъ
Жертвой не падутъ,
Но людскія жертвы безъ числа!

И ея онъ взвѣшиваетъ рѣчи:
— Неужель теперь, въ тиши ночной,
Съ женихомъ не чаявшая встрѣчи,
Тò стоитъ невѣста предо мной?
О, отдайся жъ мнѣ,
Будь моей вполнѣ;
Насъ вѣнчали клятвою двойной!

— Мнѣ не быть твоею, отрокъ милый,
Ты мечты напрасной не лелѣй.
Скоро буду взята я могилой;
Ты жъ сестрѣ назначенъ ужъ моей;
Но въ блаженномъ снѣ
Думай обо мнѣ,
Обо мнѣ, когда ты будешь съ ней!

Нѣтъ, да свѣтитъ пламя сей лампады
Намъ Гимена факеломъ святымъ,
И тебя для жизни, для отрады,
Уведу къ пенатамъ я моимъ!
Вѣрь мнѣ, другъ, о, вѣрь!
Мы вдвоемъ теперь
Брачный пиръ нежданно совершимъ!

И они мѣняются дарами:
Цѣпь она спѣшитъ златую снять, —
Чашу онъ съ узорными краями
Въ знакъ союза хочетъ ей отдать;
Но она къ нему:
— Чаши не приму,
Лишь волосъ твоихъ возьму я прядь!

Полночь бьетъ—и взоръ доселѣ хладный
Заблисталъ, лицо оживлено,
И уста безцвѣтныя пьютъ жадно
Съ темной кровью схожее вино;
Хлѣба жъ со стола
Вовсе не взяла,
Словно ей вкушать запрещено.

И фіалъ она ему подноситъ,
Вмѣстѣ съ ней онъ токъ багровый пьетъ,
Но ея объятій какъ ни проситъ,
Все она противится—и вотъ,
Тяжко огорченъ,
Палъ на ложе онъ,
И въ безсильной страсти слезы льетъ.

И она къ нему, ласкаясь, сѣла:
— Жалко мучить мнѣ тебя, но, ахъ,
Моего когда коснешься тѣла,
Неземной тебя охватитъ страхъ:
Я какъ снѣгъ блѣдна,
Я какъ ледъ хладна,
Не согрѣюсь я въ твоихъ рукахъ!

Но, кипящій жизненною силой,
Онъ ее въ объятья заключилъ:
— Ты хотя бы вышла изъ могилы,

Я бъ согрѣлъ тебя и оживилъ!
О, какимъ вдвоемъ
Мы горимъ огнемъ,
Какъ тебя мой проникаетъ пылъ!

Все тѣснѣй сближаетъ ихъ желанье —
Ужъ она, припавъ къ нему на грудь,
Пьетъ его горячее дыханье
И ужъ устъ не можетъ разомкнуть;
Юноши любовь
Ей согрѣла кровь,
Но не бьется сердце въ ней ничуть.

Между тѣмъ, дозоромъ позднимъ, мимо
За дверьми еще проходитъ мать,
Слышитъ шумъ внутри необъяснимый
И его старается понять:
То любви недугъ,
Поцѣлуевъ звукъ,
И еще, и снова, и опять!

И недвижно, притаивъ дыханье,
Ждетъ она—сомнѣній болѣ нѣтъ —
Вздохи, слезы, страсти лепетанье
И восторга бѣшенаго бредъ:
— Скоро день—но вновь
Насъ сведетъ любовь!
— Завтра вновь! съ лобзаньемъ былъ отвѣтъ.

Долѣ мать сдержать не можетъ гнѣва,
Ключъ она свой тайный достаетъ:
— Развѣ есть такая въ домѣ дѣва,
Что̀ себя пришельцамъ отдаетъ?
Такъ возмущена,
Входитъ въ дверь она —
И дитя родное узнаетъ.

И воспрянувъ, юноша съ испугу,
Хочетъ скрыть завѣсою окна,
Покрываломъ хочетъ скрыть подругу;
Но, отбросивъ складки полотна,
Съ ложа, вся пряма,
Словно не сама,
Медленно подъемлется она.

— Мать, о, мать! нарочно ты ужели
Отравить мою приходишь ночь?
Съ этой теплой ты меня постели
Въ мракъ и холодъ снова гонишь прочь!
И съ тебя ужель
Мало и досель,
Что свою ты схоронила дочь?

Но меня изъ тѣсноты могильной
Нѣкій рокъ къ живущимъ шлетъ назадъ,
Вашихъ клировъ пѣніе безсильно,
И попы напрасно мнѣ кадятъ:
Молодую страсть
Никакая власть,
Ни земля, ни гробъ не охладятъ!

Этотъ отрокъ именемъ Венеры
Былъ обѣщанъ мнѣ отъ юныхъ лѣтъ,
Ты вотще во имя новой вѣры
Изрекла неслыханный обѣтъ!
Чтобъ его принять,
Въ небесахъ, о, мать,
Въ небесахъ такого бога нѣтъ!

Знай, что смерти роковая сила
Не могла сковать мою любовь,
Я нашла того, кого любила,

И его я высосала кровь!
И покончивъ съ нимъ,
Я пойду къ другимъ, —
Я должна идти за жизнью вновь!

Милый гость, вдали родного края
Осужденъ ты чахнуть и завять;
Цѣпь мою тебѣ передала я,
Но волосъ твоихъ беру я прядь.
Ты ихъ видишь цвѣтъ?
Завтра будешь сѣдъ,
Русымъ тамъ лишь явишься опять!

Мать, услышь послѣднее моленье,
Прикажи костеръ воздвигнуть намъ,
Свободи меня изъ заточенья,
Миръ въ огнѣ дай любящимъ сердцамъ!
Такъ изъ дыма тьмы
Въ пламѣ, въ искрахъ мы
Къ нашимъ древнимъ полетимъ богамъ!

1866—1875 *гг.*

ГЕЙНЕ *).

Nun ist es Zeit.

Довольно! Пора мнѣ забыть этотъ вздоръ!
Пора мнѣ вернуться къ разсудку!
Довольно съ тобой, какъ искусный актеръ,
Я драму разыгрывалъ въ шутку

Расписаны были кулисы пестро,
Я такъ декламировалъ страстно,
И мантіи блескъ, и на шляпѣ перо,
И чувства—все было прекрасно.

Но вотъ хоть ужъ сбросилъ я это тряпьё,
Хоть нѣтъ театральнаго хламу,
Доселѣ болитъ еще сердце мое
Какъ будто играю я драму!

И что̀ я поддѣльною болью считалъ,
То боль оказалась живая —
О, Боже! я, раненый на̀-смерть, игралъ,
Гладіатора смерть представляя!

*) Это стихотвореніе сообщено И. А. Гончаровымъ, съ просьбою помѣстить его, по принадлежности, въ собраніе сочиненій графа А. К. Толстого, гдѣ, по вѣрности перевода и изяществу стиха, оно должно занять не послѣднее мѣсто. Оно было переведено, по просьбѣ г. Гончарова, для 5-й части романа „Обрывъ“, гдѣ и напечатано.

ЭДВАРДЪ.

НАРОДНАЯ ШОТЛАНДСКАЯ БАЛЛАДА.

1.

— Чьей кровію мечъ ты свой такъ обагрилъ,
Эдвардъ, Эдвардъ?
Чьей кровію мечъ ты свой такъ обагрилъ?
Зачѣмъ ты глядишь такъ сурово?
— То сокола я, разсердяся, убилъ,
Мать моя, мать,
То сокола я, разсердяся, убилъ,
И негдѣ добыть мнѣ другого!

2.

— У сокола кровь такъ красна не бѣжитъ,
Эдвардъ, Эдвардъ,
У сокола кровь такъ красна не бѣжитъ,
Твой мечъ окровавленъ краснѣе!
— Мой конь краснобурый былъ мною убитъ,
Мать моя, мать,
Мой конь краснобурый былъ мною убитъ,
Тоскую по добромъ конѣ я!

3.

— Конь старъ у тебя, эта кровь не его,
Эдвардъ, Эдвардъ,
Конь старъ у тебя, эта кровь не его —
Не то въ твоемъ сумрачномъ взорѣ!
— Отца я сейчасъ закололъ моего,
Мать моя, мать,
Отца я сейчасъ закололъ моего,
И лютое жжётъ меня горе!

4.

— А грѣхъ чѣмъ тяжелый искупишь ты свой,
Эдвардъ, Эдвардъ?
А грѣхъ чѣмъ тяжелый искупишь ты свой?
Чѣмъ сымешь ты съ совѣсти ношу?
— Я сяду въ ладью непогодой морской,
Мать моя, мать,
Я сяду въ ладью непогодой морской,
И вѣтру всѣ парусы брошу!

5.

— А съ башней что̀ будетъ и съ домомъ твоимъ,
Эдвардъ, Эдвардъ?
А съ башней что̀ будетъ и съ домомъ твоимъ,
Ладья когда въ море отчалитъ?
— Пусть вѣтеръ и буря гуляютъ по нимъ,
Мать моя, мать,
Пусть вѣтеръ и буря гуляютъ по нимъ
Доколѣ ихъ въ прахъ не повалятъ!

6.

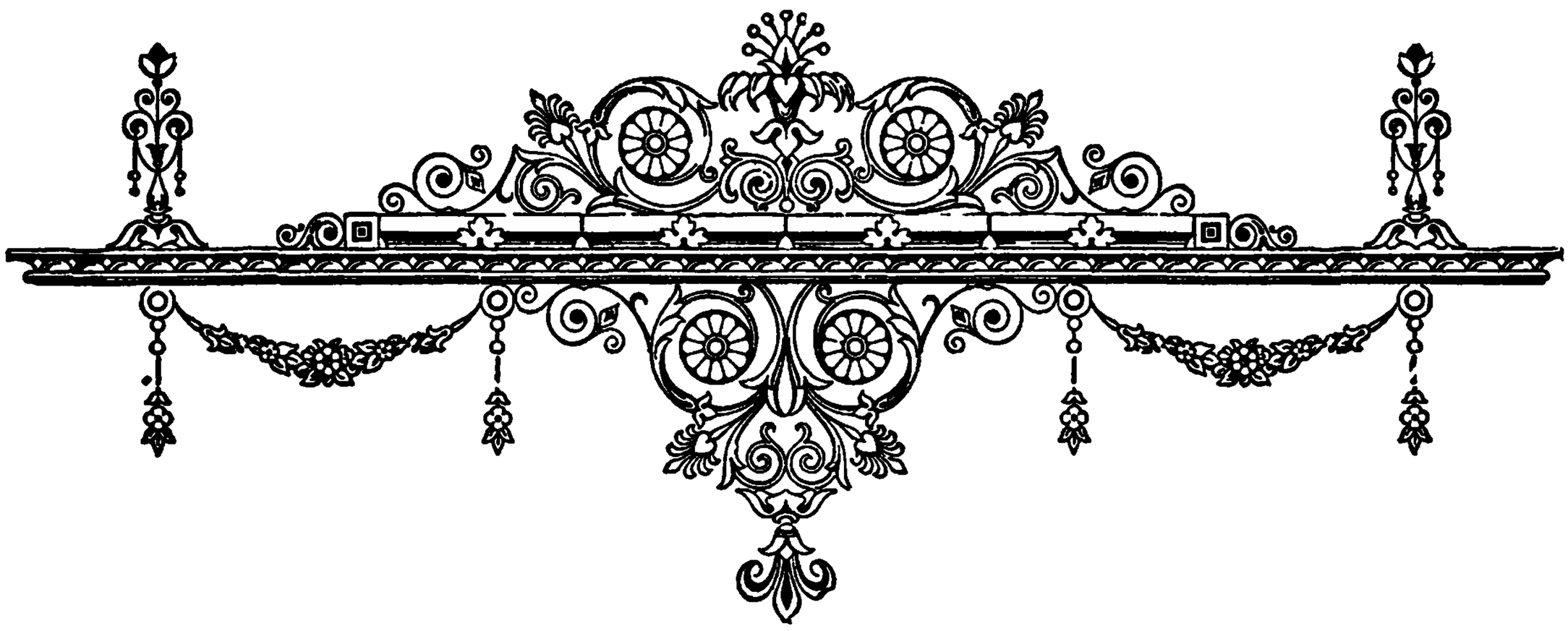
— Что̀ жъ будетъ съ твоими съ дѣтьми и женой,
Эдвардъ, Эдвардъ?
Что̀ жъ будетъ съ твоими съ дѣтьми и женой,

Въ ихъ горькой, безпомощной долѣ?
— Пусть по̀-міру ходятъ за хлѣбомъ съ сумой,
Мать моя, мать,
Пусть по̀-міру ходятъ за хлѣбомъ съ сумой,
Я съ ними не свижуся болѣ!

7.

— А матери что̀ ты оставишь своей,
Эдвардъ, Эдвардъ?
А матери что̀ ты оставишь своей,
Тебя что̀ у груди качала?
— Проклятье тебѣ до скончанія дней,
Мать моя, мать,
Проклятье тебѣ до скончанія дней,
Тебѣ, что̀ мнѣ грѣхъ нашептала!

КОНЕЦЪ.



Оглавленіе

второго тома.

СТРАН.

ПОЭМЫ, ПОВѢСТИ, ДРАМЫ:

Посадникъ.—Неоконченная драма 3
Портретъ.—Повѣсть въ стихахъ 122
Драконъ.—Итальянскій разсказъ XII-го вѣка 148

БЫЛИНЫ, БАЛЛАДЫ, ПРИТЧИ:

Алеша Поповичъ. 176
Боривой 182
Гаконъ слѣпой 189
Государь ты нашъ, батюшка 192
Змѣй Тугаринъ 194
Илья Муромецъ 201
Канутъ 204
Порой веселой мая 211
Потокъ-богатырь 218
Пѣсня о Гаральдѣ и Ярославнѣ 227
Пѣсня о походѣ Владиміра на Корсунь 232
Ругевитъ. 243
Садко 246
Сватовство 256
Слѣпой 267
Три побоища 274
Ушкуйникъ 281

ПѢСНИ, ОЧЕРКИ:

стр.

Какъ селянинъ, когда грозятъ 282
Во дни минувшіе бывало. 283
Какъ часто ночью въ тишинѣ глубокой 285
Въ альбомъ. 287
Гаральдъ Свенгольмъ 289
Противъ теченія. 290
Мадонна Рафаэля 292
Колодники 293
Ты почто, злая кручинушка 295
Слушая повѣсть твою, полюбилъ я тебя, моя радость. 297
Въ монастырѣ пустынномъ, близъ Кордовы. 298
Темнота и туманъ застилаютъ мнѣ путь. 299
То было раннею весной 300
Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо 302
На тягѣ 303
Прозрачныхъ облаковъ спокойное движенье 305
Земля цвѣла 307

ПЕРЕВОДЫ:

Изъ Гёте.
Богъ и Баядера. 309
Коринѳская невѣста 313
Изъ Гейне.
Довольно 320
Шотландская баллада Эдвардъ 321